

## **ЗАКОН ДАРВИНА**

*Во внезапно изменившихся условиях выживают  
не самые сильные. И даже не самые умные.  
Выживают лишь те, кто сумеет быстрее всех  
приспособиться.*

### **Ярослав Наймёнов. Казахстан.**

Лежа на диване, я слушал тишину. Честно, не читал, не думал, просто лежал и слушал, как в уши врывается громогласный, но вместе с тем и тихий писк, буквально пробивающий мозги насквозь. Было скучно. Так долго сидеть без света мы не привыкли.

Последний месяц, у нас примерно 2-3 раза в неделю вырубали свет. Почему - лично я этого не знал, однако мама уже неделю закупалась в магазинах маслом, йодированной солью и прочими продуктами. Цены-то росли, а на зарплату врача много не купишь. Уж лучше сразу запастись - тут я с ней был солидарен.

Несмотря на то, что света не было, и печку мы не топили, все равно было очень душно - в Казахстане летом всегда такая парилка.

Внезапно раздался звук заработавшего холодильника, и в зале, где я лежал загорелась люстра. Дали свет.

- Ярик! - мама тут же окликнула меня из своей комнаты - Не включай пока компьютер!

- Ладно, мам!

Встать с дивана мне пока что было просто лень, и дотянувшись до пульта (и таки упав с дивана), я включил телевизор. Врубился канал ТНТ на котором шло увлекательное и интеллектуальное реалити-шоу Дом-2. Ночной выпуск. В течении нескольких минут я лицезрел как некое существо третьего пола, пытается загипнотизировать камеру. По-видимому у данного существа или не хватало ума, или способностей - так или иначе, но камера гипнотизироваться ну никак не хотела.

- Хотите стать зомби? Смотрите Дом-2 круглыми сутками! - продекламировал я в белоснежный потолок, и переключил канал...

Попав в еще большую трясику - это был канал MTV. Я не знаю, что это была за передача, но явно что-то "толерантное" и демократическое.

- Мы приняли своего сына таким, каков он есть! И не будем мешать ему, строить его любовь! Мы лишь поможем.... - супружеская пара (весом тонны под полторы) с идиотскими улыбками выбирала своему сыну "новую любовь". Мужского пола. Почему это не делает сын - неизвестно.

Больше я не стал рисковать, и сразу переключился на ОРТ - благо у нас было спутниковое телевидение, и мы могли смотреть передачи без казахской рекламы и айтысов. Я конечно могу понять, что казахи чтят свои традиции. Но не кажется ли вам, что прерывать передачу про вторую мировую, заменяя ее состязанием певцов это как-то глупо?

По первому каналу шли новости, каковые я любил смотреть всегда. Да и тема была интересная...

- Жители Крыма окружили запущенную в эксплуатацию систему ПРО. Напомним, что несмотря на протесты правительства Российской Федерации, США завершили проект

"ПРО" установив системы противоракетной обороны в Чехии, Польше, Финляндии и Украине, тем самым отрезав для международного терроризма возможность ракетных ударов. С места событий - Аркадий Трошкин.

На переднем плане появился чернявый низкорослый корреспондент с микрофоном в руке. На заднем плане виднелась орущая толпа и здоровенный плакат "ПРО=ЗЛО".

- Как вы видите, - корреспондент, махнул рукой назад, указывая на толпу - расхотится народ не желает. Насколько мне известно, ПРО хоть и запущена в эксплуатацию, но абсолютно пуста - служащих туда просто не пускают! - внезапно камера дернулась, и сфокусировалась в совсем другом конце участка, где несколько бритоголовых парней избивали пятерых служащих ПРО

- По-видимому, это выступление спровоцировано лидерами скинхедов из фашистских организаций, таких как "Братство Корчиньского" и "Галицкий куклус-клан". Спросим об этих событиях участников митинга.

Корреспондент приблизился к толпе, и отозвал в сторону одного из агрессивно орущих мужиков:

- Скажите, почему вы пошли на этот митинг? Ведь гражданин свободной Украины....

Очевидно он ожидал что "гражданин свободной Украины" будет вещать на чистой украинской мове... я во всяком случае не знаю, но мужчина ответил на чистом русском языке

- Да что тут говорить! Эти пиндосы, уже всех зае... - так как включение было прямым, то цензуры не было - ...бали своей демократической херней! То видите ли мы должны им продукты бесплатно давать! То их солдаты наших девок лапают! То огороды свои перделками-хаммерами попортят! Достали!

- А как вы относитесь к так называемому национал-социалистическому движению, или проще говоря к скинхедам?

- Да как отношусь, нормально отношусь... хоть кто-то этих чернозадых охаживает. Вот к примеру...

- Спасибо, у нас мало времени! - нацепив на лицо фальшивую улыбку, корреспондент отошел от уже успокоившегося мужчины, и продолжил вещать в камеру - Как мы видим, митинг спровоцирован, и головы граждан Украины забиты ложью. Мы будем следить за событиями. Елена?

- Спасибо Аркадий! - отозвалась диктор и тут же перешла на другую новость - Тем временем в Нидерландах прошел...

Я со вздохом выключил телевизор, ибо смотреть на современные картины нарисованные черт знает чем, и черт знает как - я не собирался. Мои нервы мне дороги.

- Ма-ам! А теперь-то можно включить комп?

Ответа не было примерно минуту - наверное мама смотрела на часы:

- Ладно. Включай.

Телевизор сразу же был отключен, и скидывая с колен вольготно спящую кошку я ринулся в свою комнату.

- Ярик! Учти, если с компьютером что-нибудь случится, то придется тебе обойтись без него!

- Ну ма-ам! Мы там так болтали классно... что ты так?

- Ярик, я просто предупреждаю.

На это я уже не обратил внимания, и через несколько секунд уже услышал привычный шум винчестера. Дождавшись загрузки компа, я быстро подключился к Интернету, и вошел на Рамблер - посмотреть новости. В принципе, ничего нового - "Блокада ПРО" - эта новость была на первом месте. А чего я хотел?

Если честно, то мне было глубоко все равно, что происходит там, на Украине. Почему? А черт его знает, наверное, потому что это меня не касалось. Я думаю, что так думал каждый - ведь пока еще ничего не случилось, и был какой-никакой, но все же мир. Мда... Мир. В наш то век, всеобщей либерастии, демократии, и пацифизма, можно было ли поду-

мать, что начнется ТАКАЯ война, а не просто вооруженный конфликт? Тем паче тут, в Казахстане... честно говоря я думал что буду вдалеке от всех этих разборок и стрельбы. Но не надо забегать вперед, не правда ли?

- Ярослав, ты уроки выучил?

- Выучил ма!

- Точно?

- Ну честно говорю, - я нагло врал, никаких уроков я не учил. Хотя оценки в школе имел хорошие - готовился, ма!

- Тогда не сиди допоздна. - свет в комнате мамы погас, и я подключил к компьютеру наушники - не хотел беспокоить.

Я люблю читать. И бывало, что за интересной книгой я часто зачитывался до утра... вот правда читал я в основном с компа - купить в моем городе новую книгу было просто невозможно, пришлось бы сделать заказ. А это не столько дорого, сколько ненадежно.

Вот и сейчас, я читал очередной фэнтези-роман. "Темный доспех", он заинтересовал меня уже одним своим названием. И содержание было очень даже ничего - стрелки на часах буквально летели, а не шли. Прошел час... часы гордо показывали 00.22, спать мне еще не хотелось, а вот поесть... я пошел к холодильнику и сделал себе бутерброд, остроумно названный моим другом "партизанский". Объясняю рецепт - берется толстенный кусок черного хлеба, и все припасы, что есть в холодильнике. От каждого припаса по кусочку, как по известной пословице: с миру по нитке - нищему химзащита. В итоге получается толстенная бандура, которая замечательно утоляет голод, эдакий "рашин гамбургер" как я называл его тогда.

Пройдя в свою комнату, я опустился на стул, и положив на подстеленную бумажку (коей оказался тест по биологии за третью четверть. Впрочем, по ней у меня всегда была твердая 5) бутерброд, снова вперился в монитор.

"Бешеный свист стрел буквально забивал уши..." Фантазия у меня была что надо, и я попытался представить "бешеный свист стрел". Получилось неплохо, и я даже поймал себя на том, что представляю его слишком реально. Да к тому же он становится все громче и громче....

- Так... Надо явно идти спать! - я слегка двинул головой, до хруста разминая шею и попытался было встать...

Но внезапно свист превратился в вой и кувалдой ударил по ушам, снаружи что-то адски громко грохнуло, стекла из окна радостно полетели ко мне в лицо, а компьютерный стол со скоростью локомотива влетел ко мне в подбородок. Или это я в него влетел? Не помню.... Во всяком случае последним, что я слышал, был страшнейший крик:

- ЯРИК ЧТО ЭТО?!

Это проснулась мама.

### **Разные люди. Российская Федерация.**

Кем можно стать, если ваша фамилия - Ментило?

Смешной вопрос.

Прозвища Ванька в своей смоленском родном посёлке не имел. Его просто называли по фамилии. Если бы мальчишка был чуть менее флегматичным - наверное, он бы рано или поздно сел за нанесение побоев и, возможно, убийство, благо, к 18 годам Иван вымахал до метра девяноста семи, весил восемьдесят килограмм и уже четыре года занимался боксом. А так... фамилия в сочетании с флегматичностью вели его по жизни - и после двух лет в армии (ДШБ, Первая Чеченская) привели в воронежскую милицию, где к тридцати пяти годам Иван Ментило потихоньку-полегоньку добрался до капитана и подумывал уменьшить число звёздочек, но укрупнить размер, а там - жениться. Что-то он с этим за-

тянул, и родители из посёлка писали сыну гневные письма, намекая на внуков и желание "понячиться".

Но в двадцать восемь лет лейтенанту Ментилю попался под руку в дежурке конфискованный кем-то у кого-то потрёпанный трёхтомник (под одной обложкой) Толкиена...

...Толкиеном заболевают как правило в возрасте 12-15 лет и это остаётся на всю жизнь. В тусовках ролевиков все друг друга неплохо знают и появление каждого нового человека неостаётся незамеченным. Поэтому когда на городской вписке появился почти двухметровый и уже явно не подростковый... **хоббит** - общественность несколько затормозила. Кое-кто - из ещё не вполне проникшихся - предлагал вызвать психушку. Но более закалённые толкинутые предложили подождать.

На работе об увлечении Ментилю узнали довольно быстро и немало посмеивались. Но на его служебных функциях это никак не отражалось, и смех так и остался смехом - как и насчёт фамилии. А капитан Ментилю в любое свободное время перевоплощался в хоббита...

...Тусовки толкинутых - наверное, единственное место, где могут свободно общаться люди, которые в обычной жизни не просто не контактируют - а прямо враждебны друг другу, по крайней мере, должны быть таковыми. Причина проста. В обычной жизни капитан Ментилю и владелец адвокатской консультационной фирмы "Консул" Дмитрий Ярцевский (или просто "Димон") были природными антагонистами. Но на вольном воронежском воздухе хоббит Фолко и эльф-синдар Талион были как бы даже союзниками. Кстати, внешне худощавый и светловолосый Ярцевский и правда чем-то напоминал эльфа. Мешали только очки, которые, впрочем, Димон носил лишь в конторе.

Кстати, общение продолжалось и в мирные будни. Выяснилось, что и Ментилю и Ярцевский любят захаживать в "Хуторок". Капитану нравилось здешнее "живое" пиво, а адвокат был большим поклонником славянской кухни, широкий ассортимент блюд которой предоставлял посетителям ресторанчик.

\* \* \*

- Не будут они защищаться, Димон.

Изящный Ярцевский задумчиво просмаковал коньяк и вернулся к пожарной котлетке, аккуратно нарезая ножом маленькие треугольные кусочки и методично поедая их. Сидевший напротив Ментилю, хмуро катая в ладонях высокий бокал со степлившимся пивом и мрачно разгялдивая свёрнутую в полоску газету, на которой чётко выделялся портрет президента и начало его речи о внешнеполитической ситуации. Наконец он не выдержал:

- Ну и что ты молчишь?

Плечи дорогого пиджака поднялись и опустились. Холодноватые серо-голубые глаза Ярцевского без выражения посмотрели на капитана.

- Я не пойму, что тебя беспокоит.

- Меня ничего, - буркнул Ментилю. - А тебя?

- Адвокаты будут нужны при любой власти, - непроницаемо отрезал Ярцевский.

Ментилю выругался - так громко, что на него обернулись несколько человек.

- Извините, - сказал капитан и снова обратился к собеседнику. - Не понимаю, - в голосе его прозвучало отчаянье. - Какое-то... какое-то противоестественное, блин, положение. Мы сидим и едим котлеты, вот все мы, - он явно хотел резко махнуть вокруг, но сдержался. - А вот тут, - палец капитана стукнул по газете. - Вот тут... не понимаю. Ну надо же что-то делать!

- Что? - Ярцевский допил коньяк. - Уйти в леса?

- Но раньше-то... - заикнулся капитан, и адвокат оборвал его:

- Раньше имелись князь Пожарский, светлейший князь Кутузов... Центральный Штаб Партизанского Движения, наконец. Сейчас, как видишь, не заметно даже демонстраций с

требованиями раздать оружие. В конце концов, с чего ты взял, будто при власти ООН будет хуже, чем при наших ворюгах?

Толстостенный стакан с коротким звуком разлетелся в пальцах мента. Полилось пиво.

- А как же... - капитан с тихой руганью схватился за салфетки, Ярцевский коротким предупреждающим жестом остановил уборщика и официанта, одновременно двинувшихся к столику, положил рядом с тарелкой сторублёвую купюру.

- Как же что? - поинтересовался он как ни в чём не бывало.

- Ничего, - отрезал Ментилю, изводя новые и новые салфетки. Но потом вдруг поднял голову: - Слушай, а как же Россия? Это что - **просто слово**? Выходит, осталось просто слово? - требовательно и горько спросил он. - А всё... ну было же всё не так... было же... люди... и вообще... Великая Отечественная... и ещё...

Ярцевский аккуратно промакнул губы салфеткой.

- Завезти тебя домой?

\* \* \*

- Ты что, дорогу забыл?

Ярцевский ловко вписал в поворот Nissan Xterra цвета серый металлик.

- Нет, всё в порядке, - он потёр переносицу. - Чертовски надоели очки... Мне просто показалось, что мы не договорили.

- О чём? - Ментилю тускло проводил взглядом здание Арсенала; машина вылетела на Чернавский мост.

- О России и вообще... - Ярцевский засмеялся негромко. - Ты что, действительно всерьёз говорил об этом - партизанить, всё такое прочее... Ради чего? Думаешь, для нас построят концлагеря, как в ту войну?

- Не думаю, - ответил капитан. - Не могу объяснить... Куда мы едем-то, Димон?

- Поговорить кое с кем.

- С кем, о чём? - голос Ментилю стал почти враждебным.

- С теми, кто сможет объяснить, - Ярцевский помолчал и задумчиво заметил: - А котлеты, кстати, подорожали...

...На даче у Ярцевского, расположенной недалеко от Семилукского Лесхоза, Ментилю раньше никогда не был. И только глазами проводил ворота - открывшиеся автоматически, в которые вплыл Nissan Xterra.

Навстречу мужчинам из двери дачи выскочил мальчишка. Ментилю удивлённо хмыкнул. Жены и законных детей у Ярцевского не было, никаких родственников адвокат на дух не переносил, да и не похож был парень на родственника. Да, собственно, и не мальчишка, а уже подросток последней стадии подрастания, если так можно выразиться - ушастый, шустрый, невысокий, но крепкий, с быстрыми светлыми глазами и одетый в камуфлированную майку, такие же штаны и кеды - он окликнул:

- Дядь Дим, привезли?! - и осекся: - Здравьсь...

А Ментилю насторожился. Очень. Он мог бы дать руку на отсечение, что правая ладонь мальчишки совершила одно весьма нехарактерное для людей его возраста в России движение... но тут же парень сделал вид, что просто почесал ногу.

- Здравствуй, - кивнул капитан. А Ярцевский сообщил:

- Спокойно, Арт, это свой... Привёз, держи и разгружай, - он кинул мальчишке ключ от багажника. - Там сверху коробки с консервами, их прямо у машины сложи.

Мальчишка деловито кивнул, смерил Ментилю внимательным и неприятным взглядом и, что-то насвистывая, деловито направился к машине, потом крикнул: "Эдька!" На крик из гаража, выглядывавшего из-за левого угла дома, выпал ещё один объект того же возраста, одетый так же, но повыше, русо-кудрявый, но с немного нерусскими чертами

лица - и двинулся к машине. А Ярцевский, как ни в чём не бывало, показал Ментилю на высокое полукруглое крыльцо из жёлтого кирпича:

- Прошу. И ещё прошу - ничему сейчас не удивляйся...

...Собственно, капитан и не собирался удивляться. Чему? Он немало видел таких дач изнутри и снаружи - по служебной, правда, необходимости. И сейчас наклонился было разуться в просторном коридоре (что при служебных визитах не делается) - но Ярцевский досадливо и не очень понятно сказал:

- Уже не надо, проходи, проходи...

Изнутри - из глубины дома - отчётливо доносились несколько мужских голосов, что-то обсуждавших. Ярцевский целеустремлённо двинулся на звук, недоумевающий гость - следом за ним...

...В большой бильярдной на зелёном сукне стола стоял пулемёт. Самый обычный ПКМ в полуразобранном состоянии.

Его наличие до такой степени приковало в первые секунды внимание капитана, что он даже не сразу обратил внимание на присутствующих в комнате людей, которым, впрочем, на капитана было, кажется, наплевать в высшей степени. Но потом Ментилю немного пришёл в себя и сориентировался, что в комнате трое, мужики лет по 35-40, причём спорят только двое из них, просто на сильно повышенных тонах. Третий - похожий то ли братка, то ли на... бендеровца (именно такая ассоциация почему-то возникла у Ментилю) коротко стриженный мужик, одетый в расстёгнутый на груди камуфляж и берцы, возился с этим самым пулемётом. Со вкусом так возился, тщательно, отключившись от прочего происходящего в помещении.

Двое других выглядели вполне граждански. В хороших костюмах - сером у одного, пониже, светло-зелёном у другого, повыше. Они сидели друг против друга в удобных креслах и... гм... беседовали.

- Есть вещи, которые не доказываются и не проверяются в принципе, - заметно ломая звук "р", говорил Зелёный Костюм, чья личность - глубоко посаженные карие немного сонные глаза, тёмные с сединой волосы, небольшой рот, выпуклые скулы - вдруг показалась Ментилю странно знакомой, хотя он мог поклясться, что раньше никогда этого человека не видел. - Например, твоя вера в бога.

- Не моя, ты говоришь так, как будто я её ношу в кармане, - парировал спокойно Серый Костюм, отпив из чашечки, которую держал в руке, какую-то жидкость - по виду и сильному запаху - кофе. Спор, очевидно, шёл давно и, хотя говорили оба громко, но с какой-то ленцой. И тут же все трое - как по команде - усталились на Ярцевского и Ментилю.

- И кто это? - поинтересовался Бендеровец.

- Капитан Ментилю, - представил хозяин дома и, отойдя к стойке, стал выбирать кий.

- Капитан **кто?** - с непередаваемой интонацией спросил Зелёный Костюм. А Серый просто сказал:

- Добрый день, - и допил кофе.

- Садись, мил человек, - предложил Бендеровец. И - Ментилю ждал этого и не обманулся - добавил: - Выпьем, закусим... о делах наших скорбных покалякаем.

- Иван правда мент, - Ярцевский снял со стола пулемёт, чем вызвал гневный взгляд Бендеровца, который нагнулся к пулемёту, как к незаслуженно и больно обиженному ребёнку.

- Так, и нам надо сделать выводы? - уточнил Серый Костюм. Он смотрел рассеянно-цепко, даже смешно от такого несоответствия, но так и было.

- А я вас знаю, - вдруг вырвалось у Ментилю, он кивнул Зелёному Костюму. Капитан и правда вспомнил его. - Вы писатель. Верещаев... я читал у вас "Кровавую полынь". Хорошая книжка... Верещаев... - Ментилю пожал плечами. - Имя не помню, извините. Старинное такое, нерусское.

- Ольгерд, - задумчиво напомнил Верещаев. - Так что же нам с вами делать, капитан Ментилю?

- А ничего, - Ярцевский точным ударом кия разбил аккуратный треугольник - три шара брызнули в лузы. - Я, кстати, привёз груз, мальчишки его разбирают.

- ЧТО?! - взревел Бендеровец, кидаясь к выходу. - Да ты что, Димон, офигоумел?! Кто ж такое даёт дитю, там же МОНЫ, ПОМЗЫ - любимые его, так вас всех, игрушки!!! - и бомбой вылетел наружу.

- Мнээээ... - проявил Верещаев признаки беспокойства. - Вообще-то Эдуард тоже неровно дышит к таким вещам... я, пожалуй, пойду тоже...

- Мы не доспорили, - Серый Костюм поднялся. Мельком представился: - Алексей Пешкалёв... Ольгерд, погоди.

- Скорей, а то сейчас нам мало не покажется, - сказал Верещаев, стоявший в дверях. - Они уже пломбы сдирают... Сашка, сзади хватай!!!

"Костюмы" выскочили наружу.

- Ну а мы поговорим, - Ярцевский уверенно щёлкнул по шарам снова - в лузу лениво вкатились даже два. Капитан проводил их полубезумным взглядом.

- Послушай, кто вас курирует? - неожиданно спросил, поднимая глаза от зелёного сукна, Ментило. Взгляд Ярцевского стал неожиданно ехидным:

- В каком смысле? - вкрадчиво спросил он. Капитан пожал плечами:

- Ну... в прямом. Какая спецслужба?

- Ваня, - в голосе Ярцевского смешались жалость и даже толика презрения. - Я, конечно, понимаю, что тебе, как государевому человеку, хочется, чтобы нас кто-то курировал. Типа ФСБ или ГРУ. И чтобы сейчас я признался тебе о существовании в недрах нашего государства подпольной группы болеющих душой за страну руководителей разного ранга, которые и... - Ярцевский многозначительно помолчал, потом кивнул: - Так вот, я признаюсь.

- Так кто? - жадно спросил Ментило. Ярцевский нагнулся к нему и театральным шёпотом сказал:

- НИКТО.

Потом откинулся на спинку кресла и повторил, глядя в удивлённо-недоверчивые глаза милиционера:

- Никто, Ваня, никто. Нет никакой организации патриотов во власти. Ничего подобного просто нет, читай по губам - НЕТ. И **никто** там не собирается защищать Россию. Они её сдали, Ваня. Часть структур просто парализована реформами последних лет и полностью дезориентирована - их разгонят и пересажают сразу после ввода ограниченного контингента. Остатки армии просто распустят приказом, оружие и технику они сдадут под ООНовскую охрану. Другая часть власти уже подыскивает те зарубежные банки, на счета в которых нужно будет переводить жалование за службу в колониальной администрации. Золота - партии, царя, Белых Волхвов - тоже нет. Нет охватывающей страну сети ячеек русских патриотов, нет единого центра и единого плана. **Ничего** нет, Ваня. Просто есть кучка людей - и нам хочется пострелять по грядущим оккупантам. По разным причинам. Разочаровал? - тонкие губы Ярцевского изогнулись в горькой улыбке. - Прости. Так как? Будем говорить дальше - или моё чутьё меня подвело и тебя придётся пристрелить?

Ментило перевёл дух.

- Будем, - твёрдо отрезал он.

### **Ярослав Наймёнов. Казахстан**

Очнулся я, как ни странно, дома, хотя по всем законам, как общества, так и морали, уже семь часов (столько я был в отключке) моё брэнное тело должно было бы лежать в больнице, опекаемое штатом белых халатов. Хотя, по правде говоря это было даже к лучшему, ибо и больница, и весь ее персонал переехали. На ПМЖ. В верхнюю тундру. То

бишь на тот свет. И осталась Сарань без больницы.... Хотя по скорой помощи господа виновные в моей отключке не прошлись. Наверное потому что у НИХ скорая помощь и больница находятся в одном здании. В нашем же замшелом Казахстане до такого еще не доросли. И слава богам... лично мне моя жизнь всегда была дорога.

По правде говоря, сказав "очнулся", я очень сильно преувеличил факты, ибо пришел в себя только формально - на самом же деле, сначала мой долбанутый мозг подумал, что я уже как бы на небесах. Отрезвило меня только отсутствие арфы в руках... Осознав свою жизнеспособность, добрых полтора часа я пытался разлепить правое веко... получалось плоховато, созревало такое впечатление, будто какой-то добрый дядя забетонировал мне все лицо. Однако правое веко я таки разлепил. Потом потратил полчаса на левое. После этой воистину титанической работы, мне захотелось поспать... а побыли бы вы на моем месте! Во всяком случае, встать с кровати я смог через три часа.

- Ма-ам... - мой голос дошел до меня с большим опозданием, голова как будто была заполнена самыми что ни на есть обычными соплями, мысли буквально слипались и тонули в них. Мне было плохо - Ма-а-ам!

- Ярик! Очнулся! - из кухни мгновенно подошла мама - Ты почему с кровати встал?!  
А ну....

Я насколько мог быстро прервал ее.

- Мам... извини, что я так долго за компом сидел... я наверное сознание потерял от него....

Она с грустью посмотрела на меня и то что она сказала пронеслось в моей голове как молния. Несмотря на всю заторможенность.

- Ярослав, нас бомбили.

Как обухом по голове - значение этой поговорки я понял только сейчас. Причем на практике - ибо моя больная башка попыталась отказаться работать, и весь мир превратился для меня в подобие калейдоскопа.

- Кто бомбил.... - мой голос превратился в хрип

- Ярик я не знаю. Все это время я почти не выходила из дома.

Пульс участился и буквально рвал виски на части, голова бухла и раздувалась. Глаза отказывались как фокусироваться, так и нормально работать вообще. Уши как будто забило ватой. В конце концов, закончились эти чудные метаморфозы тем, что, радостно запищав, и для порядка повертевшись юлой, этот мир нагло лопнул, оставив меня в непроглядной тьме. Вы правильно догадались - я снова потерял сознание.

Опустим то, что я видел во сне, и перейдем к тому моменту, когда я, обуреваемый жадной любознательности (и этой чертовой головной болью!) собирался прогуляться по двору. Жутко хотелось пробежаться по городу, но пока мне было это запрещено.

Во дворе все было совершенно спокойно и обычно, не считая конечно воронки недалеко от окна в компьютерную комнату. Ноги повели меня за ворота... выйдя со двора, я тут же пожалел что сделал это.

Начну издалека: были ли вы когда-нибудь на рынке? В мясной его части, где продавцы рубят мясо прямо на открытом солнце. Тучи мух... не слишком аппетитный вид... но самое главное, что особо запоминается - это ЗАПАХ. Запах крови, потных тел, всего, что валяется на земле....

Этот сладковато-горький, местами даже, как это ни страшно признавать, приятный запах теперь был полновластным королем улицы. Даже не улицы, а именно улиц. Абсолютно всех. С единственным отличием - мясо, что валялось под открытым солнцем было человеческим. Это были трупы. Никто не убирал их....

Продолжим: а видели ли вы когда-нибудь мертвецов? Настоящих, не киношных и уж тем более не из компьютерных игр.... Не видели? Тогда я вам жутко завидую, и отнюдь не пожелаю узреть это даже днем....

Представьте себе набухшее, синее, воняющее... хотя нет - смердящее тело. С распоротым осколками животом, из которого торчат отнюдь не те, необычного вида змеевид-



ные трубки, что так любят разбрасывать в ужасниках.... В мужском трупe, что я увидел, кишки оставались кишками. Выпав на пыльную землю, щедро расплескав свое содержимое - переваренную пищу, какую-то склизкую гадость, фекалии и мочу, все это счастье с наступлением жары воняло все "приятнее". Врагу не пожелал бы лицезреть (и что самое главное, обонять) такое зрелище.

- Так-с.... - после того как меня вырвало, я сел на большой валун, что валялся возле ворот моего дома лет так уже пятнадцать. Откуда он тут взялся и кто его принес? На это я ответа не знал. - Ффух....

Отдышавшись, я уже хотел было идти дальше, но, с силой втянув носом воздух, остановился, немного подумал, и зашел назад во двор. За лопатой. Столь аппетитное соседство мне далеко не импонировало. Мама хотела было выйти помочь, но я решил на чуть-чуть уподобиться тем, с кем живу рядом, и, буркнув: "Уйди в дом, женщина!" - пошел один. Может это и кажется смешным, но... для того, чтобы это понять, надо ценить то, что у тебя есть.

Копать было трудно, вся земля рядом с помойкой была сплошь пронизана корнями деревьев, а лопата была старая и не точенная. Причем яма требовалась довольно приличных размеров - все-таки трупов было трое, и они уже начинали вонять все сильнее, ведь лето в Казахстане жаркое....

Что самое поганое - никто из соседей даже не вышел помочь мне, хотя я точно видел, как за мной смотрят из окон. И как будто не понимают, что, если мертвяки начнут разлагаться, то вонь будет не только у наших ворот, заденет несколько домов. А уж когда все это счастье начнет впитываться в землю.... Трупный яд, знаете ли, вредит не только человеку, мать сыра земля тоже от него не в восторге.. Хотя... пусть отсиживаются, Бог им судья. Благо мне с ними детей не крестить.

Я даже сам не заметил, как углубился настолько, что хватило бы места не только трем мертвецам, что лежали на дороге. Может показаться странным, что вместо того чтобы звонить куда-либо, я молча решил закопать мертвецов, однако - если подумать... Явно после бомбежки всем явно будет не до этих людей. А даже если и будут их искать... это мое священное право. Кстати - о нем....

Я не удержался и быстренько пробежался по карманам у двух людей, чьи тела остались целы. К тому, коего буквально распотрошило, прикасаться я не рискнул. Противно, да и мало ли чего из этих кишок выпасть могло? Нашел я обычный набор, носимый любым человеком - немного денег и два мобильных телефона. Остальное, типа документов, я трогать не стал, ведь бомбежка бомбежкой, а вот вдруг найдут у меня эти бумаги? Докажи потом нашей доблестной милиции, что этих несчастных бомбой убило! Мне проблемы не нужны....

Так же я подобрал отличный темно-коричневый дипломат, в котором была какая-то документация, ее я положил в могилу к хозяину. Будет что почитать на том свете. Цинично, я не спорю. Но они мертвы, и им все равно.

Уже когда я заканчивал работу, и присыпал песком лужи крови, из-за поворота вышел почтальон. Вернее почтальонша.

- Эй, парень! - еще издали окликнула меня она

Я не спеша, до хруста в спине, потянулся и воткнул лопату в свежезакопанную могилу.

- Вам чего?

- Это улица Свердлова, дом 36?

- Ну да.

- Найменова Наталья Петровна тут проживает?

Меня снова как обухом по голове - ведь все медики военнообязанные!

- А мамы дома нет, она уже в больницу ушла... - соврал я - Кстати, а что такое случилось? Я слышал, что бомбежка.

Почтальонша наконец подошла ко мне. Она оказалось женщиной примерно 50-55 лет, достаточно плотная телом, с живым и приятным лицом.

- Бомбежка, парень, бомбежка! Вот, повестки разношу, приказ о всеобщей мобилизации объявили....

Моё лицо само собой расплылось в ухмылке, когда я увидел испуганные глаза соседа, слушавшего все это из окна. Ему было 30 лет. По закону он тоже военнообязанный.

- А тебе самому-то, сколько лет парень?

- Шестнадцать, - тут я не соврал. При всем моем росте и комплекции, хоть и выглядел я, как мне говорили, на 18, но на самом деле мне было 16 - Две недели назад ходил на удостоверение заявку делать.

- Ох, заболталась я с тобой.... - подойдя к соседским воротам, она кинула в жестяной почтовый ящик повестку, и пошла дальше.

Я было хотел продолжать работу, но тут спохватился

- Бабуль, а кто бомбил?

- Да не знаю!

Весь настрой для работы пропал - наскоро засыпав кровью землей, я закинул лопату во двор и, быстро закрыв ворота, зашел домой.

Мама варила какой-то суп. По телевизору шли новости, что характерно - был включен казахский канал. Как я узнал - спутниковое телевидение перестало работать. Как впрочем и кабельное.

По всем каналам шла прямая трансляция, с обращения президента к народу.

*- Вчера вечером, в двадцать два часа сорок семь минут казахстанского времени, по нескольким городам Казахстана были совершены точечные бомбардировки. Обойдя все системы ПВО с помощью современных технологий, межконтинентальные бомбардировщики, подвергли бомбежке: Астану, Алматы, Костанай, Караганду, Жезказган и области, прилегающие к этим городам. Сегодня, благодаря исследованиям, стало известно, что это были самолеты системы Боинг Б-52, модификации, неизвестной нам. Эта и другая информация, которая разглашена быть не может, даёт основание полагать, что бомбардировку совершили ВВС США. Кроме того, сегодня, в тринадцать часов пятьдесят минут казахстанского времени возле границ Казахстана, со стороны Каспийского моря, с кораблей была совершена высадка войск США. Казахстану со стороны Белого Дома был предъявлен ультиматум, о безоговорочной капитуляции в течении двух дней. По истечении этого времени по отношению к Казахстану будут применены не только точечные, но и ковровые бомбардировки. Причина нападения выведена не была - Нурсултан Абишевич Назарбаев, переменял листок с речью, глотнул из стоящего рядом стакана воды, и продолжил речь - Капитуляция принята не будет. Казахский народ не сдастся. Сегодня в ноль-ноль часов ноль-ноль минут по казахстанскому времени, сразу после объявления нам ультиматума, был объявлен приказ "О всеобщей мобилизации" лиц возрастом начиная с 18 и кончая 45 лет. Мы дадим отпор вероломным захватчикам!*

После чего экран моргнул, на него вывелось изображение гордо развевающегося флага Казахстана, и заиграл гимн.

Я погрузился в раздумья, ибо иллюзий насчет этой войны... хотя даже не войны а конфликта у меня не было. При всем моем уважении к казахстанской армии - конкурировать с войсками США она не сможет. Хотя бы из-за того, что последние 18 лет, начиная с 91 года, нам слишком долго вбивали в голову, что американцы непобедимы.... Да хотя бы из-за того, что у них больше техники и возможностей.

Вот правда - ЗАЧЕМ им Казахстан? Нет, можно понять, страна у нас богатая... вся таблица Менделеева в земле захоронена, однако.... Меня осенило.

- Мама! А из России никаких трансляций не было?

- Да нет... - отозвалась она с кухни - Ничего. С самого утра одни помехи по спутниковому.... Будешь борщ?

- Конечно!

...Несколько минут спустя, сидя за столом, и похлебывая наваристый харч, я обдумывал ту мысль, что пришла мне в голову. Ведь вполне может быть, что Казахстан - это промежуточная цель... а реальная цель... реальная цель - это, скорее всего, Россия.

Наскоро поев и обтерев тарелку куском хлеба, я обратился к пившей чай маме.

- Мам, я пойду прогуляюсь. Прошу тебя, закрой дверь, ворота, и никуда не выходи! На улице такая суэта творится - сам черт ногу сломит. Когда я приду - то перелезу через забор и постучусь три раза в окно, вот так, - костяшками пальцев я три раза стукнул по застеленной скатертью крышке стола.

- Ярик.... - мама хотела было пошутить, но, бросив взгляд на мое серьезное лицо, сдержала улыбку - Постарайся недолго.

- Угу.

Оделся я в довольно среднюю, разношенную одежду. Мало ли чего - получить по башке и очнуться в подворотне голым мне не хочется. Но, решив перестраховаться, в рукав широкой мастерки я поместил обрезок пластиковой трубы. Легкий и самое главное бьет похлеще арматуры - при сноровке можно нехило рассечь кожу врагу! И не сломать кость...

...Куда идем мы с Пятачком? А идем мы с ним на главную площадь, в центр города. Там всегда много кто ходит. Авось что-то и узнаю.

По дороге на площадь я решил пройтись до почты, ибо жил я с ней почти что рядом. Дело в том, что сразу под ней находился вход в бомбоубежище, построенное еще с советских времен. Интересно, есть ли кто там? Хотя вряд ли... ибо по крайней мере два дня назад вход в это бомбоубежище был засран настолько, что туда не шли даже бомжи.

Однако сейчас ситуация изменилась - подойдя к спуску ко входу, я увидел небольшую фуру, из которой несколько грузчиков вытаскивали коробки. Скорее всего кто-то переоборудовал, столь нужную в данное время вещь в склад. Между прочим зря - ибо в данное бомбоубежище входов и выходов было несколько. Хотя мало кто об этом знал.

Еще немного посмотрев на эту картину, я прокрался назад, и теперь уже точно пошел на площадь возле Дома Культуры города Сарани. Несмотря на свое гордое название, площадью это можно назвать лишь большой натяжкой - она была не слишком большой и не слишком красивой. Разве что в центре ее стоял фонтан. Сломанный.

Вот как раз таки у него и тусовались несколько гопников-рэпаков. Не будь среди них одного из моих одноклассников, я бы подойти не рискнул. Однако, в своем классе отношения со всеми у меня были хорошие, так что....

- Саламчик, Сережа! - я приветливо дал краба долговязому парню в черном спортивном костюме - Как дела?

- О Ярик-рокер! - тот махнул рукой компании типа "свой" - Да вот дела по нормалу.... В курсе, что Назарбай всеобщую мобилизацию объявил? Вот, Андрюха еле от военки отвязался, все повестку совали....

Тот, кого называли Андрюхой, шмыгнул носом и подтвердил:

- Ну ебана! Я полчаса по всему городу прыгал, пока они от меня не от\*\*ались!

- Да только что трындеж по телику смотрел, - я не преминул поздороваться со всеми остальными - Полчаса распинался.... В курсе, что это амеры напали?

- Да иди ты! Реально американцы?

- Ну да, ты что, телик не смотрел?!

- Бля.... И чо, воевать типа будем?

- Ну да.... Хотя не выиграем, это сто пудов. Куда нам с амерами тягаться!

В общем, ничего нового от них узнано не было. "Мобилизация - армейка - нах это надо," - вот и все их темы для разговоров. Попрощавшись, я прошелся до военкомата, но туда меня даже близко не подпустили - был установлен небольшой кордон, за который пройти можно было только имея повестку. Но я сумел таки увидеть (а потом и узнать по разговорам), что их сажают на ЗИЛы, после этого везут по частям в Карагандинской области, там идет вооружение, а после этого на поезде разъезд по точкам конфликтов. И мож-

но ли только подумать, что из-за этой строчки я пробежал по Сарани три с чем-то часа? Дом принял меня в свои объятия только вечером, после чего, выслушав долю нотаций от мамы и еще раз посмотрев новости по телику (ничего иного не показывали) я лег спать. Меня ждал новый день. И как это не прискорбно признавать - целая куча новых проблем.

### Разные люди. Российская Федерация.

В эту ночь Верещаев спал плохо. Точнее - как-то странно. Он лёг в третьем часу, когда закончил работу с компьютером, и вроде бы уснул сразу. Но... то ли приснилось, что уснул, то ли наоборот - приснилось, что не спит, то ли и правда не спал - только утром он мог бы поклясться, что всю ночь так и пролежал с открытыми глазами, глядя в потолок и слушая тишину в пустом доме.

Тем не менее, усталости или тяжести, поднявшись в одиннадцатом часу, он не ощущал. Может, всё-таки спал?

Он проверил сумку с вещами. Побродил по комнатам, сел в кресло. Подумал, глядя на серый экран телевизора: может, это сейчас я сплю? Сделать над собой усилие - и проснуться. Ничего не будет этого, ничего...

Включил телевизор, пробежался по каналам. Везде показывали новости, новости, новости об одном и том же. Про Особый Комитет ООН по природопользованию. Это была такая чушь, что опять захотелось проснуться. А ещё - никуда не ехать, потому что за окнами совершенно обычной жизнью жил родной город. Потом промелькнуло что-то про миротворческую операцию США в Казахстане. Гм, в Казахстане?

- Я всё придумал, - сказал Верещаев в тишину дома. Зачем-то отвёз мать в Белоруссию. Зачем-то собирается куда-то уезжать. Он в отпуске, надо догулять этот отпуск, который только начался, кстати. И продолжать работать.

Он позвонил в мэрию, потом - в военкомат. И там и там ответили спокойные голоса дежурных. Он извинился. Хотя было желание закричать: "Вы телевизор смотрите?! Оккупация началась!"

Встретился взглядом с портретом деда.

- Прости, - упали в тишину слова. - Я хотя бы попытаюсь.

Он выпил кофе, хотя обычно не любил этот напиток. Да и сейчас не полюбил, просто стремительно начала тяжелеть голова. Потом сел к окну, за которым был солнечный день. И сидел долго. Потом напротив окна устроились играть соседские мальчишки - и это было невыносимо.

Он закрыл шторы. И, к счастью, пришёл Демидцев.

Верещаев отдал ключи. Кивнул - разом на все комнаты:

- Вот... живите... - прокашлялся. Старый друг смотрел большими глазами. - Диск я на компе отформатировал, там чисто, пользуйтесь... если будет электричество... - Демидцев кивнул. - Да. Ружьё я тоже оставляю.

- И ружьё? - Демидцев моргнул.

- Да... Мало ли. Спрячь, скажешь - с собой забрал. Ну а куда уехал... - Верещаев пожал плечами. - В общем, не знаешь. А, ещё, - он подал Демидцеву банку с тремя десятками дивидишников, запаянную в двойной слой толстого полиэтилена. - Это тоже спрячь. Так, чтобы никто не нашёл, только ты. Это вся база... вообще - **всё**, жалко будет потерять с концами... вдруг пригодится ещё? Не мне, так...

Он не договорил. Зашнуровал туфли, подцепил сумку. Похлопал себя по карманам.

- Всё, кажется. Пойду.

- Что теперь будет? - тихо спросил Демидцев. Верещаев пожал плечами:

- Не знаю, - сказал он искренне.

- Когда ты вернёшься?

- Не знаю, - покачал головой Верещаев. Его подмывало сказать: "Поехали со мной!" - но он знал ответ, и Демидцев знал ответ, и нечестно было бы это спрашивать. - Если что - там везде крупы разные, сублиматы, соль, сахар, мука... Ну, всего полно, разберётесь.

Он завернул на задний двор, потрепал по ушам пса, который ткнулся хозяину в беду носом и вопросительно поурчал. Верещаев на ходу забрал с крыльца сумку.

- Жене, девчонкам - привет, - обычным голосом сказал он стоящему у калитки Демидцеву. Тот протянул руку, пожал, потом рывком подтянул к себе Верещаева, обнял. - Ладно, ладно, - усмехнулся Верещаев.

И пошёл по тропинке к калитке - не оглядываясь...

...Не грусти, безумный полководец,  
Мы проиграем эту войну,  
Уцелеет только мальчик-знаменосец,  
Чтобы Бог простил ему одному  
Нашу общую вину.

И будет нам счастье и чаша покоя,  
Рассветные бденья над вечной рекою,  
Целительный сон, и надежные стены,  
И мир неизменный.

Не трудись, не порти новой карты  
Планами беспочвенных побед,  
Растеряв всех нас в боевом азарте,  
Ты идешь упрямо на тот свет,  
Невзирая на запрет.

Идущий за призраком вечной надежды  
Взыскует служение в белых одеждах,  
Открытие врат потайными ключами,  
Предел без печали.

Мы сдадимся ангелам без боя:  
Лучше в небо, чем такая жизнь,  
Знаменосца не возьмем с собою,  
Ибо жизнью он не дорожит -  
Знаменосец должен жить.

Уходим бесшумно под пологом ночи,  
Мальчишка проснется и смерти захочет,  
Оставшись один, разуверится в Боге  
В начале дороги...<sup>1</sup>

\* \* \*

Клуб был закрыт. Закрыт с начала лета. Так как-то само получилось, никто специально его не закрывал и не запрещал. Впрочем, Верещаев почти споткнулся, увидев сидящих на ступеньках людей. Он знал, что его тут должны ждать... но не думал, что - столько.

Шестеро мальчишек разного возраста - от 11-12 до 15-16 лет.

Русоволосый остролицый мужчина.

Черноволосая круглолицая женщина. Ещё один мужчина - невысокий, крепкий, тоже русский, коротко стриженный.

---

<sup>1</sup> Стихи "Тэм Гринхилл".

Круглолицый грузноватый мужик. Маленькая светловолосая женщина. Рослый стойкий юноша.

Стояли аккуратно приткнутые друг к другу сумки и рюкзаки.

Увидев Верещаева издалека, все поднялись - синхронно, видимо, давно ждали.

Было очень солнечно и очень тепло. Жарко. Летний день.

Мимо на велосипедах проехали двое мальчишек и девчонка. Верещаев проводил их глазами. Снова повернулся к людям.

- А мы знали, что вы здесь пойдёте, - сказал, вставая, невысокий светловолосый паренёк.

- Угу, - буркнул Верещаев. - Ну здравствуйте тогда.

- Возьмите нас с собой, - сказал паренёк, не отвечая на приветствие.

- Куда взять? - усмехнулся Верещаев.

- Туда, куда вы едете, - серьёзно сказал парень.

- Я еду отдыхать в Крым, - Верещаев качнул сумкой.

- Поедем в Крым, - не отступал светловолосый. - Там сейчас самый сезон... - он многозначительно не договорил.

- Ольгерд, я им всё рассказал, - негромко подал голос остролицый.

- Хорошее начало, Вить, - кивнул Верещаев. По улице проехал джип, из окон бухала ритмичная музыка. Все проводили машину взглядами. - Обратите внимание, нет ни выступления лидеров нации с призывом защищать Отечество, ни даже митингов, как в Крыму... куда я собираюсь. Все просто ждут.

- А мы ждать не хотим, - упрямо сказал светловолосый.

- Статья 208 УК РФ - "Организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём", - процитировал Верещаев. Все присутствующие неожиданно неприятно засмеялись. - Петька, Димка, - Верещаев смотрел на светловолосого и стоявшего рядом с ним смуглого паренька - помладше, с густо-чёрными волосами, - ну ладно остальные, с ними мы уже говорили... Но вам-то - вам-то зачем это надо?! Идите домой. Слышите? Домой. Вас родители ждут. Идите - и постарайтесь устроить свою жизнь.

Мальчишки переглянулись. Светловолосый Петька посмотрел на носки лёгких кроссовок и предложил тихо:

- Ну тогда скажите, что всё, чему вы нас учили - дерьмо. Громко, вслух скажите. Мы сразу уйдём. И всё. Скажите.

Опять рухнула тишина.

- Идиоты, - выдохнул Верещаев. - Боги, ну какие же мы идиоты...

Они опять помолчали.

Из окна дома рядом с клубом очередная одесская "совесть нации" - видимо, там работал телевизор - громко вещала, что "худой миг лучше доброй ссогы". Ясно было, о чём идёт речь...

- Поезда ещё ходят, - сказал юноша.

- А что случись, они и будут ходить, - усмехнулся Верещаев. - Ну что же. Пошли тогда.

- А мы? - спросил светловолосый.

- Вы же всё равно пойдёте следом, - вздохнул Верещаев.

- Не надо идти никуда, - сказал круглолицый. - Тут за углом моя "газель". - Говори, куда ехать, Ольгерд.

### **Ярослав Найменов Казахстан**

Этой ночью по нам опять прошлись бомбежкой - но не так чтобы сильно, явно цель делалась на запугивание мирного населения. Почему мирного? Очень просто - после удачного (а что он будет удачным - я не сомневался) завоевания, либо в самой Караганде,

либо в одной из ее областей будут строить форт.... Или штаб. Для чего? Загадка. Этого просчитать я не мог. Уже утром я поделился своими мыслями с мамой.

- Ярослав, я думаю что тут что-то будет связано с Россией, - мама была умнее меня по части фактов. Я же всегда был фантазером, даже стихи как-то пробовал писать. Но не смог - оказалось не мое. - От нас... да хоть тот же Тамбов! Хоть он от нас и далеко, но дорога хорошая и налаженная. Опять же, среднее расстояние от границ. В общем идеальная база для транспортных конвоев.

В обычное время я бы уже через полчаса забыл все эти домыслы, однако эти полтора военных дня очень сильно изменили образ мыслей. Теперь моим кредо стала фраза: "**Запоминай абсолютно ВСЕ.**" И надо сказать, что этот девиз частенько спасал мне как шкуру так и имущество. А в такое время имущество почище иной жизни ценится.

- Ярик у нас холодильник почти пустой.... - мама скромно поставила передо мной три жареных сардельки на тарелке. Даже без хлеба. А борщ мы решили оставить на вечер - Хлеб кончился вчера, магазины закрыты - соседка говорила.

Это не есть хорошо. Более того - это есть плохо. Даже хреново. Ибо ждать, пока магазины откроют, я не хочу.

Во всяком случае, об этом я решил подумать позже. Было 5.37 утра, я включил телевизор. Как обычно по нему шли новости. Экстренный выпуск.

*- Несмотря на данный нам двухдневный срок, войска США, не стали блюсти указанную своим лидером дату. За эту ночь была проведена завоевательная операция, в ходе которой оккупированными оказались: города Атырау, Актау, Аркалык и Кандыагаши и прилегающие к ним области. Наша армия уже ведет успешную борьбу с захватчиками.*

А дальше я слушать не стал - ибо шли восторженные речи в стиле "Мы героически и доблестно отступаем, а наши враги беспорядочно и трусливо нас теснят" . Я поставил бы свою голову против куска навоза, что уже через два... ну максимум три дня, командующий казахстанским фронтом будет пить кумыс в Астане. Хотя бы потому, что Казахстан наводнят войсками, у США их слишком много.

Уже по привычке я выбрал на пульте один из каналов спутникового телевидения и обомлел! Плохо, с помехами и перебоями... но все же он работал! Шло какое-то заседание... хотя почему "какое-то"? ООН - этот герб узнает даже пьяный олигофрен.

- *..перации?* - какой-то толстяк в очках обращался к человеку с табличкой "USA"

- *Нами была получена информация, что в Казахстане находятся незаконные единицы ОМП* - ответил тот - *По данным нашей разведки, это ОМП водородного типа...*

Камера переключилась на вид всего зала - и я узрел представителей всех членов ООН. Но что удивительно - Казахстана там не было. К слову говоря - из окна видневшегося на экране открывался прекрасный вид на развевающееся флаги стран. Казахстанский флаг там отсутствовал. А что это означает? А означает это одну до жути плохую вещь - с утра моя страна лишилась поддержки всего мира, и, выражаясь грубо, нырнула в большую, глубокую и чрезвычайно грязную задницу.

Неужели никто в этом гребаном ООН не может понять - ну откуда у КАЗАХСТАНА водородное оружие? Ядерное, может быть - Назарбай у нас ушлый и умный. Несмотря на то, что казах... но водородное? Передача продолжалась.

- *А какие меры были приняты вами?*

- *Мы перевели через Каспийское море, некоторую часть контингента с наших военных баз в Иране и предъявили правительству Казахстана ультиматум о безоговорочной сдаче ОМП. Казахстан, в ответ на это ударил по нашим войскам. Мы вынуждены действовать по разработанному нами плану блицкрига "Дропа-Митлсона". И в....*

К сожалению помехи усилились настолько, что дальше разобрать что-то было уже невозможно. Я глянул на часы - было 7.25.

До жути захотелось выпить чего покрепче или набить кому либо морду.... Я решил снова прогуляться по городу. Одел то же что и вчера - старые джинсы, серую футболку и мастерку с капюшоном. Не забыв, конечно же, взять пластиковую трубу.

Первым делом я пошел к бомбоубежищу, переоборудованному в склад - у меня возникла замечательная мысль....

...Дело в том, что у этого бомбоубежища, как я уже и говорил, было несколько входов и выходов. Отмеченных, надо сказать - перед каждым висела табличка "Выход N..." и дальше по порядку. Однако одна "тайная тропа" была не только не отмечена, но и тщательно скрыта. Нам ее военрук на экскурсии показывал... этим выходом был подземный тоннель, ведущий прямым ходом к подвалу школы, располагавшейся стеночка к стеночке с бомбоубежищем. Назревает сомнение - ведь такой проход вполне легко заметить! А вот и зря, чтобы пройти по нему в бомбоубежище, надо было раскидать большую кучу деревянного хлама, коими был засыпан люк, как в школе, так и в самом новооборудованном складе.

Все наружные выходы из бомбоубежища были заварены и опечатаны бумажками "Собственность Жансырова М.Х". Жансыров - это был наш заместитель нашего Акима. Имел несколько магазинов в Сарани, и по слухам даже в Караганде, но речь не об этом....

Я пошел к школе - благо, она была недалеко. Массивное здание встретило меня закрытыми дверьми как с парадного так и с черного входов. Открыть как парадный так и черный ход снаружи было невозможно - замок первого был забит спичками (хорошо что они были не сломанными), из второго торчал повернутый наполовину обломок ключа. Кто-то очень умно решил проблему с дверьми, но совершенно халатно проглядел окна - ставни одного из них, на первом этаже, были всего лишь плотно прижаты друг к другу. Но не закрыты. Это были окна в кабинет химии.

Честно говоря, карабкаясь по бордюрику и цепляясь за подоконник, я не пожалел, что надел старую одежду - моя одежда превратилась в порядком измазанные лохмотья, но все-таки в кабинет я попал. Мои глаза сами собой прыгнули взглядом на первую парту первого ряда, где я постоянно сидел. Вот и надпись "Ария - форева!" сделанная мной почти в самом конце четвертой четверти.... Омрачало мои воспоминания только одно - кабинет был закрыт.

Однако ненадолго - вконец разозленный, подбадривая себя матерными стишками, я выбил эту дверь к чертовой матери! И пошел к столу, где обычно сидели технички - там хранилась толстенная связка ключей от всех кабинетов. Таких связок было две - одна у директора, одна в вышеуказанном столе. На случай если придется открывать оба входа одновременно.

Первым делом я пошел... нет не к проходу. В кабинет НВП - там у нас хранились воздушки и учебные АК-74. Кто будет против, если я перемещу один (или парочку) из государственной собственности в частную? Да и кому они сейчас нужны.... Оказалось, что никому - даже железный еще советский шкафчик-сейф был закрыт, а ключей у меня не было. Пришлось идти назад, в слесарную, брать там гвоздодер и взламывать эту неприступную махину. Признаюсь, с эти гвоздодером я казался себе эдаким взломщиком-героем выбравшем своей целью как минимум золотой запас США.... Чтоб им, тварям, подышать!!!

На взлом дверцы я потратил примерно час, не меньше, уж очень упрямый был замок.

Всего в шкафчике было 5 воздушшек (из них одна работала с осечками, а вторая не работала вообще) и два учебных автомата, один АК-74, а второй АКС-74У. Был еще у нас учебный РПК, но он был военкоматовский. И в конце года его забрали... жаль, пригодилось бы. Вообще у одной воздушшки я хотел обрезать приклад и таскать с собой, это глупо, я не спорю, но подобие хоть какого-то оружия! Что касается учебных... их я решил спрятать дома. На всякий пожарный - пугать воров. Тем паче, что к каждому прилагалось по обойме с "пустышками" патронами. Грозно дернуть затвором и щелкнуть в потолок - этого хватит, чтобы напугать незадачливого вора (а то, что они будут - я был уверен! Не просто уверен - убежден на 158 процентов из 20 возможных!). Что касается пульек для воздушшки - их было не много. Их было ОЧЕНЬ много, жестяными пачечками я набил не только найденный советский вещмешок и сумку, но и карманы. Выходя из комнаты с сей-



фом, я глянул на себя в широкое зеркало и глупо хрюкнул от увиденного - картина была та еще!

Угрюмая морда, повенчанная шапкой припыленной штукатуркой черных волос, мастерка с надписью "BMW", два желтых ремня от советского вещмешка, стягивающие эту мастерку на плечах.... В руке широкая спортивная сумка, свисающая мешком аж до изрядно замызганных джинсов. И как две лампочки - гордо смотрят светло-голубые, почти что серые глаза.

- Истинный ариец, вашу мать! - усмехнулся я - Не хватает только ЭМПэ-38 за спиной и свастики на бицепсе! Добавить - и буду вылитый дас дойче партизанен! Хе-хе....

Дома мама с интересом посмотрела на погромыхивающую сумку, но когда я достал из нее калаш....

- Ярик откуда это?!

- Да вот солдатику по затылку стукнул.... - решил сострить я.

Однако она ПОВЕРИЛА. Я аж опешил. Неужели она думала, что ее сын способен просто так убить человека? Хотя если думала... то была права. Еще как способен.

- За что?!

- Мам, да успокойся, шутка это. Я в школе был - провел там инспекцию.... Это учебный, - вещмешок раскрылся быстро - пачки пулек я выложил у себя на тумбочке. "Укорот" я вынул вслед за его длинным собратом, а дальше пошли воздушки. - Приготовь чего-нибудь поесть. Пожалуйста....

Пневматику надо было проверить - зарядив в каждую по пулке, я стрельнул в специально поставленную для этого куклу. Три винтовки выполнили свое предназначение безукоризненно, разве что поначалу резкий воздушный "Бшумс!" всполошил спящую кошку. Четвертая (кстати, 2005 года выпуска) сначала стрелять ну никак не хотела. Я зарядил ее и зарядил снова - получилось. Выстрелила почти бесшумно, но пулька застряла еще в "коже" куклы. Что касается пятой... она не стреляла вообще - что только я не делал. Три работающих были старыми, еще 70-х годов. Выглядели непрезентабельно это да.... Две новых смотрелись просто отлично! Черные, с удобной ручкой и "собачкой" - но их пришлось отложить, как я узнал, у них были какие-то проблемы с воздушным поршнем. Да и сам пневматический механизм у них располагался не только в основной части, он еще и частично заходил за приклад. А его я хотел отпилить....

Что и сделал спустя два часа - две остальных винтовки я положил в двух местах, одну у кровати мамы, другую у себя. Там же оставил по пачке пулек - остальные спрятал, как и АКС-74У. Учебный АК-74 я тоже положил у себя рядом с кроватью.

После чего наскоро поев, уже более-менее спокойный за маму, снова пошел на городскую площадь. Уже с иллюзией оружия - обрезанной воздушкой, которая в таком виде очень сильно смахивала на мелкокалиберную винтовку. Надо сказать, я немного помучился, пытаюсь ее спрятать - отпилить я только приклад. Ведь только скрыть - это половина дела, ее надо еще и вытащить! Но получилось - поставив ее на предохранитель, я сделал в моей двусторонней мастерке приличную дырку, обнажив подкладку. Как вы уже догадались - винтовку я сунул туда, благо мастерка была плотная и широкая, ходить мне это не мешало.

- Ну привет, Сережа. Как дела?

- Да как обычно... - в этот раз Сергей потягивал пиво со своими друзьями - Пиво будешь?

- Не, спасибо. Что нового?

- В курсах, что амеры уже Аркалык заняли? И к Караганде движутся?

- Брешешь! - деланно отмахнулся я

- Да ты чо, бля! Вот, Ганич сегодня приехал, - Ганич был местной звездой рэпа, - в Аркалыке рэповал на дуэли! Вот грил он, что там по улицам уже всю нигеры ходят с пушками! Реально грю, Акима сняли! Ладно, харэ.... В курсе как Ганич рэповал?

- Нда.... - смеркалось, а у меня на очереди было еще много дел. Как важных, так и не очень - по крайней мере, мне был не до болтовни - Ну ладно. Давай, удачи, а мне домой пора....

- Э-э-э, погоди.... - растягивая гласные это произнес Андрюха, еще вчера убежавший от повестки в армию - Ты чо какой-то смурной? Пива с пацанами не выпьешь, краба по нормалу не дашь, инфу выкачиваешь.... Не мусорской ли ты часом работничек?

- Шарики за ролики заехали? - коленки предательски задрожали. Я постарался отойти.

- Хотя да Ярослав... - это влез Сергей - Какой-то ты не пацан.... Музыка не такую слушаешь, одеваешься как лошок какой-то....

Та-ак-с! По-видимому не зря я с собой винтовку взял.

- Пацаны вы охренели? С хрена ли прикопались? Беспредельно вздумали?

- Да не.... Какой уж тут беспредел.... - всего их было четверо.

Двое стояли сзади - Сергей и еще какой-то тип в шапке сдвинутой на затылок. Двое спереди - Андрюха и опять какой-то из незнакомых мне. Вот тот из незнакомых, который стоял спереди, положил мне руку на плечо....

Вообще-то, тогда я психологией и прочей херней не увлекался, но вот гораздо позже узнал, что у наших диких голозадых предков, при конфликтах, жест "рука на плече у врага" считался подчиняющим жестом. Человек я вообще-то спокойный и мирный, но тогда, даже несмотря на мое незнание этого, меня это жутко взбесило!

Оттолкнув грязную руку, я отпрыгнул назад, и, опередив рванувшегося ко мне Андрюху, выхватил воздушку.

- Стоять суки!

- Он пи\*дит пацаны, это не настоящая! Воздушка!

- Проверь! - раздался демонстративный щелчок предохранителя - благо он находился сразу над спусковым крючком. Коленки предательски дрожали, больше всего я боялся, что они это заметят

- Э-э-э, слышь Ярослав ты с хрена ли беспределишь? - Сергей хотел подойти ко мне, зря...

Стрелять я не стал. Я просто прицелился ему в глаз.

- А ты в курсе, что пулька из воздушки пробивает кость на три сантиметра? - отсебятина, которую нес мой язык, опытного мастера заставила бы только поржать. Но они испугались - Кто хочет быть первым?

Разводя демагогию, я не забывал отходить назад. Они тоже потихоньку пятились к фонтану.

Не знаю, чем бы все это кончилось, однако, как говорилось выше, уже вечерело. В связи с обострившейся обстановкой, в городе ввели патрульную систему. Один из таких патрулей как раз таки и наткнулся на нас. Слава богу, это были не менты а солдаты....

- Что тут происходит?

- Да вот господин солдат, разговариваем мы, а тут подходит к нам этот псих с винта-рем, и кричит типа "Сотки цепочки бабло на землю суки!!" - Сергей просто не понимал, что такая отмазка сработала бы только в мирное время. Сейчас перед ним был отнюдь не ленивый мент. Насколько я знаю, военным патрулям разрешалось вести огонь на поражение.

- Слушай, ты кому лапшу на уши вешаешь п\*дрило? - младший лейтенант неприятно осканился и потянулся к кобуре. Явно работал на публику. - Ты что думаешь, я с тобой и твоей кофтой цацкаться буду?! Да постреляю вас тут и кину в этот фонтан! Будете на удобрения перерабатываться! Пи\*дуйте отсюда, пока я ПММ не достал!!

Повторять не пришлось.... Они свалили. А я снова поставил воздушку на предохранитель.

- Ну ты Рэмбо, блин, парень! - лицо лейтенанта изменилось до неузнаваемости, теперь он хохотал, буквально захлебываясь смехом! Я бы тоже поржал за компанию, не

будь я так взволнован и... признаюсь честно - испуган. - Гопников пневматикой напугать... Ха-ха-ха!! Иди-как ты домой. Комендантский час - ты его нарушил - а задерживать тебя мне ой как не хочется....

Я не преминул последовать мудрому совету.

...Снов мне как обычно не снилось, разве что какие-то голоса и наглые бритые рожи... но это уже от происшествий дня. Честно говоря, только придя домой, я понял, во что превратился наш городок. А во что он еще может превратиться.... Воздушку я положил на ковер у кровати. Рядом с АК-74....

Блаженная темнота сна прервалась лаем собак. Моих.

Вслед за этим на веранде скрипнула дверь, и раздался шорох короткого, изрядно запачканного коврика. Я НЕ ЗАКРЫЛ ДВЕРЬ НА НОЧЬ!

Почти мгновенно осознав предыдущую мысль во сне, моя рука автоматически нащупала успокаивающую прохладу автомата. Пусть и учебного... оружие, даже сделанное из дерева, внушает спокойствие и твердость разума... это, кстати, не я сказал. В книжке прочел, книжка одного писателя с очень странным именем.... Толи Герд толи Ольгерд... да точно Ольгерд. Ольгерд Верещаев.

Потихоньку скрипнула вторая дверь. Та, которая вела с веранды в собственно дом.

Молниеносно натянув шорты, я подхватил "учебник" (так у меня стал называться АК-74) и на цыпочках подкрался к коридору, остановившись в трех метрах от двери.... Уже стали слышны разговоры....

- Слышь, а че потом?

- Увидим... у него дома должно много хабара быть.... Кстати мамка у него ничего?

- Ну нормал....

- Значит натурой ответит....

Все. В голове щелкнул переходник "Спокойствие - Полный ПЭ". Я думаю, не надо говорить в какое положение он встал, клянусь, будь у меня в руках настоящий автомат я бы их пострелял. Однако за неимением служанки, используем повариху....

- СТОЯТЬ, ПАДЛЫ!! - закричал я специально, чтобы разбудить маму.

Она не преминула выбежать - кстати, мои наставления явно не прошли зря, в руках у нее была воздушка. Правда, как я узнал позже, она была разряженной.

- И чего мы тут делаем? Кстати, ты был прав, Андрюха.... - их было всего двое. Сергей и Андрей. - Я действительно не просто так инфу качаю - в армию вступил, на военных тружусь....

Конечно же, я врал! Однако - так все встало на своих местах - и АК-74 у меня в руках, и благосклонность лейтенанта ко мне.

- Мам принеси фотик! - отличнейший цифровой фотоаппарат был подарен мне на день рождения, я всегда любил фотографировать - Спасибо мам. Иди назад в комнату. И не выходи....

Дождавшись ухода, я демонстративно передернул затвор - из него вылетел патрон. Клянусь, я чуть не заржал когда увидел, как они проследили глазами за его полетом.

- Да ты ох...

- Молчать шавка. - черное дуло автомата плавно проплыло, избрав своей целью лоб Андрюхи - Интересный у вас разговор был... ей-богу интересный! Однако мне он не понравился, очень не понравился. И вот что я решил.... - ей-богу, если хоть один из них отказался бы от моего приказа, я бы отпустил их. Однако нет - отказа не последовало. Ну что же... сами виноваты. - Вы у нас такие возбужденные, спермотоксикоз наверное.... В общем, моей матери вы наверняка не понравились. Так что придется вам, дорогие мои, иметь друг друга. Куда - значения не имеет. А я тут увековечу... - фотоаппарат тихо пискнул и открыл маленький объектив, - для потомков... гы-гы!

- ЧЕГО?! - в унисон произнесли они.

- Я не шучу. Предупреждаю: откажетесь - накормлю свинцом! Сами виноваты! - в это время я думал: "Ну давайте, откажитесь! Вы же нормальные люди, парни, мужчины! Уже девчонки у вас были! Ну же!!". Однако - нет.

Обреченно вздохнув, Сергей начал спускать штаны мастерки. Фотоаппарат полыхнул вспышкой первый раз...и далеко не последний.

### Дер. Чистое. Российская Федерация.

*Кончится тем, что плюнут эти крестьяне  
на всю власть вообще, перекроют завалами  
дороги и выберут себе попа в старосты и  
кузнеца в воеводы...*

*М.Калашиников. Война с Големом.*

В этой деревне цивилизация, судя по всему, кончилась с Советской Властью.

Последние 20 лет Чистое тихо вымирало - и это никого не интересовало. Магазин закрыли в 1998, школу - в 2001, фельдпункт - в 2002. В 2005 отрезали свет. Население сокращалось - в начале 90-х в селе жило больше тысячи человек, а к описываемому времени - не больше сотни давно махнувших на всё рукой стариков и старух, да пара фермеров, работавших практически на прокорм самих себя (в условиях центральной России фермерство в чистом виде как что-то доходное практически невозможно). Расположенное на заброшенной железнодорожной ветке в окружении большущего воронежского леса-заповедника село просто-напросто вычеркнули из жизни "большого мира".

Собственно, и жители Чистого давно перестали интересоваться внешним миром. Поэтому появление "чужих", да ещё в немалом количестве насторожило аборигенов только в том плане, чтобы эти "чужие" не начали "безобразничать".

Но "чужие" - то ли туристы, то ли сектанты, не поймёшь - безобразничать и не думали. Они обосновались в нескольких старых, но ещё очень даже крепких домах на дальнем конце села и притихли.

Никто из жителей не мог вскоре даже достоверно утверждать - есть они там вообще - или нет их?

\* \* \*

*В принципе, даже в нынешних условиях классическая оккупация России не представлялась возможной - для этого потребовалось бы не менее полутора миллионов солдат, да и то это гарантировало бы контроль лишь за крупными городами и наиболее важными транспортными артериями. Кроме того, такая оккупация неизбежно озлобила бы наиболее активную часть населения - многочисленных ветеранов войн, бывших армейцев и часть Ментов, просто разных охотников, сюрвайелистов, безбашенных одиночек, многих братков... Поэтому решено было поступить проще - никакой оккупации. Территорию России никто не собирался завоёвывать. Комитет ООН по природопользованию брал под контроль - с помощью миротворческих сил ООН (миссия UNFRF) лишь наиболее важные месторождения полезных ископаемых и линии их транспортировки - "во имя блага всего человечества". В остальном всё оставалось невероятно благообразно. Прежнее правительство передавало власть старым проверенным кадрам - Подлинскому, Елдайсу, Прыткому, Хульдару и прочим - и в полном составе отправлялось на отдых по заграницам. То, что оно не доделало, должна была доделать в ближайшие 10-15 лет новая власть - программы "Обрети дом" (вывоз из России беспризорных детей и детей из "неблагонадёжных" семей), "Покаяние" (расширение прав сексуальных меньшинств), "По-*

знай себя" (сексуальный и наркологический "просвет" в школах), "Новая Россия" (поддержка "новой культуры", особенно в среде молодёжи), много других со столь же красивыми названиями, новая "раздача суверенитетов", кардинальное сокращение армии с превращением её в двухсоттысячные "силы самообороны", не имевшие ни ВВС, ни ВМС, ни тяжёлой бронетехники, ни солидной артиллерии... Кусочки территории России отщипнули Грузия, Украина, Польша, Япония, Прибалтика - понемножку, то тут, то там... (Неожиданно отказалась Финляндия, вызвав общее недоумение).

Русский человек, веками привыкший видеть перед собой реального противника, никак не мог поверить в то, что против него ведётся война. Почти никто из русских ТАК войну себе просто не представлял и искренне считал, что ничего особенного не происходит. Кроме того, "братковские войны" 90-х и "антифашистский стабилизец" начала века здорово повыбили тех, кто реально умел за что-то с кем-то бороться, а развал системы здравоохранения, образования и воспитания крепко подкосил основополагающие ценности русского народа в целом. Ну а многолетняя чехарда выборов и агитации отключила у подавляющей массы населения желание вообще вникать в то, что творится "наверху".

В общем, к 2050 году, по расчётам аналитиков ООН, русские как народ должны были практически исчезнуть, слиться с соседями и "меньшинствами", превратиться в экзотическое недоразумение типа ассирийцев или лужицких сербов. И - никакого насилия, никакой оккупации, никакой войны вообще. Всё сделают сами русские. И мир вздохнёт с облегчением... а там можно будет заняться арабами и китайцами, чтобы миру стало ещё легче. Планета не резиновая и пряников на всех не хватит... ну а там - впрочем, так далеко ТАМ старались не заглядывать - надо будет и свои ряды проредить... конечно, за счёт малоценных кадров...

**...Не были учтены лишь две вещи.**

**Аналитики не могли даже предположить, до какой степени русский народ презирает любую власть вообще.**

И это качество - было всеобъемлющим, не зависящим ни от возраста, ни от пола, ни от социального положения, ни даже от принадлежности к самой власти.

**И ещё не была учтена непомерная, зоологически-обезьянья жадность западных ставленников.**

Большая часть бабок, отпущенных "на уничтожение русского народа", мгновенно пошла в элементарный попил...

\* \* \*

- Научить его магазины набивать - цены не будет.

- Он и так умеет, просто я не доверяю, - гордо сказал Арт, за длинный серо-розовый хвост поправляя декоративную крысу, тащившую по прикладу РПК пулемётный патрон. - Ганза, тихо, не падать!

Крыса жизнеутверждающе пискнула, уронила патрон в ладонь хозяину и неторопливо отправилась за следующим - в стоящий на ступеньках поодаль цинк.

Верещаев неопределённо хмыкнул и потянулся.

Был чудесный летний вечер. Алое солнце садилось за деревней, где-то мычала корова... и вообще от окружающего веяло такой пасторалью, что хотелось запустить в эту идиллию мотом. Верещаев вздохнул, задрал ноги повыше на скрипнувшие перила и вытянул наружу затвор маузера, который держал на коленях.

- А я давно спросить хотел, - вдруг заинтересовался Арт, поправляя кепи. - А почему вы с этой штукой ходите? - он кивнул на маузер.

- Э... - Верещаев любовно дыхнул на длинное тонкое дуло. - Ну как бы тебе сказать... Я символист. В смысле, для меня маузер - символ революционных перемен... Ганза, а мне принесёшь?

Крыса игнорировала просьбу - она уже несла ещё один патрон любимому хозяину.  
- Спрашивай ещё, - предложил Верещаев. Парень, втолкнувший патрон в ребристый барабан семидесятизарядного магазина, помог крысе добраться до цинка (за хвост) и удивился:

- О чём?

- О чём ты сразу хотел спросить.

- Ладно... Мы когда партизанить начнём?

- Мы уже партизанам, - удивился Верещаев, наблюдая, как Никитка с Ильёй, появившиеся из-за угла, тащат два ведра с рыбой. - Что тебе не так? Спишь в вещмешке... в смысле, тьфу, чёрт, в спальном мешке, воздух свежий, в перспективе зима... Э, паразиты, карпа поймали?

- Карасики, окушки, плотва, - коротко отозвался Никитка и крикнул в окно: - Мааааа, рыбу куда?!

- В дом! - решительно отозвались из окна. - А сами - спать!

- Мааааа...

- Мыть руки, ноги, уши и спать! - из окна высунулась светловолосая голова. Женщина поинтересовалась: - Ольгерд Николаевич, а мой-то где?

- Он пошёл с фермерами самогонку пить, - грустно отозвался Верещаев. Мальчишки под шумок смылись за угол, оставив на траве ведра. - Меня не взяли, сказали, что я всё испорчу.

Он шумно щёлкнул затвором, загнал в ствол патрон из пачки и, поставив оружие на предохранитель, снова полюбовался им.

- Кто у вас с Пашкой спарринг выиграл? - поинтересовался он у Арта. Парень оттопырил нижнюю губу и посадил усталую крысу на плечо:

- Я, конечно. Плохо они у вас подготовлены.

- А на ножах? - голос Верещаева был равнодушно-коварным. Арт смутился и что-то засвистел в пространство.

- Ну, ножи это ножи, - неопределённо ответил он и встал, поднимая РПК. - Пошли, Ганза. Спать пора вообще-то.

Верещаев вредно хохотнул вслед и, вздохнув, открыл какую-то потрёпанную книжку, лежащую на перилах выше его головы.

Вечерело - медленно, солидно и красиво. В посёлке, хорошо видимом с пригорка, на котором стоял дом, зажглись редкие огоньки керосинок. Над небольшой луговиной, отделившейся от леса северную окраину, пополз густой туман. Обострились звуки и запахи. В доме два женских голоса напевали песню про капитана.

Верещаев отложил книгу, поправил на бедре деревянную кобуру маузера.

Он ждал.

- Рыбу-то куда, Ольгерд Николаевич? - спросила из окна женщина.

- А? - Верещаев откликнулся неохотно. - Пустите в таз. Пусть поплавают... на свободе. До завтра.

И хмыкнул.

Опять стало почти совсем тихо, лишь посторонние звуки крались из окончательно почерневшей низины. Верещаев сидел неподвижно, лишь изредка лениво отмахиваясь от комаров или перекладывая ногу на ногу. В конце концов он стал почти невидим. Казалось, даже уснул. И пошевелился только когда послышались лёгкие шаги - и на тропинке снизу, у калитки, появился плавно движущийся смутный силуэт.

- Димон? - окликнул он.

- Я самый, - отозвался Ярцевский, подходя вплотную. Сгибом пальца расправил короткие усики и улыбнулся - в темноте блеснули зубы.

- Поговорил? - Верещаев поднял глаза. Ярцевский кивнул.

- Мужики согласны... - он встал удобнее. - Да там всё ясно было, я ж знал, к кому присматривался... Просто хотел, чтобы к нам попривыкли. Один бывший вояка, второй - из коренных крестьян. Поговорили, посидели...

- Без самогона обошлось? - уточнил Верещаев. - Не чую.

- Обошлось... чай там у одного хороший, - Ярцевский встал прямее. - Ну что? Можно начинать.

- Значитца, теперь ты, Димон, наш князь, - определил Верещаев. - Дмитрий Светосносный. Люцифер, в смысле.

- А что, - Ярцевский поставил одну ногу на ступеньку и оперся на неё локтем. - Так и назовусь.

Верещаев кивнул и поднялся. Кобура маузера качнулась у бедра.

- Начинать так начинать, - обыденно сказал он. - Пойду погуляю немного. А ты спать?

- Спать, - кивнул Ярцевский. - Не загуливайся. Утром совет.

### Ярослав Найменов. Казахстан.

По правде говоря, о ТОМ случае я стараюсь больше не вспоминать. Противно. Хотя польза от него была - я пригрозил Сергею и Андрюхе, что если из моего дома пропадет хоть ржавая копейка - фотоаппарат будет подарен, неизвестному Ганичу. Они испугались... еще как! Хотя, честно говоря, я не мог понять, как можно было... хотя хватит об этом. "В мирное время легко быть злым" - как писал Верещаев. Вот и они были злыми лишь в мирное время. К военному оказались не готовы.

Утро следующего дня я посвятил копанию в сарае. Искал разобранную садовую тачку, благо еще помнил, как ее следует собирать.

Мда... моя мама не заметила, как на место главы семьи понемногу "заехал" я. А что? В принципе все верно - женщина должна готовить еду, беречь детей и следить за домом. В мирное время она может быть мозговым центром, и, надо сказать, довольно хорошим - все-таки они умнее нас. Но во времена войны женщина должна закрыть рот на замок, и все феминистические идеи (если они есть) засунуть глубоко и надолго. Голливудские "Солдаты Джейн" - неприемлемы. Хотя бы потому, что это неправильно и противостоит, ибо рисковать башкой на войне должен мужчина... удел женщины - мир.

Так получилось и у меня, моя мама, будучи человеком умным, стала просто слушать, что я ей говорю, конечно - еще оставаясь мозговым центром. Но только мозговым. Все остальное делал я.

Собрать тачку было делом получаса. На остальное, увы, времени у меня не оставалось. Новостей не было - и, решив не откладывать задуманное, я начал собираться.

- Значит так мам, пожалуйста, проверь тачку. У меня будут дела.... Сейчас я уйду надолго. Ночью я снова уйду... с тачкой. И буду... в общем совершу старейший постулат коммунизма, - ухмылка сама собой напознала на лицо, - "грабь награбленное"!

- Будь осторожнее... - спорить она не стала.

Все-таки у меня не мать, а золото! Понимает, что то, что я сделаю, уберет у нас с хвоста очень много проблем. Ведь магазины-то почти все позакрывались!

И все как обычно - дорога в школу - через окно. Только теперь я прошел к входу в эвакуационный тоннель. К чести директора школы скажу - он был в прекрасном состоянии! Чего нельзя сказать о двери бомбоубежища - хорошенько подумав, я решил до ночи ее не закрывать. Ну кто сюда войдет кроме меня?

Признаюсь, войдя в это построенное на века (а вы что хотели? Это не пиндоская жестяная будка! Это СССРовская постройка!) сооружение, мне захотелось как минимум хорошенько избить того, кто забил его товарами. Подумайте - сколько людей могло спастись, если бы двери бомбоубежища были открыты? Сделать я этого не мог... жаль... Хотя

- что уже теперь изменишь? Будущее - закрыто, прошлое - забыто. Настоящее надо делать самому. Иначе и его просрешь... Я начал искать консервы и вообще еду, которую можно было хранить как можно дольше. Тушенку, сгущенку, консервированные фрукты, лапшу быстрого приготовления... кстати - о ней.

- Ну-ка! - я с размахом разорвал коробку с надписью "Биг-Бон", из которой на твердый пол посыпались квадратные пачки красного и синего цвета. Я любил иногда схарчить парочку таких пакетиков. Вкусно. Но на организм действует не самым лучшим образом. Хотя куда мне уж выбирать?

Эту коробку я оттащил к входу. Чего зря ходить потом? А потом снова пошел искать....

Долго описывать мои хождения по бомбоубежищу я не буду, приведу лишь небольшой список найденных мною харчей. Точнее нашел-то я много чего, но взял лишь толику:

-- Консервы "Свинина тушеная" ГОСТ 697-84 - 5 коробок

-- Консервы "Говядина тушеная" ГОСТ 5284-84 - тоже 5 коробок

Потом было два ящика консервов мясных "Гуляш" и одна коробочка "Мяса в белом соусе". По правде говоря, насчет тушенки, я наткнулся еще и на "Оленину тушеную" производства какой-то фабрики Бажай. Ее было больше всего - но брать я ее не стал. ГОСТа не было. А что такое тушенка без госта - я знаю не понаслышке, купил как-то вот "Курятину по-деревенски".... Оказалась соей по-китайски, приправленной более чем качественным ботулизмом....

Упомяну о сгущенке, концентрированном молоке и ананасах в сиропе (из фруктов были только они), их было маловато. А жаль.

Таская все это к выходу и аккуратно складывая, я думал об одном: неужели никто больше не ищет "приключений", подобно мне? Или не понимают, что для того, чтобы выжить - надо не сидеть на месте, а ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ. Ведь выживают лишь они. Хотя, наверное все же, таких как я - много. Просто светиться не хотят... и правильно делают. Меньше знаешь - лучше спишь, эту старинную мудрость очень легко приспособить под наше время "Чем меньше знают о тебе, тем больше покоя твоей голове"! Это мне один умный человек сказал. Очень умный и смелый человек. Но об этом позже.

Провозился на складе я где-то час-два. Вышел из школы в самую парилку, и, пройдя несколько десятков метров, наткнулся на парочку гопников, что были вчера с Сергеем и Андрюхой. Рука сама метнулась к воздушке - и направила ствол на этих двоих.

- Куда чапаем?

- А те какое дело? - угрожающе огрызнулся смуглокожий казах с давно не мытым лицом

- Да мне то все до жопы, но скажу сразу, если в школу - то пи\*дуйте отсюда куда подалее, все равно не пущу. Моя территория.

- Да ты охренел, паря? Ты чо тут, типа землевладелец типа стал?

- А типа да! - коленки уже не дрожали, и рука была твердой как никогда. Такие события меняют людей. Вот и меня изменили - Захочу - жить тут буду! Захочу - вообще окна заколочу! Раз никого нет, значит мое! А ты что мне предъяву бросаешь? Так давай обосновывай!

Тяжело дыша, смуглокожий мотнул головой своему, русского вида другу.

- Слышь Коррик, это чмо будет нам указывать....

И резко махнул кулаком....

Я, если честно, выглядел не внушительно - но явно достойно. Хорошо разработанные руки, плотное телосложение.... К тому же я долгое время ходил на греко-римскую борьбу. А потому реакция у меня была.

- Пид\*р!!! - завершал казах после того, как воздушка тихо хлопнула, и мягкая свинцовая пулька пробила ему глаз. К такому он явно готов не был - а потому скорчился и упал на землю.



Его товарищ ринулся ко мне и выкинул, целя мне в голову, вперед руку, которую я резво перехватил, и на автомате перекинул его через себя, со всей силы швыряя врага спиной на асфальт.

Тот уже начал было подниматься, но, получив удар ногой по лбу (я метился в подбородок, но промазал) и ударившись затылком об землю, передумал совершать столь необдуманное действие. Тяжело дыша (дыхалка у меня была не очень), я обратился к казаку:

- Еще раз тут увижу, накажу. Если хочешь знать - как спроси у Сережи. А сейчас, калбитня, вали отсюда со своим подсиралой, пока не прибил к хреновой матушке!

Хе! В мирное время за "калбитню" можно было нехило схлопотать по мордасам от любого казаха. В данный момент единственный представитель этого хорошего (и самое главное, несмотря на кажущуюся простоту, хитрого почище знаменитых "таки да") народа валялся и глухо постанывал, держа в руках уже вытекшую из, а точнее - вместе с глазом пульку. Кстати о них родимых... я поспешно зарядил воздушку.

- Чего разлегся? Не в юрте лежишь, давай вали отсюда!

Ну вот. От дома гопоту отвадил - от источника продовольствия тоже отвадил. Интересно, зачем они сюда шли? Не за воздушками ли?

- Баран! - дождавшись пока они уйдут, я со всей силы ударил себя ладонью по лбу - Я не все забрал!

Пришлось снова лезть через окно (дверь я решил пока не открывать) и переться в НВП. Честно говоря, я не знал что там можно найти еще, но порыскать в таком полезном кабинете явно было надо. Не правда ли?

Гвоздодер был там, где я его оставил - у вскрытого мной железного сейфа с воздушками, и, подняв его, я решил вскрыть остальные шкафы. Что и было проделано.

В первом не было ничего нужного - всякие там отчеты, и прочее... хотя пособие по разборке-собираанию АК-74 я взял.

Во втором я нашел камуфляжную куртку военрука. Она была жаркой для лета, но, осмотрев ее внимательнее, я обнаружил, что жаркая подкладка легко отстегивается! Без сомнений пригодится... берем.

В третьем шкафу были противогазы. 10 штук....

Четвертого шкафа не было. Была стеклянная полка с кубками и грамотами.

Иногда я задумываюсь, а чистокровный ли я немец? Уж слишком люблю захватить бесхозно лежащего имущества... нет, в моем родовом дереве, где-то явно спрятался гордый и ушлый еврей.

Впервые эта мысль пришла мне, когда я, обвешавшись противогазными сумками, попер домой всю эту радость. Подумать логически, ну к какому хрену мне 10 противогазов? Ан нет - не удержался, взял все....

Скинув их в комнате на глазах уже не удивлявшейся ничему мамы, я пошел в город - решил пройтись по магазинам. Не обычным - хозяйственным. Запастись чем-нибудь режущим как для разделки мяса, так и для умирения братьев по разуму.

Старый вещмешок приятно бил по спине, и никто из редких прохожих не обращал внимания на слегка отдающую сюрреализмом картину: пацан в драных джинсах (лазанье не прошло даром), запачканной мастерке с капюшоном, грязной футболе - и с советским вещмешком за спиной.

- Здрасьте. Кухонные наборы есть?

- Какие именно? - молодая девушка-продавщица (с розовой челкой, закрывающей ей левый глаз) лениво жевала жвачку, и удостоила меня презрительным взглядом, в стиле "ходят тут всякие"

- Ножи, - я полез в карман за прихваченными мною деньгами и двумя сотовыми телефонами, взятыми с трупов - Кухонные. Набор для разделки мяса.

- Есть малый набор... - она уныло плюхнула предо мной мятую коробку с прозрачным пластиковым окошечком. - Есть большой, эти ножи российского производства.... Есть большой набор в комплекте с топориком для разделки....

Хм... с топориком? Топорик оказался небольшим, с удобной пластиковой ручкой, и острым лезвием. На лезвии я прочел сверкнувшую надпись "Нерж". Я сделал выбор.

- Сколько стоит?

- Три тысячи пятьсот тенге....

Эти деньги у меня были. Более того, у меня было гораздо больше (нарыл кое-как), но тратить их пока не хотелось.

- Слушай, у меня тут слегонца не хватает.... - я вынул две тысячи двумя бумажками - Примешь мобильник в добавку?

Та лениво хмыкнула и пожала плечами

- Покажи телефон хоть.

Это был нормальный мобильник. "Нокиа". По-видимому, пользовались им не очень много. Прошивка у него была явно не китайской. В общем, обычный телефон, каких сейчас полно.

- Ладно, бери свой набор, и вали отсюда! - эмо-девушке телефон явно понравился

Я молча сунул набор в вещмешок и вышел из магазина, отправившись в другое место - в гости к другу. Как он там? Друзей надо ценить...

...За что я уважал Влада, так это за его бесшабашный характер и возможность помочь абсолютно в любое время. Что меня в нем коробило - так это любовь к языку "падонкафф"... но на вкус и цвет, как говорится....

Я зашел в широкий подъезд и, поднявшись, подошел к двери, из-за которой явственно доносились звуки жесткого индастриал-метала. Раммштайн.

Звонить пришлось долго, и я уже начал злиться, когда послышались тяжелые шаги, дверь глухо шелкнула, и в дверном проёме появилась туша.... Я серьезно! Вес Влада 120 кг. Неправильный обмен веществ у парня.

- О, Ярик, превед!

- Да и тебе не кашлять! - я пожал протянутую руку

- Заваливай!

### Разные люди. Казахстан.

- Нурсултан Абишулы....

- Говорите по-русски, пожалуйста. - седой человек, с обмякшим лицом, тяжело вздохнув, опустил голову на ладони. В своем кабинете, за этим самым столом он просидел больше двух дней, поправ суры Корана... Да будет Аллах милостив....

- Войска США надвигаются к Алматы. И Астане. Вам передана депеша от сообщества ООН, - худой усатый казах в полковничьей форме передал президенту лист бумаги с гербом Объединенных Наций на нем.

- Спасибо Абылай, - надев очки, президент поднес лист к глазам и вчитался в текст

*"От лица цивилизованного сообщества ООН.*

*Мы требуем отставки правительства Казахстана, обнародования материалов о водородном ОМП и выдаче данного ОМП ООН..."*

Нурсултан Абишевич устало усмехнулся и обтер с лица липкий пот. Дождался... и ведь догадывался, что в ближайшие годы что-то будет. Ведь знал, что это докатится и до Казахстана... Хотя... что можно было сделать?

*"При попрании нашего заявления, Казахстан будет подвергнут режиму "политической изоляции" до момента захвата его миротворческими силами США. Страны:"*

Дальше шли подпись лидеров стран, состоящих в ООН. Промелькнув по ним взглядом, Нурсултан Абишевич зацепился за строчку, относящуюся к России "Кабинет Правления Российской Федерации"...

Значит - все. Значит, больше ничего нет. Значит, просто дальше борьба бесполезна. Президент взял именной "Паркер", листок бумаги, вывел строчку: "Приказ о капитуляции войск....". Потом последовал: "Отказ от президентства...." а потом Нурсултан Абишевич достал из ящика стола пистолет.

Блицкриг США завершился успешно.

### Компания РосДератизация Российская Федерация.

*Так что - сам выдавай решения,  
А не то, что тебе твердят...  
А будешь спрашивать разрешения -  
Обязательно запретят!*

*В.Третьяков.*

В 10.00 по Москве - через час после начала рабочего дня - мэр Воронежа Василий Григорьевич Шукаев понял, что ему хочется убить своего референта.

Не просто убить, а свалить на пол ударом в ухо и пинать итальянскими туфлями, пока тот не подойдет. Желательно, чтобы это был долгий процесс.

Но убить похожего на хомячка молодого человека не представлялось возможным по ряду причин, главной из которых была дикая головная боль, терзавшая Шукаева после вчерашней глобальной попойки в банях. Смутно вспоминались голые девки, свой собственный кулак, смачно впечатывающийся в морду Паолизи (генерального комиссара ООН в области) и чей-то надрывной крик: "Какую страну просрали, уё...ки!" Гм... похоже, он сам и орал... и, кажется, не один... Но, судя по всему, вчерашняя катавасия так и пойдёт на тормозах...

А что им ещё делать, иронично подумал Шукаев, морщась от попискивающего голоса референта, который вещал что-то о программе реституции... или проституции?.. Нет, реституции, с "программой проституции" припрётся через час Бэлла Асхатовна Гурбер - что-то насчёт полового воспитания в школах... Василий Григорьевич поморщился и рыгнул.

- Простите? - изогнулся вопросительным знаком хомячок.

- Ничего, продолжай, - махнул рукой мэр.

Хомячок затрындел снова. Чего ж мне так хреново, подумал Шукаев. Раньше и больше пил. А тут как будто кошка в рот нагадила. Или не в рот? А куда? В душу, что ли? За что он Паолизи-то двинул? Либо не за хрен - просто под руку подвернулся... мурло евросоюзное, не в обиду итальянцам...

Да, ничего они не сделают, вернулся он к прежним мыслям. Ну снимут они его. А кого поставят? Шукаев скривил губы. Ещё при "независимости" среди чиновников людей на самом деле умеющих делать дело - советской закалки - не осталось почти совсем. А уж за последние недели... Весь аппарат - либо полные придурки и ворюги, готовые теперь обкрадывать и новую власть с неменьшим рвением (как этот вот хомячок), либо полные придурки, но восторженно и искренне целующие в зад "комиссаров", "инспекторов" и "советников" (вроде той же Гурбер, которая и правда считает, что к десяти годам все девочки должны попробовать секс в целях правильного развития). Неизвестно, кто хуже, но ни те, ни другие работать не умеют.

Василий Григорьевич вздохнул. Ох тошно-о-о-о... А может и снимут. Ни одна программа ООН в области толком не работает. Деньги - что из Москвы, что целевые - разворовали почти начисто (ну да, ну и он украл... немного, ну и перевёл на Мэн - ну и х...й ли?!). Снимут - жену под мышку и туда. На Мэн.

А чего-то не хочется мне на Мэн, угрюмо резюмировал мэр. Х...й знает чего хочется. Рассолу, что ли? Или правда этого типчика завалить сейчас, а потом сказать, что он на мэра с шилом бросился... Или вообще ничего не говорить, а самому потом взять и нахер застрелиться. То-то будет смеху! Записку оставить... как Маяковский. "Жил грешно - и умер смешно!"

- Ты Маяковского читал? - оборвал мэр доклад референта. Тот поперхнулся словом "идиосинкратический", секунду смотрел на шефа выпученными глазами (став похожим на обгадившегося хомяка), потом, очевидно, решив, что шеф пошутил, вежливо хихикнул и продолжал:

- Таким образом, план вывоза детей из неблагополучных семей буксует. В первую очередь не разработаны критерии неблагополучия. Госпожа инструктор Шмальц предлагает взять за таковой...

- На хер пошёл, - прервал тошнотный словопонос Шукаев. - Потом свою бздень дочитаешь. Там ждёт кто-нибудь, в приёмной?

- Господин Ярцевский, - референт на начальство ничуть не обиделся. А Шукаев вдруг подумал: попробовал бы с ним кто-нибудь вот так говорить в этом возрасте - хоть секретарь обкома. С ним - комсомольским вожаком Васькой Шукаевым, целинником...

Стало так гадко, что Шукаев не сразу понял, какую фамилию назвал референт. А когда понял, что имеется в виду известнейший адвокат-консультант - то удивился:

- Димка? Он же вроде куда-то уехал перед всем этим... Давай зови. Срочно зови.

Ярцевский вошёл, видимо, не дожидаясь официального приглашения - едва дверь закрылась за референтом. Элегантный как всегда, с коротко подстриженными светлыми усиками, в костюме от Армани, пахнувший "вежеталем" - словом, совершенно такой же, каким Шукаев привык его видеть. Да уж, подумал мэр с отвращением, это добро, адвокатишки, ни при какой власти не пропадут...

- У вас ко мне дело? - спросил мэр отрывисто.

- И очень важное, Василий Григорьевич! - сверкнул белейшей улыбкой Ярцевский.

\* \* \*

Странно, но город очень мало изменился. Это было даже поразительно.

Ну - стал громче и показушней смех молодёжных компаний. Появились новые вывески, а многие из старых были заменены на такие же, но на иностранных языках. С гербов на "присутственных местах" исчезли короны, а сам орёл стал окончательно напоминать бройлера-мутанта. Ярче и наглей стала реклама, среди которой тут и там попадались плакаты пропаганды контрацепции и "ознакомительных поездок для детей из нуждающихся и социально неблагополучных семей" за рубеж, стикеры гей-клубов и клубов бой-и гёллаверов, рейв-пати, адреса аптек, где продаются "лёгкие" наркотики...

Но в целом это был всё тот же Воронеж. Поразительно - на местном здании Союза Казаков России сохранились вывески, только прибавилась ещё одна: большой красочный плакат с фотографиями и символикой казачества призывал "господ казаков" записываться в ряды Казачьей Мобильной Дивизии ООН (защита интересов свободного человечества, престижная служба в экзотических районах земного шара, оплата - 2000€ в месяц + надбавки и льготы).

Первое, что Юрка Климин - а он бродил по Воронежу уже час из отпущенного высадившимся в разных местах города времени - осознал как полностью выбивающееся из привычного образа, было здание кадетского корпуса. Металлическая ограда была демонтирована. На плацу стояла техника, во многих местах шли какие-то работы, а крайний слева подъезд - уже отремонтированный - уже украшала надпись:

**ДЕТСКОЕ**

## МОДЕЛЬНОЕ АГЕНСТВО

### "ПАРАДИЗ ЭКСТРА"

Юрка не задержался бы. Но на другой стороне улицы - под тополями - стояли кучкой семеро мальчишек. Они были разного возраста - от 12-13 до 15-16 лет, и непохожие. Один рыжий и веснушчатый, бледнокожий. Один - явно нерусский, с косовато разрезанными глазами. Ещё один - просто темноволосый, коренастый. Четверо других - русые, гибкие. В общем - непохожие... и похожие чем-то неясным.

Климин подошёл...

...Они и до этого стояли молча, только глядели на ремонт (или разорение?) корпуса. А теперь разом повернулись в сторону подходящего молодого парня. И не сводили с него глаз. Такое смутило бы и взрослого. Но Юрка спокойно остановился рядом и спросил:

- Закурить есть?

Ему молча протянули две пачки. Юрка затянулся, прикурив от извлечённой зажигалки, предложил огоньку ещё двоим. Дымили теперь трое. Юрка кивнул на корпус:

- Учились тут, что ли?

- Угу, - буркнул рыжий. Юрка пыхнул дымом:

- Ясно... Радоваться ходите?

Семь пар глаз скрестились на нём, как взгляды через прицелы. Один из куривших - самый старший - шевельнул углом всё ещё по-детски пухлых губ и сказал:

- А то ж... Радуюсь. В себя придти от радости не можем.

- Ты чего? - враждебно сказал нерусский, глядя на курящего приятеля. Его пихнули в бок - неясно даже, кто.

- Что, только семеро радуются? - Юрка запулил бычок в урну. Все проследили полёт бычка глазами.

- Раньше ввосемьмером радовались, - сказал рыжий. - Пока Тимку не забрали.

- За что? - удивился Юрка.

- Бутылёк с бензином в ментовозку бросил, когда знамёна и портреты вывозили, - сказал самый младший.

Они замолчали. У Юрки от непривычной сигареты першило в горле.

- Куда вывозили? - спросил он наконец.

- Куда, - усмехнулся рыжий. - На свалку. Куда.

- А вас сколько в корпусе училось? - Юрка повёл глазами. Все семеро снова посмотрели на него.

- Много, - сказал куривший старший, тоже бросая окурок. - Построили всех и сказали - по домам, ребятки. Офицеры больше государству не нужны. Ну и разошлись все.

- Все? - уточнил Юрка.

- Григорий Павлович в кабинете застрелился, - тихо сказал младший мальчишка. - Наш начальник училища...

Глаза опустились. Все семь пар.

- Во дурак! - засмеялся Юрка.

- А в рыло? - поднял голову нерусский. Юрка сунул руки в карманы:

- Да бей. А только раньше что? Тут-то вы смелые - семеро на одного, чуть постарше вас, оружия нет... А как этому Тимке слабо? Будущие офицеры плюс воспитатели в погонах... Два мужика на весь корпус оказалось. И оба дураки вдобавок.

Они молчали. И опять все смотрели на асфальт под ногами.

- Форму-то куда дели? - с насмешкой спросил Юрка. - Тоже... на помойку?

- Мы потом знамёна и портреты... - начал младший. Его опять толкнули.

- Подобрали и спрятали до лучших времён? - голос Юрки был издевательским. - Вон оно, ваше лучшее время, - он кивнул на вывеску. - Там ваших девчонок как - в трусиках фоткают или без? Или вы сами туда ходите?

- А что мы... можем... - еле слышно прошептал старший. Совсем детским голосом.

А потом Юрка увидел, что на светло-сером асфальте у ног двоих - младшего и ещё одного, постарше, который тоже курил - чёрными звездочками разбиваются капли. Ещё и ещё...

- А автоматы из оружейки расхватать слабо было? - не щадил их Юрка, понимая, что нашёл **тех, кого нужно**. - Что, это не на плацу сапогами бухать и песенки про Россию орать?

- Я же говорил!.. - вскинулся рыжий. Но старший тоже поднял голову:

- В Рязани, в кадетском, некоторые расхватали. И что? Сожгли всех ракетой. А кто выжил - вывезли куда-то. Даже мальков совсем, с первого курса. А училище десантное и вовсе без шума разошлось... взрослые парни...

- Тогда валите отсюда, - презрительно сказал Юрка.

И они - все семеро - повернулись и покорно побрели прочь.

Этого Юрка не ожидал.

Но не ожидал он и того, что произошло потом. Младший из мальчишек вдруг развернулся и горько сказал:

- Если бы мы знали... как это будет... как вот тут будет... - он мучился словами, как раскалёнными отливками, мазнул себя по груди. - Пусть бы и нас сожгли! Мы бы не ушли! Но мы же не знали! Мы не знали!!!

И Юрка увидел вдруг, какое тоскливое горе в глазах у всех семерых.

- Есть два "макара", шесть полных обойм и три эргэдэхи, - сказал он. - Бесплатно. Поговорим дальше? Или пойдёте знамёнами слёзки утирать?

Они - семеро - качнулись к нему.

\* \* \*

Никитка и Илюха купили себе мороженое на углу - напротив здания, возле которого - группками и поодиночке - толпилось человек сто, не меньше, ребятни в возрасте от 7-8 до 13-14 лет. Оба они бывали в Воронеже раньше, кроме того, Земсков-старший их обоих подробно проинструктировал, когда "подрастающая смена" высыпалась из фермерского пикапчика на Московском, около забранного лесами и закрытого строительной сеткой Мемориала. Поэтому мальчишки хорошо знали, куда идти и сейчас наблюдали, лениво облизывая мороженки, как пацаны и девчонки нет-нет, да и заходят внутрь. Остальные в такие моменты притихали. Среди стоящих около здания было много явных беспризорников и вообще неухоженных детей. Они как-то очень резко контрастировали с плакатом над входом: ООНовский флажок, ниже - на зелёной лужайке перед домом стоят и дебилно улыбаются Мужчина, Женщина, Мальчик, Девочка и Собака, навстречу которым двое дебилно улыбающихся существ среднего пола ведут дебилно улыбающегося русского ребёнка. "ОБРЕТИ ДОМ!" - гласила подпись ниже.

Мимо ребят прошли двое пацанов немного постраше их сами и девчонка - примерно ровесница. Остановились на краю тротуара.

- Ема, сколько-о-о... - протянул один из пацанов. Второй вздохнул:

- Ну это... говорят, всех возьмут. Постоим, чего, привыкать, что ли?

- Мальчишки, - нервно сказала девчонка, - пойдёмте отсюда, мальчишки. Не нравится мне тут.

- Не ной, - грубовато, но ласково сказал первый из пацанов и, обернувшись, чтобы утешить - подружку? сестру? - увидел флегматично лижущих мороженое Никиту и Илью.

- А вас чего, не взяли? - кивнул он. - Или вы ещё не ходили? - видно было, что и он нервничает, поэтому и заговорил с младшими ребятами.

Пацаны переглянулись. И захихикали (отрепетировали).

- А мы там уже были, - хрюкнул Никитка. - Нас аж до бывшей хохляцкой границы довели.

- И чего? - все трое подошли к мальчишкам, девочка держалась за спинами своих спутников.

- И ничего, сбежали, - пожал плечами Илюха и ткнул ей мороженое: - Хочешь? Держи.

- Сбежали? - недоверчиво спросил второй пацан. - На х... ой, зачем, то есть?

- Совсем лошки, что ли? - усмехнулся Никитка, и старшие, ошарашенные таким обращением, не двинули наглому мелкому по шее, а продолжали слушать. - Вы хоть знаете, что это, - он кивнул на плакат, - за контора?

- Ну это, - пожал плечами первый. - Переселять детей. Беспризорных. В семьи там, в Америку... На усыновление.

- Лошкиииии... - протянул Никитка, и Илья толкнул его локтем:

- Да ладно. Мы сами-то... - и повернулся к троице. - Никакое это не усновление, я вам говорю! Ни в какие семьи никто и не попадает. Прямо сразу вывозят поездами в Италию, оттуда морем в Бразилию - и там кого куда. Кого на плантации, кого е...тятся заставляют, а кого на эти - на органы кромсают. Да уже в поезде всё ясно было, уже там всё делали. Нам повезло, охранник клювом прощёлкал, мы под вагоны...

- Мальчишки, я же говорила! - вскрикнула девчонка, хватая своих старших спутников за запястья и роняя мороженое. - Пошли отсюда скорее!

- Да врешь, - пробормотал второй пацан.

- Да поезжай, я чего, мешаю, что ли? - пожал плечами Никитка и облизал пальцы. - Всё равно всем пипец, что тут, что там. Я просто не хочу, чтобы мне очко порвали. Лучше как-нибудь тут...

- Ага, тут... - вздохнул первый мальчишка. - Тут и раньше... а сейчас вообще... менты озверели, тащат прямо в зону, а оттуда говорят как раз на такие дела точно отправляют...

- А ты лохом не будь, - посоветовал Никитка. - Валите из города подальше. Места много. Проживёте.

- Мальчишки, пойдёмте! - умоляла девчонка, оглядываясь на очередь, как будто оттуда сейчас мог появиться людоед и схватить её.

- Да, валим, - решил первый пацан. - Верней... это... - он посмотрел на своего спутника. - Дим, ты уходи на наше место, а я сейчас с ребятами перетру... - он тоже оглянулся на очередь. - Вон же Сёмыч стоит... и Артурка со своими мелкими...

И он решительно зашагал к очереди. Второй мальчишка - Димка - удержал рыпнувшуюся следом девчонку и посмотрел на Никитку и Илью:

- А вы чего делать будете? - спросил он.

- А не знаем пока, - ответил Никитка. - Может, тоже куда в какую деревню уйдём. А может, ещё чего придумаем...

- Чего тут придумаешь? - вздохнул Димка. - Вон как всё... плохо. Я, по правде, и не думал, что в семью возьмут, - признался он. - Вон я уже какой лось здоровый... Думал, может, хоть работать где в поле или ещё где...

- Е, бля, - фыркнул Никитка лихо (девчонка укоризненно на него посмотрела). - А что, у тебя руки и голова только в Америке работают? Из-под палки на пиндоса ты работать будешь, а на себя - обломись?.. Ну ладно, мы пошли, давайте...

...Когда Никитка и Илья уже прошли полквартила, Илья толкнул приятеля локтем:

- Глянь.

Они обернулись.

От очереди тут и там отрывались одиночки и группки - и исчезали в улицах.

Их было немного.

Но они - **были**.

\* \* \*

К Союзу Казаков России Верещав добрался сильно заплотнень.

Он помотался по городу, заглянул в пару книжных магазинов, где спрашивал, есть ли последний сборник речей Обамы и один раз поднял скандал, когда ему сказали, что пока не завезли; попел возле "Спартак" - с энтузиазмом размахивая выданной бесплатной банкой пива - "Овиплакосс - бухай во имя добра!" (присутствующие пели "шагай во имя добра", но за общим рёвом и разжигалкой полуголых тинэйджерок с импровизированной сцены его разночтения никто не услышал...). Потом - полез фотографироваться с двумя попавшимися навстречу наёмниками из охраны газопровода - рассыпаясь в похвалах демократии на отвратительном английском и призывая всех вокруг быть свидетелями, как он рад наступившей эре порядка. Наёмники терпеливо улыбались - народу вокруг было слишком много, русский глуп и назойлив... Они даже согласились сфотографироваться в обнимку с этим идиотом. Мальчишка, которому Верещаев сунул свой цифровик, не дрогнул, когда увидел, как придурковатый мужик пристроил над головами наёмников "рога" из пальцев. Остальная собравшаяся публика тоже лишь прятала улыбки.

Верещаев любил издеваться над дураками и в мирное время, а сейчас это взбадривало нервы. Это было особенно нужно перед предстоящим визитом.

В холле Союза сидели пятеро донцов - в полной форме, двое - с пистолетами в кобурах. На вошедшего они уставились совершенно без выражения на лицах. Один пожилой, двое молодые мужики (с пистолетами), двое - пацаны лет по 16-17. Роднили казаков похмельные глаза.

- Здоров дневали, казаки! - бодро поприветствовал дежурных Верещаев. Те ответили вяловатым "здоров дневали". - А как бы мне атамана Щупака повидать?

- Сняли Юрия Сергеевича, - сказал тот, что постарше.

Это был удар. Но Верещаев лишь поднял брови:

- О как. За что ж?

- За русский фашизм, - объяснил тот же. Верещаев хмыкнул:

- А, ну да, это правильно. А вы чего сидите?

- А чего нам делать? - буркнул один из "пистолетчиков".

- А-а-а-а... - с непередаваемой интонацией протянул Верещаев. - Ну тогда я пойду, бывайте... МУЖИКИ, - и, кивнув, вышел наружу.

На улице самообладание ему несколько изменило - он залепил шёпотом такую матерную тираду, что сидевший сбоку от входа бомж удивлённо поднял брови и явно передумал просить денег. Но внимания мат и злость не притупили - через сотню шагов Верещаев обнаружил, что за ним "по своим делам" идут те двое казачат.

- Угу, - человеконенавистнически буркнул экс-писатель на ходу. Он и правда был очень зол. И рассеянной походкой побрёл туда, где было меньше людей - в Петросквер, а оттуда - в Фабричный переулок...

...Завернув за угол переулка, парни буквально налетели друг на друга и замерли.

Верещаев стоял в каком-то метре перед ними, держа в руке у бедра ПМ.

Переулок был пустынен.

- А ну стой, - сказал он мирно. Вздохнул и продолжал негромко: - Ребятки, вы за мной не ходите и не бегайте, не надо. А то я ведь рассержусь и шлёпну вас прямо возле божьего храма, - он чуть кивнул на купола за деревьями, - некрасиво как-то выйдет, правда? И не надо шутить, - его голос стал почти ласковым, - вы по сравнению со мной котятки рядом с бирюком. Идите своей дорогой, а я пойду своей...

Замешательство на лицах казачат сменил испуг, который потом вдруг переплавился в решимость.

- А мы вас... - начал тот, что постарше, с типичным чубом из-под фуражки. - Мы вас узнали. Вы писатель.

- Я узнал, - тихо добавил второй, ниже ростом и хлипче. - Я ваши книжки читал... Вы Верещаев. Ольгерд.

- Ну я Верещаев, Ольгерд, - Верещаев не убирал пистолет. - Дальше что? Кстати, казачатки, придётся мне вас и правда шлёпнуть обоих, раз уж мы так хорошо знакомы...



Парни чуть попятнулись, но остались стоять.

- Мне ваши книжки нравились... нравятся... - по прежнему тихо сказал второй. - И мне, и Андрюхе, - он кивнул на чубатого, - хотя он мало читает. Ну и мы подумали... не может быть, чтобы вы... тоже...

Верещаев посмотрел в глаза обоим парням. Одному. Второму. Одному. Второму.

- Идите, - буркнул он, убирая пистолет. Казачата дёрнулись... и тут же Андрюха спросил растерянно и сердито:

- И чего - всё?!

- Ишь ты, - непонятно сказал Верещаев, - их живыми отпускаешь, а они ещё чего-то хотят...

- А нам, может, не важно - живыми или как! - запальчиво крикнул казачонок.

- Ну и дураки, - мирно возразил Верещаев. - На вашем месте я бы карьеру делал. Вы молодые. Вам новая власть будет доверять. Чего ещё-то.

- Ах ты... - багровея, Андрюха шагнул на поднявшего брови Верещаева. Но его приятель поймал разъярённого казачонка за руку:

- Стой, погоди... Карьеру? - он чуть прищурился. Верещаев кивнул:

- Её, родимую.

- Пошли, Андрюх, - младший казачонок потянул за собой рвущегося в бой старшего.

- Да куда пошли, ты что, не слышал... - рвался тот бить морду иронично следящему за ним мужчине.

- Это ты ничего не слышал, дундук, - тихо сказал младший. - А что слышал - того не понял, я тебе потом объясню, по дороге... - и махнул рукой Верещаеву: - Мы пошли. Карьеру делать. А вы проследите за ней?

- Да уж как-нибудь, - лениво ответил писатель. И мальчишеским шагом - пружинисто и легко - зашагал дальше по переулку...

...Неожиданно выяснилось, что Щупак дома не один. В мягком кресле около низенького стола сидел и пил кофе тощий длинный молодой мужик с козлиной бородкой. Увидев Верещаева, бородатый невероятно оживился и несоразмерно густым басом сказал, приветственно поднимая чашку:

- Здрав буди, словоблуд языческий.

- О как, - Верещаев, остановившись на пороге, склонил голову на бок. Щупак, хмыкнув, обошёл его и плюхнулся в другое кресло, сделал приглашающий жест к третьему, но Верещаев покачал головой и продолжал: - Это за что ж вы меня так, батюшка Георгий?

- А что, истина глаза колет? - осведомился бородатый. И тяжело вздохнул: - Да только не батюшка я ныне. Расстрижен еси...

- Это за что же? - вкрадчиво и непонятно уточнил Верещаев. Экс-священник потупился, а Щупак не без удовольствия сообщил:

- За проповедь, произнесённую перед пришедшими с визитом дружбы функционерами ООН. Жорка почтил их словами...

- ...о Господи, Господи, многогрешен и окаян... - пробормотал бородатый. Щупак невозмутимо продолжал:

- ... "мудозвонное собрание", "кимвалы пустоголовые", "смрадь вавилонская"... Но особенно запомнилось мне окончание речи, озаглавленное блестящим эпитетом "офедроном ослиным рождённые".

Верещаев захохотал - искренне и громко. Щупак тоже смеялся. Экс-священник снова вздохнул и, подняв голову, пояснил:

- Зол был и пламенем пыхал... А кто их, между прочим, - перешёл он на нормальную речь, - заставлял закрывать церковный приют? Мол, "мракобесное и ортодоксальное воспитание, не соответствующее реалиям свободы личности". Приют-то помнишь? - уточнил он у подбравшегося Верещаева.

- Ещё бы ему не помнить, ты ж его два года назад оттуда кадиллом изгонял, - усмехнулся Щупак. Но Верещаев отрывисто и серьёзно спросил:

- Дети где?  
- Далеко, - вздохнул священник. - Однако - не в тех местах, куда их эти паскудцы отправить хотели, - и неожиданно подмигнул Верещаеву, но тут же перекрестился и потупил глаза.  
- А самое главное, - продолжал Щупак, - что на следующий день Жорка, чтобы доказать бессилие расстрижения, публично проклял новенький гей-клуб на набережной. А ночью клуб сгорел чего-то...  
- Ай-ай, как же вы так? - осуждающе покачал головой Верещаев, пристально глядя на священника. - Может, вы и в непогрешимость ООН не веруете?  
- Не верую, - сокрушённо вздохнул тот. Верещаев уточнил:  
- А вот... перевалочную базу, например, проклясть не пытались?  
Священник посмотрел в глаза писателю:  
- Да пока нет... - медленно начал он. - Вот сил у Господа намолю - глядишь, и проклянута...  
- Ну, тогда налей-ка мне кофе, атаман, - обратился Верещаев к Щупаку, садясь в кресло. - Говорить будем.

\* \* \*

- "...и учредить компанию по борьбе с грызунами, именуемую ниже РосДератизация", - Шукаев поставил свою подпись. Ярцевский благосклонно наблюдал за процессом из кресла. Когда мэр отложил ручку, бывший адвокат спросил с искренним интересом:

- А вам не страшно, Василий Григорьевич? Прослушки тут нет, так вот прямо и скажите - не страшно?

- А вам? - угрюмо посопев, поинтересовался мэр.

- Мне? - Ярцевский покачал головой: - Нет. Я несколько выше этого примитивного чувства.

- А мне страшно, - честно признался мэр. - Но если уж по-другому - то тоскливо. Так, что в петлю. Лучше пусть страшно. Чем как три дня назад, когда я подписал... мемориал наш - на ремонт, значит. Под снос проще... - он вздохнул: - Простится ли?

- Нет, - покачал головой Ярцевский и стал серьёзен, поднялся. - Никому из нас не простится, Василий Григорьевич. И не прощенья надо искать, а искупленья добиваться. Всего хорошего, значит, встречаемся, как обговорили, а офис... офис я найду, дело привычное.

Мэр задумчиво кивнул и проводил взглядом вышедшего Ярцевского. На секунду Шукаева вдруг охватил настоящий страх - от которого остановилось сердце. Что он надедел?! Правительство... армия... всё государство... а он, старый дурак, как под гипнозом... сейчас вломятся...

Он перевёл дух. Лицо старого чиновника вновь сделалось угрюмо-упрямым.

Нет. Он не жалел о своей подписи и своих словах. Он - Васька Шукаев, и пусть он так и останется им - Васькой Шукаевым, а не разжиревшим "старостой" на побегушках у ООНовской сволочи.

**И ещё поглядим - кто кого,** вдруг ясно и отчётливо подумал мэр.

### **Ярослав Найменов Казахстан**

- Давай, работай негр! Солнце еще высоко!

- Сам ты негр! И это не солнце, а луна. Тем более ущербная.

- А тебе не все равно?

- Все равно.

- Значит работаем!

Прекрасный сумрак, стоящий в забитом коробками бомбоубежище, нарушал наш тихий с Владом разговор, который мы вели, перетаскивая коробки с тушенкой. Это был уже четвертый загруз за полтора часа - вдвоем работа спорилась.

Честно говоря, Влад пошел со мной не только из дружеских отношений (хотя большей частью из-за них). Узнав что я хочу обнести склад, сначала он расхохотался. Но когда я привел его в школу, и разъяснил все буквально на пальцах - Влад сразу же согласился помочь. Хотя бы потому, что он рассчитывал забрать оттуда пару ящиков пива. И еще много чего....

Тушенка уже почти закончилась - я тащил последний ящик. После этого я планировал забрать еще: лапшу (хотя она то еще дерьмо), масло, пакетики с приправами (их я перетаскивал в вещмешке), соль, спички....

И как это ни странно - "сникерсы". Да-да, те самые батончики шоколада. Несмотря на всю кажущуюся глупость, "Сникерс", это частенько нужная вещь. Калорийная и сытная... к примеру гораздо позже, спустя много лет с этого события, я выпью пива с человеком, который сбежал из переправочного лагеря "Fort of Raven", и, проведя три недели с лишком в пустыне (дело было в Ираке), выжил лишь благодаря нескольким "сникерсам", отобранным у жиртреста-охранника.

Сейчас же я нагружал садовую тачку коробками с тушенкой.

- Яр, а на хрена тебе столько консервов? - Влад тяжело сел на холодную ступеньку крыльца и положил на колени воздушку, которой я его... пусть будет "вооружил".

В коробке тихо сталкивались боками полные банки.

Я положил ее на несколько таких же.

- Последняя! - тушенка действительно кончилась.

- И все?

- Не-е-е. Я еще много чего отсюда свистну. А ты только пиво заберешь?

- А что еще? Мне больше ничего не надо... батя вон давно запасся харчами. Картошка, соленья, варенья....

Я пессимистично хмыкнул.

- Ну, дело твое. Хотя заначил бы ты лучше хоть пару коробок... мало ли. Ведь не одни мы такие ушлые - кто-то и по вашу душу придет. Много людей знает о том, что у вас картошки до хрена?

- Хех, пугаешь? - утробно хохотнул Влад

- Да нет, предупреждаю. Ты что думаешь, зря что ли нас бомбили? Да я зуб даю, что через дня три... ну через неделю максимум, к нам пиндосы придут. А там уже кто знает, что будет? Посуди сам, лучше сразу запастись всем, чем можно, чем потом куковать с голым задом.

- Бля, Яр, забей. Это мое дело.

- Ну я же говорю - как знаешь.

До дома мы шли молча. К калитке подошли почти на цыпочках - Влад тихо открыл ворота.

Проходя в дом, я даже не разувался. Хоть вдвоем мы управились очень быстро - однако на складе было еще много ценных вещей, которые надо было:

а. Спереть

б. Спрятать

А дальше будь что будет.

Владу было глубоко наплевать на все мои идеи и планы. Он просто жил сегодняшним днем... кстати это не есть самая плохая стратегия. Мне казалось, что ему уже часа полтора как надоело мне помогать.

На часах было полвторого.

- Пошли дальше? Или посидим полчаса, бамбук покурим? - предложил я

- Давай!

Влад рванул первую попавшуюся под руку коробку и достал оттуда две банки тушенки.

Насколько я знаю, тушенка в банках уже готова к употреблению. Но для пущей вкусоности ее лучше предварительно или сварить или обжарить, прям из банок ее не всякий съест. Я к примеру ел. Влад поначалу корчил недовольные рожи, однако потом перестал валять дурака и сосредоточенно заработал вилкой.

- Не очень. Но жрать можно! - буркнул он, когда его вилка уже заскребла по дну банки.

- Тебе можно жрать все, начиная с тараканов, и кончая слабительным....

- Хех! - Влад гордо похлопал себя по внушительному брюху - Есть чем запить?

- Перетопчешься. Кто-то по-моему хочет спи...дить ящик пива - на складе хлебнешь чего-нибудь. Пошли! Время не ждет!

И снова по знакомому маршруту. Назад мы шли тихо - мало ли что. Стукачей всегда хватало, тем более - в такое шибанутое время.

- А ты не боишься, что про это узнают? - Влад определенно не мог молчать больше 5 минут

- Боюсь, - признался я - И что? Предлагаешь тащить то, что мы притащили, назад?

- Да не, я то что? Просто кажется, что....

- Когда кажется - креститься надо. Узнают-не узнают... можно подумать у меня есть выбор!

Как я говорил - тушенка кончилась, ее было не очень много. Лапши тоже было с гулькин нос. Зато водки и пива.... Я загрузил несколько коробок и одну дал Владу. Сам не знаю, зачем, наверное, неловко было уходить с полупустой тачкой.

- Еще вернемся?

- Лично мне больше ничего не надо - я все забрал, - ответил я - Но ясный хрен - с тобой я вернусь. Много будешь брать?

- Коробки три-четыре! - ухмыльнулся Влад - Ну и еще что-нибудь. Типа чипсов.

- И охота тебе желудок поганить?

До рассвета оставалось больше пяти часов, и я успел проводить Влада до дома, и даже распить с ним пива. Однако отдыхать мне было некогда, все то добро, что я привез, надо было очень хорошо спрятать.

Вообще, так вот очень часто выдавали себя недогадливые мародеры. Нельзя затариваться полностью всем - иначе "любимые" соседи будут просто обязаны подумать : "А чей-то наш друг харч-то со стороны не носит? А мусора вытаскивает как после роты едоков. Не иначе как заначил!", - после чего ненавязчиво так будут клянчить. Типа, дай добром, а то заберем кулаком. И хрен с ними поспоришь - не отберут, так настучат кому надо.

Конечно, я запасаю далеко не всем, чем надо было бы. Только продовольствием... ну и конечно, одной из старинных универсальных бартерных единиц! Водкой, то бишь. Можно подумать, будто никто никогда не платил соседу-слесарю парочкой пузырей за то, что тот в рабочее время чинил вам трубу....

Остальное придется добывать по-другому... как?... задачка почище тригонометрической. Ну и черт с ней - у меня слишком много дел.

- Ярослав. Зачем ты взял... это?! - мама брезгливо показала на выгруженные коробки с водкой

- Пить буду!

- Не ёрничай!

- Все сдаюсь! - я шутливо поднял руки вверх - Помнишь, ты попросила одного мужика нам поленницу порубать? Ну я тогда еще болел. Чем ты расплатилась?

- Ну-у....

- Ага. Вот и я о том же. Иди спать мам, дальше я сам.

В сарае был взят лом, лопата и небольшой но тяжелый и крепкий гвоздодер. Из кладовки: несколько коробок и очень много старых дырявых полиэтиленовых пакетов.

После этого я перенес все коробки к люку в погреб, который был предусмотрительно открыт. Я собирался выдолбить в земляном его полу средней глубины тайник.

Всю тушенку я туда прятать не собирался - только большую часть, себе я хотел оставить ящика так два. Но даже оставшийся харч прятать именно сюда я не собирался. Ибо во всех приличных пособиях (конечно которые хрен достанешь) по выживанию написано: "Прятать все в один тайник - очень глупо, опрометчиво и опасно!". Найдут - и лишишься всего, что заработал (или спер) тяжким и непосильным трудом. Как потом жить? А никак.

Вообще, я делал самый легкий в смысле изготовления тайник. Вырывается нужной глубины яма - обстиляется коробками. Банки тушенки заворачиваются в полиэтилен и укладываются в эту яму. Между них и на них насыпается земля. Потом на пакеты с банками ложится кусок картона, так, чтобы их закрыть. Все это счастье опять засыпается землей, которая в свою очередь утрамбовывается. Это самый ценный харч - поэтому он помещен во второе дно.

На нехилый слой утрамбованной земли, я снова положил еще одну картонку и положил туда водку. Вот на что спорю - любой, кто найдет это, дальше рыться не будет.

С первым тайником было закончено. Оставшуюся еду я распределил по углярке (закрыл в шлак) и сараю (закопал в мусор на чердаке), оставив у себя лишь самое необходимое.

После этого осталось лишь тщательно закрыть ворота, и двери, положить рядом с кроватью подушку с учебным автоматом и наконец-то лечь спать....

...Не знаю почему - но снилась мне всякая хрень. Мне всегда такое снится, сколько я себя помню. То паук с головой человека восклицает: "Человек - ты животное!". Тот какой-то старик сжигает картины. На этот раз мне снилась не много не мало - гигантская банка тушенки, граненый стакан и вилка. Этой вилкой меня к концу сна, кстати, и придавило.

Хотя я на сны слишком много внимания никогда не обращал. Никогда не принадлежал к людям, которые ищут в них всякие предзнаменования и прочее. Нет, можно конечно понять, когда сон явно указывает на что-то. Но искать в психоделических замутах крупицу истины - по-моему, это глупо.

Открыв глаза, я пару минут пялился в потолок и просто ни о чем не думал. От данного увлекательнейшего времяпровождения меня отвлекло легкое покашливание мамы и звук включающегося телевизора.

- Вставай, Ярослав. Будешь кушать?

- Только чай.

Я потянулся, поднялся с кровати и не спеша натянул легкие шорты.

Все бы ничего, но мое внимание привлекла странная заставка по телевизору - орел с белой головой и с лавровым венком вокруг него. Обычно изображения таких орлов я видел только в американских фильмах. На часах было 6:53. До трансляции оставалось 7 минут, во что бы то не стало я решил плюнуть на все и посмотреть телевизор. Если уж на нем американская заставка.... Неужели Доблестная Американская Армия таки покорила Диких И Отсталых Казахов? Скорее всего да.

В последнюю очередь со склада я прихватил еще пару коробок дешевого чая. Крепкий чай - он гораздо лучше всех этих, импортных и не очень, кофе.

Потом я аккуратно заставил дверь на склад коробками со всякой хренью - типа дешевых ручек и зажигалок, благо дверь открывалась не в помещение, а в тоннель. Однако это еще не все - мы с Владом потратили более двух часов, чтобы собрать по всей школе книги и заставить ими дверь, уже с другой стороны. Конечно, никто не знал, что именно я обнес этот склад... однако лучше перестраховаться.

Попивая слегка неприятно пахнущий чай, я опять глянул на часы. 8.01. Как раз в этот момент из мощных колонок телика громынула какофония звуков! Причем так, что я про-

лил чай себе на ноги... правда мне было уже далеко не до этого - какофонией звуков оказался американский гимн.

Картинку сменил вид главной улицы Астаны, по которой маршировали солдаты.

- *Вчера, 22-го июня, в 23 часа 47 минут, диктатором Нурсултаном Абишулы Назарбаевым был подписан Акт капитуляции и выдачи миротворческим войскам США оружия массового поражения водородного типа, - голос невидимого диктора заглушил торжествующий рев чужестранного гимна - Сам Нурсултан Назарбаев ненадолго пережил Акт капитуляции - уже через несколько секунд сознательный член палаты министров совершил на него покушение, которое увенчалось успехом. И сегодня, в этот знаменательный день, народ Казахстана может забыть о попирающем его тиране. Его больше нет.*

К трибуне с семью микрофонами подошел мелкий, очень смуглокожий казах.

**Временно Управляющий Кабинетом Правления РК** - высветилась табличка на экране.

- *Этот день станет великим днем в истории Казахстана!* - быстро и горячо затараторил он - *Нет, не того Казахстана, который вынужден был быть при Назарбаеве! Этот день и этот час будут знаменовать собой появление на карте мира нового государства - Республики Тюркских Народов!*

Ну тут все ясно... азербайджанцы и прочая нечисть мощнейшим потоком хлынет в Казахстан... то есть уже в РТН.

Оратор продолжал:

- *Больше не будет коррумпированных органов власти и тоталитарных запретов тирана Назарбаева! Больше не будет попрания прав личности, как взрослых, так и детей! Больше никогда не будет ущемления прав нац. и секс.меньшинств! Наступает время полноценной демократии! Великое время!*

К трибуне подошел сурового вида пожилой человек, в военном мундире с орлами.

**Наблюдатель от ООН - Кевин Майерс.** - услужливо высветилось на экране.

Щелчок пульта - телевизор отключился. Странно... я знал, что это неизбежно, и я понимал, что так будет. Но единственное, о чем я не догадывался - что будет так **обидно** смотреть это выступление. И не просто обидно - а противно, как будто в дерьмо мордой упал, а выбраться не можешь. Тупо.

А спустя полтора дня в Сарань вошли американцы.

Средней длинны колонна состоящая из пяти грузовиков и одного бронированного автобуса, вольготно проехала в центр города - к дому культуры, возле которого располагался акимат.

Потом было долгое выступление в ходе которого, аким города показал как он умеет вылизывать чужие задницы. А именно - задницы офицерского состава, которые курировали в Сарани строительство перевалочной базы. Конечно же для переправки из России "униженных и обездоленных детей, которые найдут в США свое счастье и начнут новую жизнь". Ну и конечно для защиты от подлых бандитов, которые должны рекой-водопадом переть к нам с варварской России. Злые русские варвары - они ведь такие. Если идет мимо мечети или синагоги - то обязательно с собой бутылку с зажигательной смесью берет, по варварскому обычаю. Если видит девочку таджикскую, обязательно убьет - а то какой же он тогда варвар? А уж если видит что соседу хорошо - то обязательно нападет. И трупами завалит - ибо по-другому не умеет. Ну, варвары и варвары? что с них взять?

Жизнь в городе круто изменилась.

Для начала на стенде, посвященном ВОВ, появился цветастый плакат, призывающий взрослых жителей города вступать в "Организацию Гражданской Обороны" (зарплата 500 долларов, полный медицинский пакет, право на ношение пистолетов). Лицам, прошедшим службу в армии или работавшим в силовых структурах, предлагалось вступать в Военные Отряды. (зарплата 3000 долларов, полный соц.пакет, полный мед.пакет, право на проживание в "американской" зоне, право на ношение оружия любого типа.). Конечно же, Джедаям не пристало жить с казахским быдлом, поэтому теперь центр города и несколько

прилежавших к нему районов были отделены от всего города. В этой зоне развернулась американская военная база и военный городок.

Все магазины были закрыты - а товары из них были перевезены в американскую зону, после чего на выходе из нее открылось два торговых пункта. Один - для всех имеющих отношение к американцам. Второй - для обычных людей. В первом торговали за деньги, во втором вместо денег использовались боны.

Боны были трех видов - на товары уровня 1 (продукты, алкоголь, сигареты, легкие медикаменты), уровня 2 (колюще-режущие предметы, предметы быта, медикаменты среднего уровня), и боны уровня 3 (горючие вещества, лакокрасочные изделия, ядохимикаты, медикаменты рецептурные).

Наркотики выдавали бесплатно, в спец.точках. Конечно кокаином никто не разбрасывался, однако такими препаратами и веществами, как метадон, коаксил, толуол, очень сильно разбодяженный героин, и марихуана растений мужского вида - наркоманов обеспечивали справно. Утром, в обед и вечером. Кокаин и марихуану растений женского вида можно было купить в тех же точках - за боны третьего уровня.

Мне надо было идти в новообразованный "Центр Учета и Контроля", который располагался в бывшем детском саду "Березка", в американской зоне. Пришлось одеться поцивильнее и оставить дома все средства самообороны - могли и отобрать, а то и хуже - занести в "группу риска".

Группа риска - это отдельная тема, в нее могли занести за все. За ношение средств самообороны без имени на то разрешения, за футболку с "антидемократической" и "террористической" символикой, за оскорбление важной шишки, за неправильную музыку... А это плохо - ведь попавшего в группу риска имеют право обыскать в любой момент, задержать на неопределенное время, конфисковать имущество, вплоть до недвижимости. Обыскать и задержать могут не только самого попавшего в эту группу - но и его близких друзей и знакомых.

Меня остановили у КПП на входе в "зону А".

- Stop! Who you such and for what purpose go to a this zone?

- Э-э-э... - я слегка замялся - Сорри, ай э вэри бэд андерстэнд инглиш.

- Shit... - пробормотал накачанный биндюг в светлой форме - Hey there! Call here the translator!

В будке что-то буркнули, и оттуда выскочил очень худой парень в пиджаке, после чего охранник на КПП повторил свой вопрос. Парень начал переводить:

- С какой целью, ты есть идти в эту зону?

- Да меня вызвали.. вот... - я достал из кармана извещение пришедшее мне по почте

- Покажи, - скрупулезно прочитав, переводчик что-то сказал охраннику, и ушел назад в будку.

Охранник открыл шлагбаум, и жестом указал мне - дескать, иди.

В детском саду, а ныне "Центре Учета и Контроля", была большая очередь, из парней моего возраста. Я внимательно скользнул по ней глазами - никого из знакомых не было. Пришлось становиться в самый хвост.

- Слышь, долго стоишь тут? - толкнул в спину я стоящего передо мной

- Лично я нет, - хмуро ответил тот - Полчаса назад подошел.

- Ясно... а тебя зачем вызвали?

- Бля, пацан те чего, попи... деть не с кем?

Я хмыкнул и отвернулся. Было скучно. У кого-то из наушников доносилось ритмичное "Ойу" модного рэпера, кто-то смолит сигареты. Пара парней прихлебывали "Хайнекен" из железных банок. Кто-то просто болтал о чем-то своем.... Очередь медленно двигалась.

Я не засекал время - но наверняка прошло не меньше часа, прежде чем я прошел в прохладное здание и оказался у длинной парты заставленной компьютерами и иной техникой. Как ни странно, со мной говорили по-русски.

- Назовитесь, - но легкий, пришепетывающий акцент все-таки был.

- Найменов Ярослав Александрович.

- Каков Ваш возраст?

- 16 лет.

- Хм... - белобрысый мужчина в очках критически прошелся по мне глазами.

Я постарался втянуть выпирающее брюхо, а сидящий за столом, защелкал мышкой и клавиатурой.

Спустя минуты так две, он нерешительно сказал:

- Вам действительно 16 лет. Но вы выглядите старше.

- Кхем... - я замялся - А зачем меня вызывали?

- Для проверки личности и выдачи соответствующего удостоверения.

Он нажал пару кнопок на клавиатуре и потянулся к стоящему неподалеку здоровенному аппарату, чем-то напоминавшему мне автомат по продаже сока.

В "автомате" что-то противно запищало, и из находившейся на нем сбоку решетки, заструился чуть видный пар.

Сразу после этого из прорези (которая была сразу над столом) вылез белёсый кусок пластика с блестящим штрих-кодом.

Мужчина взял его и в свою очередь сунул в некое подобие принтера, мощно припечатал крышкой....

Весь процесс продолжался примерно 40 минут, после которых я держал в руке новенькое... удостоверение личности. Не такое, как в Казахстане - на белый пластик была нанесена моя фотография, сразу над ней был штрих-код и блестящая, отдающая радугой полоска. Справа от фотографии были строчки: Name, Surname, Patronymic, Nationality, Age, The Status. Я прошелся глазам по строчкам.

Name: Yaroslav

Surname: Neimenov

Patronymic: Alexandrovich

Age: 16

Nationality: Russian (german)

The Status: CL

Конечно же, я не преминул спросить, что означает последняя строчка.

- CL - civil. - ответил мужчина - Гражданский.

- Ясно. Я могу идти?

- Можете. Завтра в 14.00 вы обязаны явиться к штабу, для общественно-полезных работ по его укреплению. За неявку на вас будет наложен штраф в виде принудительных работ в другой области.

Выходя на бьющую в голову жару лета, я глубоко вдохнул пыльный воздух и утер со лба пот. В голову билась настойчивая мысль... хотя - какая это мысль? Оккупация началась. Это просто констатация факта.

### **"Спальный район" города Гязи. Российская Федерация.**

*Кто пойдёт за изорванным знаменем -  
Драться за последний рубеж?!  
Защищать бесполезные знания  
И нелепость белых одежд?!  
Эй, вставайте - кто ещё остался?!  
Встанем гордым строем среди руин...  
Кто еще помнит и кто не сдался!  
Я не верю,  
что я один*



Одиннадцатилетний Толька влетел в квартиру Пыряевых, тяжело дыша и с огромными от испуга глазами. Споткнувшись у порога, промчался на кухню и заорал:

- Мааааа!!! Там... там, во дворе... там ребят хватают!

Колдовавшая у плиты Анастасия Игоревна испуганно бросила взгляд на сына, потом - на окно, за которым (пятый этаж), конечно, ничего видно не было. А на шум со двора она давно не обращала внимания.

- Каких ребят? - сердито спросила она. - Ты-то цел?!

- Цел! - выпалил Толька, бешено жестикулируя. - Мы под грибком сидели! А тут грузовики! И эти! И в подвал, там, где, ну, ты знаешь, Фрол со своими кучкуются. И...

- Я тебе сколько раз говорила?! - полотенце обрушилось на шею ойкнувшего сына. - Я тебе сколько раз повторяла?! Ближе к этому Фролу не подходи!

- Мам, да я и не... - попытался было объяснить Толька, но второй шлепок прервал эту попытку:

- А ну марш к себе и сиди, не высовывайся, пока самого не прихватили! - цыкнула на сына Анастасия Игоревна и, проводив мальчишку в его комнату для убедительности ещё одним хлопком полотенца - по шторам - секунду прислушивалась к шуму со двора.

Потом вздохнула и вернулась к супу...

...В квадрате дворе, образованном четырьмя девятиэтажками, было полно народу. Люди стояли на детской площадке, под чахлыми рядами деревьев, около подъездов. В основном взрослые, но тут и там выглядывали любопытно-перепуганные ребяташки. К окнам на всех этажах прилипло ещё больше лиц.

Оба выхода со двора были перекрыты машинами - двумя мощными "маками" со знаками миссии ООН на бортах и кабинах - и цепочкой американских солдат в голубых касках и нарукавниках. Около "хаммера" стоял немолодой здоровенный сержант. Американцы, держа винтовки стволами в небо над двором, с равнодушным интересом наблюдали, как с десятков местных курдов в зелёной форме миссии ООН с шокерами и ловчими петлями вытаскивают и выводят из двух подвальных входов орущих, сопротивляющихся мальчишек и девчонок, затягивают в пластиковые наручники и тащат к грузовикам. Над двором стоял гвалт детских голосов и ругани на курдском. Других звуков почти не было.

Кое-кому из беспризорников удалось выскочить в незарешённые окошки, и теперь они - в основном младшие, потоньше - издали поливали матом всё на свете и швыряли обломки кирпича. Только рыжая девчонка - лет 14, но тоже тоненькая - в рваной на всю длину джинсовке металась почти под ногами у курдов и кричала пронзительно:

- Люди! Ну люди, что ж вы смотрите?! Да помогите же! Их же убьют! Их же убивать увозят!!! Люди! Люди же!!!

Наверное, отчаянье лишило её соображения, иначе она вспомнила бы, сколько раз в начале своей беспризорной карьеры кричала почти так же - и вспомнила бы, что никто, **никто** её не слышал тогда... почему должен услышать сейчас? Но она продолжала кричать.

- И правильно забирают, - сказала какая-то из бабулек. - Все подъезды засцали, исписали, на улицу не выйдешь. Правильно забирают, власть знает, что делает, вона - не то, что раньше... Кому они нужны-то. Накарманы малолетние.

- Молчала бы, дура старая, - процедил молодой мужик, стоявший рядом - глаза в землю. Бабка переключилась на него, но тот молчал.

Из подвала выволокли рослого, облитого кровью парня. Следом, стоная и визгливо охая, на руках поделльников прибыли двое курдов - у одного явно была пробита голова, у другого что-то с руками. Увидев это, трое или четверо "ловцов" швырнули парня на ас-

фальт и принялись сосредоточенно бить ногами. Он, закрываясь локтями, крикнул девчонке:

- Уходи, дура, младших ув... - и захлебнулся, ботинок врезался ему в горло.

Девчонка вместо этого рванулась вперёд - и тут же охотничья петля под гогот курдов захлестнула её шею. Крик перешёл в хрип, рыжая обеими руками схватилась за врезавшийся в шею тросик и упала на колени. Лицо её побагровело...

От людей, стоявших у ближнего подъезда, отделился высокий аккуратный старик с тростью в руке. Он сделал всего несколько шагов - совсем не стариковских, широких и ровных...

- Ввваааа! - взревел державший петлю - палка опустилась на его руку. С перекошенным лицом он дёрнулся здоровой рукой за шокером - и тут же палка в руке выглядевшего совершенно спокойно старика перебила ему гортань. - Хря, - сказал курд, покорно падая. Старик, ни на кого не обращая внимания, нагнулся к девчонке и стал освобождать её.

Станным было то, что остальные курды не бросились на старика. Лишь один из них, подбежав к сержанту у "хаммера", закричал, тыча рукой:

- Миста сажнт, у си, ю си?! Вис из олд фашист, хи блоу Юсуф фор хис нэшэн энд колор скин! Вис из олд рашен фашист!<sup>2</sup> солдат, повинуюсь молчаливому жесту сержанта, подошли к старику. Он спокойно посмотрел на них снизу вверх и как ни в чём не бывало продолжал растягивать петлю. Потом, отбросив ловушку, помассировал хрипящей и кашляющей девчонке горло и поднялся, держа палку в руке.

Один из американцев ударил его в лицо стволом винтовки...

- Ма-мммм!!! - повис над двором одинокий детский крик.

На него обернулись все сразу.

Из подъезда наискось от места схватки двое солдат - не курдов - вытащили извивающегося мальчишку лет 12-13, одетого в майку и трусы. Он лягался, кусался и не переставал звать на помощь маму; тапка на левой ноге не было, с правой - слетел, когда солдаты поволокли его через газон.

Толпа заволновалась.

- Это ж не беспризорный!

- Это учительницы сын, из 27-й!

- Андрюша, за что они тебя?!

- Не знаю! - брызнув слезами и яростью, крикнул мальчишка, выкручиваясь из рук солдат и тормозя пятками. - Я не знаю! Они дверь вышибли! Мама там... в квартире, без сознания! Помогите! Помогите, люди, помогите!

- Эй вы! - вдруг послышался резкий окрик. - Оставьте пацана! Живо!

От грибка, под которым сидели несколько картёжников, шёл грузный бородатый мужик в майке, шортах и шлёпках. Он раздвинул толпу, помог подняться старику, который - ого! - не потерял сознания и теперь унимал кровь из рассечённой щеки и подошёл к оставившимся солдатам.

- Пацана оставьте, козлы, - ровно сказал он.

Солдаты переглянулись. Один из них - здоровенный негр - отпустил ногу мальчишки и толкнул мужика в грудь стволом винтовки:

- Отвали, - сказал он выученное по-русски слово.

Мужик взялся за ствол винтовки и согнул его плавным движением. Потом положил руку на плечо чернокожего гиганта - и тот перекосясь на сторону с возмущённым воплем, перешедшим в писк.

- Я тебе чего сказал, еб...о твоё гуталинное? - спросил мужик спокойно.

И тут же второй солдат - отпустив упавшего мальчишку - коротко и точно ударил мужика в горло примкнутым штыком.

---

<sup>2</sup> Мистер сержант, вы видели, вы видели? Это старый фашист, он ударил Юсуфа за его национальность и цвет кожи! Это старый русский фашист! (искаж. англ.)

- Ыхххх... - сказал мужик, хватаясь за винтовку. Задумчиво придвинул к себе ошарашенного солдата, подмял его, повалил, упал сверху. Дёрнулся несколько раз на неподвижном американце.

И затих...

...Толпа придвинулась молча, и это обмануло конвой. Американцы запереглядывались. Потом рослый сержант лениво подошёл от "хаммера", поднял ствол винтовки и громко, повелительно сказал по-русски:

- Назач, скоти.

И выстрелил короткой очередью в воздух.

И тогда толпа придвинулась ещё ближе...

...Майор Роскилл был два восьмимесячных срока в Ираке и один четырёхмесячный - в Афганистане, занимался охраной миссий в Либерии и Эфиопии. Россия на фоне тех диких мест показалась ему тихой и пришибленной, русские - глуповатыми и покорными, сама миссия - приятным и хорошо оплачиваемым отдыхом.

Но сейчас он стоял посреди двора, слышал, как перекликаются и недоумённо ругаются его солдаты - и не знал, что сказать и что подумать...

...Из шестнадцати человек конвоя уцелел только один - молодой парень, который вовремя успел - от страха - бросить винтовку и соскочить в какой-то полуподвал. Сейчас его - трясущегося, с выпученными глазами, полуседого и практически невменяемого - оттуда как раз вытащили и подвели к Роскиллу. Но майор с ходу понял, что тут можно ничего не спрашивать... да и не нужно тут было ничего спрашивать.

Два грузовика и "хаммер" - опрокинутые и пустые - всё ещё горели у въезда. В люке "хаммера" торчал обгорелый скелет в расплавленном шлеме, сросшийся с пулемётом.

Опознать удалось двоих из конвоя. Голова сержанта Спаркса - с вырванными глазами, забитыми песком - торчала на арматурном пруте над детской площадкой (тело обнаружить не удалось). Рядовой Маковски - с топором, торчащим в спине - лежал возле мусорных ящиков. Отрубленные руки рядового валялись тут же.

Остальные... нет, **остальное** - было неопознаваемо. Часть тел, порванные в клочья, была перемешана с землёй размазана по асфальту. Два - раздёрнутые пополам - покачивались жуткими украшениями на склонённых над подъездной дорогой тополях, привязанные за ноги. Стена около подъезда была забрызгана кровью и мозгом - как кистью махали.

Курдов из ООНовской миссии нашли в подвале. Их - и живых, и забитых до смерти - запихали туда, а потом кто-то подогнал к окошку "газель" и прогазовывал внутрь выхлопную трубу. "Газель" всё ещё стояла на этом месте...

- Как же так? - взвинченно спросил кто-то. - Они же просто стадо... Этого не может быть! Господин майор! - молодой солдат подбежал к командиру, забыв о субординации, губы солдата тряслись. - Что это, кто это сделал?! Это же не люди сделали!

Роскилл не отвечал. Ему вспомнились слова, сказанные кем-то из офицеров штаба дивизии перед отправкой в Россию - сказанные неожиданно, на прощальной вечеринке вразрез общему настроению: "Не обольщайтесь. Русские могут быть очень жестоки и коварны. Так, как это даже и не снилось мусульманам..."

Тогда Роскилл не поверил в это.

**А сейчас не верил своим глазам.**

- Вывести всех из домов! - крикнул майор, приходя в себя. - Выводите все...

Солдат, начавший при уверенных громких словах команды приходить в себя, увидел, как голова майора под шлемом лопнула, как арбуз, по которому ударили молотком. Секунду солдат молчал. Потом закричал истошно - но его крика уже никто не услышал...

...На втором этаже главного корпуса девяностолетний сухонький старик - дед Илья, охотник с восьмидесятилетним стажем - удовлетворённо хмыкнул и вогнал в освободившийся левый ствол старой ухоженной тулки-"бэшки" 16-го калибра "смычку" - патрон-самокрут с составной пулей: тремя "тандемом" соединёнными шпилькой 12-миллиметро-

выми картечинами - точно такая только что разнесла голову офицеру, попав между глаз. И снова аккуратно приложился к четырёхкратной оптике, выбирая себе новую цель.

- Етить тебе в дышло, - азартно пошевелил он жёлтыми от вечного курева усами, плавно нажимая спуск...

...Стреляли изо всех корпусов - не меньше тридцати стволов, охотничьих ружей и трофейных М16, среди которых выделялся деловитый гортанный голос старого MG42. Укрыться во дворе было просто некуда. После первых же десяти секунд шквального огня уцелевшие солдаты бросились к стоявшим на подъездной аллее машинам. Но из дренажной канавы тут и там начали - как чёртики из шкатулки - подниматься фигуры ужами подползших пацанов, швырявших в машины фыркающие самодельными запалами бутылки со смесью бензина и сахара. Бросок - и исчезновение, а в следующий миг другая фигура поднималась в другом месте.

Через двадцать секунд горели все машины. Кто-то стонал и охал, кто-то звал на помощь. Вдоль аллеи ползал, собирая кишками пыль, воющий гранатомётчик.

Во дворе начали появляться люди. Мальчишеский голос прокричал:

- Дядь Игорь! Тут один в люк заполз! Вон он!

- Иду, Сашок, иду, - отзвался неспешно мужской.

К гранатомётчику подошёл молодой парень со штыковой лопатой. Примерился.

- А!!! - оборвался последний вопль.

Хрустнули позвонки. Отложив лопату, парень присел и начал потрошить разгрузку обезглавленного, отпихивая ногой скользящие петли кишок...

...Когда через два часа бронеколонна из ближайшего гарнизона, двигавшаяся со всеми предосторожностями, вошла во двор - дома стояли пустые. Настежь были открыты квартиры, подвалы, гаражи. И - никого. Ни души.

Жители ушли.

### **Разные люди. Республика Тюркских Народов**

По широкой улице шла влюбленная парочка. Светловолосый парень и рыжая девушка - судя по всему, им было очень весело.

И правда, медного цвета волосы, сплетенные в бесхитростный легкомысленный хвост, уже несколько секунд весело трепыхались от веселого смеха хозяйки - парень рассказал очень смешной анекдот.

- Вита-а-алик, ну хватит! - она перескочила через небольшую ямку, и ее легкое платье трепыхнулось, показывая миру светлые, почти молочно-белые колени.

- А что такого? - парень не преминул пройтись глазами по продолжавшейся долю секунды картине.

Девушка это заметила, но ничего не сказала, лишь улыбка еще больше обнажила ровные белые зубы.

- Да ничего! Просто такие пошлые анекдоты дамам не рассказывают!

- Пф-ф! Ира, можно подумать, будто ты обиделась! Или обиделась? Ну-ка признавайся.... - Виталик резко зашекетал девушку, и по улице прокатилась еще одна мелодичная волна смеха.

Дальше же было обычное веселое щебетанье, которым наверняка увлекался каждый влюбленный, провожающий девушку домой.

Все это было прервано американским патрулем из Гражданской Обороны, состоящим из трех азербайджанцев - прибывших в новообразованную РТН.

- Пиридьявите дакументи! - пропыхтел самый толстый, с нашивками сержанта, по коричневому его лицу катились крупные градины пота, лоб маслянисто блестел.

На пехотной М16 которую он держал наизготовку, предохранитель был уже снят, у второго, очень костлявого (что было видно даже через плотную форму) азербайджанца в руке был "ругер" - в гражданскую оборону "беретт" не выдавали. Третий тоже был с М16.

- А мы чем-то провинились? - парень все еще улыбался. Как впрочем и его подруга.

Азербайджанец с "ругер" плотоядно прошелся глазами по точеной фигурке девушки, и что-то гортанно сказал. Толстый ухмыльнулся и ответил ему на таком же языке, после чего снова повторил, уже более настойчиво.

- Пиридьявити дакументи!!

- Слушайте, успокойтесь, - улыбка сползла с лица девушки - Нет у нас документов, мы с праздника идем.

- Нет дакументи? - дебиловато переспросил толстяк

- Да нету, говорим же - с вечеринки идем! А что-то случилось? - Виталик насторожился, в серых глазах сверкнул металл.

- Если дакументи нет - нада идыти в участка! - после тирады толстяка двое других уверенно закивали.

- А зачем?

- Нада идыти в участка!! - потрясывая "ругер" заорал второй патрульный

Парень было напрягся, однако девушка мягко положила руку ему на плечо:

- Успокойся, что ты так? Ну пройдем, отчитаемся, потом проводишь меня домой... все в порядке.

Она ошибалась.

Когда столь странная группа прошла пару кварталов, азербайджанец, державший в руке "ругер", снял перчатку и, тихонько подойдя к девушке, запустил руку ей под юбку, до боли сжав ягодицу.

- Нэ бойса.... - он противно сглотнул слюну и не менее противно задышал Ире в ухо

Та почти автоматически развернулась, и со всего размаху залепила ему звонкую пощечину.

- Ах ти ж сюка! - "оскорбленный" джигит не преминул ответить тем же. Правда не пощечиной, а кулаком. В висок.

Девушка потеряла сознание и упала на грязный асфальт.

Виталик не стал тратить время на разговоры. Сыграло свою роль то, что он профессионально занимался рукопашным боем - даже в соревнованиях участвовал.

Сваливший девушку получил мощнейший удар, расплющивший ему кадык - все по негласному закону любого боевого искусства: "Если бьешь - то бей так, чтобы после тебя не ударил никто!"

Толстяк с М16 отделался гораздо легче - в состав формы Гражданской Обороны входил жесткий щиток, защищающий промежность - именно поэтому сильный удар ногой уполовинился, всего лишь свалив противника на землю.

Третий оказался самым шустрим - видать, уделял время тренировкам. Он даже успел вскинуть винтовку и нажать на курок... в этом случае сыграло свою роль то, что ветра в Казахстане обычно пыльные. Винтовку попросту заклинило, и в следующий момент пятка Виталика пристыковалась к подбородку столь быстрого солдата.

Толстяк начал было подниматься, однако парень со всего размаху двинул ему по голове. Двинул настолько сильно, что свернул ему шею.

После этого он подхватил на руки девушку и очень быстро пошел домой, совершенно легкомысленно забыв про третьего своего противника. Впрочем, это роли не сыграло - падая наземь, тот очень сильно ударился затылком, заработал сильнейшую гематому и умер, не приходя в сознание...

...Этот случай был лишь одним из многих - в Казахстане отнюдь не все были рады свержению "кровавого тирана" Назарбаева. Казахские роды не слишком-то жаловали валом хлынувших в Казахстан кавказцев и азербайджанцев. Ибо первые грабили кого попало, а вторые отличались изрядной любвеобильностью как к девушкам, так и к юношам.

Казахи еще не совсем потеряли связь с корнями и старинными обычаями, поэтому первому же бойлаверу, пытавшемуся раздеть мальчика-казаха, отрубили семенные железы, после чего прижгли рану каленым железом, основательно повредив мочеточник. Естественно, кузнеца-любителя, проводившего столь "неполиткорректное" наказание, приговорили к "лечению от вспышек ярости". То бишь, к испытанию на нем синтетических наркотиков.

Американские аналитики разработали множество прогнозов - однако ни один из них не сбывся. Ведь кто мог предположить, что 58% казахского населения, вернутся к *ауль-ной системе*? Кое-кто по старинке, на лошадях, кое-кто на машинах.... Заново начали образовываться Старший, Средний и Младший жузы, поговаривали даже о том, что недалеко то время, когда проведут Великий Курултай, и выберут на нем нового казахского Хана.

Американцы не видели в этом ничего такого, что могло бы им помешать, даже наоборот - Хан, он такая личность, что его можно продвинуть и из лояльных делу демократии людей. А там пусть эти варвары-казахи играют в возрождение своих золотых времен.

Особую роль в политике оккупантов играло то, что в Гражданскую Оборону очень легко брали приезжих нацменьшинств - азербайджанцев, кавказцев, киргизов... много кого. С одной стороны это помогало держать под контролем большую часть населения. С другой стороны, хваленые американские аналитики не учли менталитета приезжих народностей - те гребли *только для себя и под себя*. К примеру, только через полтора месяца американское командование додумалось не ставить приезжих на должности, связанные с доставкой амуниции, продовольствия и медикаментов. Причина проста и обыденна - за внушительный шкаф, или за пару ягнят для шашлыка, улыбчивый водила-грузин делал небольшой крюк с основного рейса. И отдавал убедительному клиенту пару ящичков с консервами, или штук так 5 пистолетов. Ходили слухи, что кто-то так купил несколько коробок с бонами!..

...Как это ни странно, грозный и могучий Китай был обезврежен гораздо быстрее, чем "отсталая и нищая" Россия. Уже через три дня после бомбежки Казахстана в Стране Восходящего Солнца началась эпидемия того, что гораздо позже назовут "Желтой Чумой". Всего за месяц от гигантского по количеству народа осталось всего 5 миллионов человек. Из них 3,5 миллиона были пережившими страшный вирус, особенность коего была в стерилизации переболевших им. Ну а пока этого не случилось, США, как всемирный полицейский, были просто обязаны ввести в Китай как миротворческие гарнизоны, так и отряды Красного Креста. Чтобы помочь умирающему народу....

Но все же аналитики не учли самого главного - так называемого закона белой вороны и запретного плода.

***"Если 100% населения делают то, что разрешено, то 1% обязательно будет делать то, что делать запрещено"***

1% это мало. Однако этот один процент имеет неприятную для оккупантов особенность превращаться в два, а то и в три! И далее, по возрастающей.

### **Город Рассказово. Российская Федерация.**

*Кто сеял зло - себя не утешай.  
Неотвратим твой страшный урожай.*

*Алишер Навои.*

Первый "свободный урок" через три дня после того, как 8-й "а" узнал, что у них будет новая классная руководительница. Вероника Андреевна ушла на пенсию.

- Ха, "ушла", - буркнул Мишка Изветько, первый отморозок в параллели. - "Ушли", сразу сказали бы.

- Вечно ты сморозишь, - отозвалась Наташка, самая красивая девчонка в классе. - Она ещё в прошлом году говорила, что сил больше с нами нет, уйдёт.

Класс вяло заспорил. Сашку спор не интересовал совершенно. Он сидел за своей партой и думал про щенка, которого кормил по утрам вот уже почти месяц...

...Новая классная никому не понравилась. У неё, во-первых, были неприятно-развязные манеры и она сразу же заявила, что её можно называть "Лида" и на "ты". Слов нет, "ткнуть" учителю считалось в школе геройством. Но делалось это по-тихому, шепотком. И Сашка например сам не ожидал, что официальное разрешение - вроде бы сбывшаяся мечта каждого ученика! - окажется таким... неприятным, что ли? Иного слова он подобрать не мог. Во-вторых, классная выглядела нелепо и походила манерой поведения на моделей с подиума. Там на них было смотреть интересно, а в школе это показалось диким.

И вообще... Что "вообще" никто толком сформулировать не мог, но после уроков Мишка сказал:

- Да ну нах. Вообще на училку непохожа. Больная какая-то.

Так "Лида" обзавелась официальным прозвищем - "Больная".

Что такое "свободный урок" - ученики поняли не сразу, хотя Больная с горящим глазами долго вещала, что "в это время они будут совершенно свободны и должны максимально раскрепоститься, ничем себя не сдерживать и ни в чём не ограничивать!" Когда прозвенел звонок, и классная демонстративно вышла вон, махнув рукой и сообщив на ходу "keep smile!" (а в замке снаружи щёлкнул ключ), ученики минут пять просто сидели и молча пялились кто куда. В полной тишине...

...Когда через сорок пять минут Больная вошла в класс, там царил почти такая же тишина. Все сидели на своих местах, кроме двух парней из команды Мишки, которые играли на доске (в тысячный раз) в крестики-нолики. Кто-то спал, кто-то читал, кто-то готовился к урокам, кто-то болтал. Большинство просто тупо мучили мобильники.

Чем осталась недовольна Больная, ребята сперва даже не поняли. Но она и правда была недовольна, только что слюной не брызгала, говоря какие-то полупонятные даже Сашке (одному из самых начитанных в классе!) слова типа "трансгендерная нивелиризация", "половая сублимация", "субдуховное раскрепощение" и "толерантность осознания окружающего". У большинства же ребят и девчонок глаза стали стеклянными, и после уроков Мишка снова веско сказал:

- Больная, бля буду.

На следующий день вместо урока обществознания ашкам показали фильм о таком же дне в какой-то американской школе. То, что творилось на экране, походило на сумасшедший дом, люди себя так вести просто не могли, пусть и невзрослые. Даже в вечерних компаниях, вдрызг упившихся пивом, Сашка **такого** не видел. Почти все девчонки уткнулись в парты, из пацанов кто-то правда гыгыкал, но - Сашка заметил - что Мишка хоть и смотрит, но смотрит хмуро и тяжело. Самому Сашке смотреть на экран было просто противно, и он стал думать о посторонних вещах.

Однако, уже завтра в школу не пришли Олег Парухин, Инга Оверкова и Арслан Алиев. Олег и Инга куда-то уехали вместе со всеми семьями, а Арслана Сашка встретил вечером во дворе. Чеченский мальчишка - кстати, на удивление миролюбивый и отзывчивый парень, хоть и не слишком умный - сидя на качелях рядом с Сашкой, сказал:

- Я отцу всё рассказал. Он сказал - больше туда ходить не будешь. Это, сказал, не русская школа и не школа вообще, где таким вещам учат, и это не учитель, раз такой человек. Ты тоже своим скажи, э, Сань?

Сашка, конечно, ничего не сказал. У него с родителями были не те отношения - они просто старались жить, не огорчая и не замечая друг друга особо без нужды. Это у Алиевых семья сто человек и все старшего слушаются. Хотя нет, у Парухиных, хоть они и русские, было почти так же...

...Следующий "свободный урок" был в принципе повторением первого. Правда, минут через десять после его начала один из адъютантов Мишки, Димка Данилов по прозвищу "Долбо...б" достал сигарету и хотел закурить. Но Мишка веско и тихо сказал:

- А ну убрал на хер.

- Ты чё, Миш? - захолопал глазами Димка. - Больная же сказал...

- Бля, ты чё, тоже больной? - спросил Мишка и поднёс к носу Димки крепкий, покрытый шрамиками, кулак. Тот мгновенно понял, что к чему, а Мишка буркнул классу: - Это... девки... в натуре, за мат извините...

...Мишка не пришёл в школу на следующий день. Ребята из его компании были какими-то пришибленные... а через два дня Димка повесился в школьной подсобке.

- Он Больной рассказал, что на уроке было, - мрачно просветил Сашку самый близкий друг Мишки, Артюха (Славка Артюхов). - И, бля, сидим вечером, Миху ждём... в песочнице... бля, "скорая". И жик, жик, жик... Миху, сеструху его младшую, родаков. На носилках, прям одного за другим.

- Заболели, что ли? - ошарашено спросил Сашка. Артюха криво усмехнулся:

- Угу, бля. Заболели... Наивный ты, Сань, как из "дома-2"... - потом вздохнул и сказал: - Съё...ть надо.

И больше ничего не добавил. Но через два дня в школу уже не ходило полкласса...

...На четвёртом "свободном уроке" Сашка подрался.

Он и сам не понял, что произошло. Просто услышал шёпот, возню, шорох. Обернулся и увидел, как Хряк (так звали Хрякова-младшего, сына шишки из мэрии, при новой власти даже слегка подраспухшей) лезет к Наташке. Та была красная и сопротивлялась, но молча - и бессмысленно, конечно, Хряк весил вдвое больше. Кругом все то ли не замечали... то ли замечали, но...

Сашке вдруг почудилось, что он стоит на какой-то плотинке. Тоненькой такой. И она дрожит и гнётся под напором даже не воды - какого-то потока из мусора и дерьма. Вот сейчас лопнет - и... И остальные тоже ждут - лопнет или нет? Если лопнет - то...

Потом он увидел глаза Наташки. Они были полны слезами и беспомощностью...

...Больная начала орать на Сашку, едва Хряков-старший увёз сыночка (похожего на отбивную мордой - Сашка сам не ожидал, что может так кого-то избить). Но мальчишка, улучив перерыв в воплях про "некупированную агрессию", "тоталитаристическое поведение" и "тестостеронный дисбаланс", дерзко и ясно сказал:

- Но вы же сами объявили - себя не сдерживать и ни в чём не ограничивать. Мне захотелось его избить - и я его избил.

Больная задыхнулась. Мальчишка с восторгом понял, что теперь он знает, как выглядят глаза зависшего компьютера, пытающегося решить дилемму типа "можешь ли ты придумать задачу, которую сам решить не сможешь?"

Потом Сашка сделал глупость. Будь он старше - он бы никогда так не поступил. Но ему было всего четырнадцать лет и он испытывал неожиданно сладостное и не совсем приятное самому чувство победы над чем-то... чем-то... чем-то...

- Нечего ему было девчонок лапать, - сказал Сашка.

Сбой в программе закончился.

- Иди, - сухо сказала Больная. А Сашка испугался.

Он никогда раньше не видел взрослых, который ненавидят детей. Не кричат, не орут, не бьют - именно **ненавидят**. Но в тот момент, глядя в ожившие глаза "Лиды" - понял: она ненавидит его, Сашку. Ненавидит и, кажется, **боится**...

И снова Сашка совершил ошибку. Он не смог поверить в эту ненависть...

...И снова - потом Сашка часто думал, от каких мелочей всё зависит. Он всего лишь свернул за мусорные ящики. В полуквартале от своего подъезда. Свернул, чтобы посмотреть, как там его знакомый щенок - тот подрос, стал весёлым и часто там кормился.

Щенка там не было.

Там был Мишка.



- Я тебя ждал, - сказал Мишка, поднимая глаза на Сашку. - Знал, что ты тут ходишь...  
Зайди сюда, быстро, не стой.

Мишка был в жутком виде. В помятой одежде, глаза синим обведены, на скулах резкий румянец. Руки Мишки - он их сцепил на высоко поднятых коленях, сидел на какой-то банке - тряслись.

- Ми-и-и-иш? - Сашка ошаренно зашёл за ящики. - Ты... чего тут?

- Сбежал, - коротко сказал Мишка. - Думал, смогу... соскочить... Ни х...я, через час обратно поползу, ломать уже начинает... Ноги сами несут, чего угодно сделаешь, чтобы вкололи. Сань, ты не перебивай, у меня времени нету... Домой не ходи. Там тебя ждут. Предков твоих уже увезли.

- Куда? - прошептал Сашка, садясь на корточки и приваливаясь к ящику.

- Туда, - Мишка весь задрожал. - Бля, пипец... Не ходи, Сань. Только не ходи, а то будешь, как я.

- Миш, чего творится-то?! - Санька приоткрыл рот, пытаясь понять сказанные ему слова.

- Оккупация, бля, - Мишка прикрыл глаза. - Натурная. Как в киношке. Только умней. Ты, Сань, беги, - он снова распахнул глаза. - Сань, ты беги. Знаешь, есть такая улица - Коммунарлов. За ней пустыри. Попробуй туда. Я сам хотел, да сеструху думал сперва забрать... а теперь её нету, а мне уже не прыгнуть...

- А где... она? - Сашка сглотнул, вспомнив пятилетнюю сестру Мишки.

- Где... - Мишка прижмурился, опять передёрнулся и трясся, уже не переставая. - Ну это... - он вдруг хихикнул. - Наверное, уже в разных людях. По кускам. Они бы и меня так же, но я ж курю с пяти лет, вот на мне разное и испытывают...

Сашка подумал было, что Мишка сошёл с ума. И почти уже встал, чтобы уйти. Даже убежать...

...и увидел шевеление занавески - в окне своей комнаты. Тихое и плавное.

Почему-то именно тогда он **поверил**. Во всё и сразу.

- Мишка... - от ужаса он с трудом удержал позыв внизу живота. Мишка открыл глаза:

- Сань, - сказал он чисто и спокойно: - Сань, не попадись им. И это. Ты отомсти.

Если сможешь. Сань, пожалуйста.

- Миш, пошли со мной, - Сашка вцепился в локоть Мишки. Но тот освободился и покачал головой:

- Не... меня уже это... **зовут**, - он встал. - Коммунарлов улица. А там пустыри. И не попадись.

Он пошёл, качаясь - мимо ящиков и дальше, по улице. Не оглядываясь...

### Ярослав Найменов Республика Тюркских Народов

Вообще, я хорошо переношу жару, как-никак всю жизнь в Казахстане прожил. Однако спустя полтора часа тяжелой работы мне стало изрядно нехорошо. Начало мутить, и в глазах пошли круги.

И это при том, что работа была еще не самой тяжелой, не такая, как у парней с 20 и до 35 лет. А уж что говорить о тех, кому за 40....

Работа была одна - постройка заграждений вокруг главной площади, а ныне плаца для пробежки и зарядки. Лица возрастом от 16 до 20 лет рыли фундамент для забора, наполняли землей мешки, таскали цемент.... Те, что от 20 и до 35, устанавливали здоровенные каменные блоки, бывшие одновременно фундаментом и забором, после чего со стороны плаца эти блоки обкладывались мешками с песком. Как я уже говорил - самая тяжелая работа досталась тем, кому было от 35 и до 45 лет, они устанавливали здоровенные вышки и делали некое подобие маленьких бункеров, для пулеметных точек.

В первый день, когда парни моего возраста работали над фундаментом, к куче голых по пояс, потных тел подошли два прилизанных офицера в песочного цвета военной форме.

- I look at them, and I am surprised, - начал говорить первый. - These children grew in a nasty climate if nasty meal, they did not have all that that is at our children! However look - every second of them above the majority of our soldiers! They lift such weights, which not under force some of our soldiers! They already look as the man instead of as children!<sup>3</sup>

Второй слегка потер лысеющий лоб, и тихо ответил:

- You have answered the question. The nasty climate, nasty meal, nasty conditions - to it is what for to be strong. And what for to be to strong our children?<sup>4</sup>

После чего они ушли. Когда я попросил одного парня, говорящего по-английски, перевести это, он слегка помялся.

- Ну я немного понял.... Первый вроде говорил, что мы похожи на мужчин а не на детей. Второй ответил, что это все из-за плохих условий.... Не знаю я!

Непонятно, а жаль. Что мы, звери в зоопарке, чтоб на нас всякие чудики любовались?

Было трудно - с восьми утра и до восьми вечера, всего лишь два перерыва. Один - 5 минут. Второй 15 - так как обед. Кормили тоже поганно, по банке дешевых консервов на брата.

Как я уже упоминал - условия были плохие, уже в первый день работы 4 человека упали в отключку, с солнечным ударом. И троих порезали гопники, которых появилось немалое количество. И именно поэтому, в один прекрасный час, отойдя от основной массы работающих, я размахнулся и кинул себе на стопу декоративный кирпич, которым в изобилии была вымощена главная площадь. Как итог - трещина в кости, распухшая как поп на Пасху нога и освобождение от работы. Причем даже не из-за травмы, а из-за того, что я всем там мешал.

Конечно, мама разохалась, и будь ее воля, я бы лежмя лежал в кровати, и пил горячий чай.... Однако несмотря на всю боль, ногу всего лишь перебинтовали и парили в растворе марганцовки, два раза в день. Как раз во время одной такой припарки, пялясь в "зомбоящик", я увидел недавно запущенную в оборот социальную рекламу....

*Итак*, первые кадры - идиллия. Ясное солнце, птички поют, светло, играет казахская музыка. В светлой комнате (по-видимому кухня), казахская семья (папа, мама, дочка 16 лет, сын - 10 лет, малыш примерно 3-х лет в детском стульчике) собираются обедать. Садятся - улыбчивая казашка-мама, подает отцу семейства нечто исходящее паром, и по-видимому шибко вкусное. Тут стук в дверь - музыка прерывается. Все еще продолжая глупо улыбаться, отец семейства открывает дверь (это в Казахстане-то, в глазок не посмотрев, или даже: "Кто там?" - не спросив!) и получает прикладом в морду - сцена падения, из носа хлыщет кровь, глаза закатываются.

Музыка меняется на тревожную, с элементами тяжелых ритмов - во весь рост показывается вбежавший - здоровенный светловолосый и голубоглазый бородатый амбал (по-видимому, его мамаша согрешила с медведем. Медведь вырывался и кричал), который кровожадно улыбается. На нём надет зеленый "лесной" камуфляж, с черно-золото-белым имперским флагом на груди. Амбал подбегает к столу - крупным планом показывается упавшая на пол тарелка и плачущий ребенок.

---

<sup>3</sup> Я смотрю на них, и я удивлен. Эти дети росли в отвратительном климате, ели отвратительную пищу, они не имели ничего, что есть у наших детей! Однако смотрите - каждый второй из них выше большинства наших солдат! Они поднимают такой груз, который не под силу некоторым из наших солдат! Они уже выглядят как мужчины, а не как дети!

<sup>4</sup> Вы ответили на свой вопрос сами. Негодный климат, негодная пища, негодные условия - все это помогает быть сильным. И для чего быть сильными нашим детям?

Кадр меняется - показывается отряд Гражданской Обороны, все поголовно негры и кавказцы. Музыка меняется на марш, внушающий уверенность. Один из отряда (негр), браво выбивает дверь ногой и кувыркком вкатывается в здание. Затемнение....

Кадр снова меняется - показывается, как из дома выводят связанного амбала, который орет что-то, брызгая слюной. Внезапно откуда-то сбоку побегают мать-казашка и со всей силы дает амбалу пощечину. Тот слегка сникает. Затемнение.

Вид сидящего перед решетчатым окном пресловутого бандита, который бьет кулаком в подоконник и опять что-то орет. Камера концентрируется на виде из окна - становится виден парад Гражданской Обороны, из которого ярко выделяется чеканящий шаг отец семейства. Теперь он офицер-знаменосец. Над ним гордо реет американский флаг.

Завершается все басистым голосом, в лучших американских традициях говорящим: *"Он стал сильным. Ты можешь стать таким же. Вступай в Гражданскую Обороны!"*

Может, я какой-то недоразвитый, или с умом у меня что-то не то - но на меня эта реклама не произвела никакого впечатления. Разве что нога зачесалась - но это уже от марганцовки.

Нога прошла быстро - а до конца работ оставалась одна неделя. Рискуя, я стал носить с собой небольшой, но очень острый нож.

В этот раз, 23-го июня, мне пришлось идти в центр города мимо мечети - есть у нас в Сарани одна. Большая такая, купола блестят золотом, все по Корану - полумесяц смотрит на восток, дверь на север.

Шел я не один - нас было несколько. Я, Сашка Парухин, Мишка Козлов и Ринат Гутнасуллин. Со всеми я был знаком не только по работе у амеров, но и по секции греко-римской борьбы. Ринат к примеру чемпион Сарани. Сашка Парухин - тот третье место занял. Мишка - пятое. Я в соревнованиях не участвовал вообще, ушел из секции рано.

Проходя мимо мечети, Ринат слегка склонил голову и пробормотал несколько слов.

- Реник, ты чего? - гыгыкнул Мишка

- Да ничего. Я всегда так делаю.

Саня слегка затормозил шаг:

- А нахера?

Я предпочел словам, вопросительное "М-м-м?"

Ринат усмехнулся, и достал из-за пазухи кулончик - с полумесяцем и звездой.

- Да праздник сегодня. В мечети сейчас молитву читают - скоро выйдут на улицу.

- Бля... интересно было бы посмотреть.... - Мишка всегда был самодуром-экстремалом.

Саня - тот флегматик. Молчун, слова цедит в час по чайной ложке. И осторожный. Вот и сейчас:

- Миха ты чего, с дуба рухнул? Это же мечеть - а ты православный. - из под майки-сеточки у Мишки ясно виднелся золотой крестик.

У меня тоже был такой - только серебряный. Но я его не носил. Не люблю я христианство... насмотрелся, когда в детстве был в православном лагере. Хоть мне и было всего 4 года, однако особенно ясно мне запомнился суп с мухами и повариха с крестом, пьющая водку совместно с каким-то проповедником.

Сашка продолжал говорить:

- Ты же православный. Тебя прям в этой мечети отмудохают - если не убьют. Туда можно только Ренику.

Тут в разговор влез я:

- Не, войти-то туда можно, однако надо на входе крикнуть "Нет бога кроме Аллаха, и Мохаммед пророк его!". На арабском языке.

- Ух ты! Ринат, ты знаешь перевод? - у Мишки загорелись глаза

- Знаю, - Реник загадочно ухмыльнулся - Но говорить не советую. Это будет означать, что ты отрекаешься от христианства и вступаешь в ислам.

- Фу ты бля! Тогда ну эту мечеть нах!

И правда. Мы уже собирались уходить, когда из мечети потянулся народ. Много. Человек так 20-25. Последним вышел мулла - он вел за собой толстого барана, на веревочке. За поясом у муллы был небольшой такой нож.

Пара парней оперативно связали барану ноги - после чего уложили его на спину. Тот противно заблеял.

- Слышь, Реник а что счас делать будут? - спросил Миха

- Мулла прочтет молитву, потом барана зарежут. Пацаны, нам на работу спешить пора!

- Да что ты так! Погоди, посмотрим немного и пойдем.

- Я не против... - Ринат слегка замялся - А вы?

Саня вопросительно взглянул на меня. Дескать: "Куда большинство, туда и я". Я пожал плечами:

- Да что такого - давай поглядим немного.

Тем временем мулла взял с услужливо протянутых рук Коран, возложил его перед бараном и, простерев над животным (которое все еще блеяло) руки, начал орать молитву. Вот именно что ОРАТЬ. Хрипло, визгливо, бросая капельки слюны... честно говоря, у меня резало уши.

Закончилось наконец - достав из-за пояса нож, мулла слегка примерился и раскати-сто полоснул по горлу барана. Блеянье сменилось бульканьем - ноги животного мелко за-тряслись. Проведя пальцем по прыскающему кровью горлу, мулла со вкусом облизнул кровь.

- Буэ-э... - я обернулся и увидел Сашку, который блевал в кусты

Мишка был бледен как мел, Ринату было все равно - он такое видел не раз. Мне же... учуяв запах крови, мои ноздри расширились, а рот наполнился тягучей слюной. Я сплю-нул.

- Ну что пошли?

Ринат угукнул. Саня мелко закивал. Миха ничего не ответил, однако был согласен.

Широко шагая, мы пошли мимо толпы - Реник затеял разговор. Чтобы напряжение развеять.

- Санек, ты чего сблеванул-то? Я к примерупил кровь. Кабанью. Когда болел - а в больницу родичи везти не хотели. И ничего живой!

- Пошел ты на х...й, - хмуро бросил тот

С этого и началось - Сашка сказал это не слишком-то и громко, однако заветное слово "х...й" донеслось до ушей стоящих ближе всех к нам парней. И началось.

Что-то гортанно закричав, один из них бросился к нам и размашисто саданул Санька в скулу....

О том, как дерется Саня, надо рассказать подробнее - он, несмотря на то, что русский, родился в ауле.

И машется исключительно по-деревенски - то бишь смачно, со вкусом, очень сильно, но слишком медленно.

Однако сейчас он успел - его кулак кувалдой ударил напавшего по уху. Тот хрюкнул и птичкой полетел на асфальт.

И понеслась.

К нам ринулась вся толпа! Сначала мы пытались бежать - однако не удалось.

Нет, не будет рассказа о том, как мы поднатужились в стиле "Эх-х раз-зудись плечо, да размахнись рука!" и таки сделали всю толпу. Нас быстро свалили и начали топтать ногами. И перед тем, как потерять сознание, я кошкой вцепился в здоровенную воняющую салом тушу и ткнул ее ножом. Прямо в пупок. Нож был маленький - и ушел в брюхо весь целиком. А дальше я ничего не помню...

...Слава богам - никто из нас не погиб. По счастливой случайности нас заметил американский патруль, состоящий из американцев. Надо отдать должное - беспорядков в отведенной им зоне те не любят, а потому толпу быстро отогнали, и на земле осталось ле-

жать пятеро человек. Мы - и тот толстый мужик. Оказывается, мой нож распорол ему толстую кишку - и ему в брюхо вывалилось все дерьмо. Обширный перитонит - и смерть.

После этого долго искали того, кто сделал это - однако людей было так много, что амеры не смогли найти убийцу. Решили, что кто-то из своих ошибся....

Как итог - нас четверых приговорили к работам для лиц 35-40 лет. За нарушение "Права о религиозных традициях и обычаях", мы якобы специально нарушили обряд мусульман. Легко отделались лишь я, Санек и Ринат. Михе во время установки здоровенной вышки упала на левую руку железная балка. Итог - три размозженных пальца на левой руке пришлось ампутировать.

Сашка получил сотрясение мозга в этой драке. Ренику выбили 5 зубов. Мишке отбили почки. Мне сломали руку и нос.

Мусульманам ничего не было. Ибо все были приезжими. Суки.

### Дер. Чистое. Российская Федерация.

*И отвечу я очень мало  
На предъявленный вами счёт:  
Там, где ваша не пропадала -  
Там и наша не пропадёт!*

*О.Ярыгин.*

*Вообще-то с военной точки зрения ситуация с "бархатной оккупацией" России была на редкость обидной и даже противоестественной. Ввод войск ООН был проведён до такой степени бездарно, что блокировать их и уничтожить до последнего человека могли бы на всей территории страны 10-12 полнокровных дивизий при минимальной поддержке с воздуха и воды. Не умевшие толком воевать, несызгранные, зачастую просто не терпящие друг друга национальные части ООН плюс отлично подготовленные, но почти лишённые тяжёлой техники наёмники из ЧВК - вторглись они в страну, где существует вменяемое руководство - разделили бы судьбу всех прочих нашествий на русские земли.*

*Но впервые русский народ открыто предала своя же власть. Огромный резерв живой силы - до 5 миллионов мужиков, обладавших армейским опытом или даже военными навыками, которых можно было поставить под ружьё и свести в дивизии, далеко превосходящие по боеспособности оккупантов, за какие-то 2-3 недели, всё ещё немеряные запасы техники, снаряжения, боеприпасов - всё это было просто сдано таким силам, численность которых уступала любой из немецких армий лета 1941 года. Это было противоестественно, парализующе-обидно...*

*Но оккупанты не учли ещё одной вещи - кроме презрения народа к власти. Довольно простой вещи.*

*На дворе стояло начало XXI века. А Россия по техническому развитию была далеко впереди не только арабских или африканских, но и некоторых европейских стран; русский же человек - по-прежнему сообразителен и изворотлив. Любые беды эту изворотливость обостряли, а попытки "указывать, как жить" - человека озлобляли. Нет, не "за Россию" (увы), а - пока - лично за себя.*

*В каждом втором доме в городе и в очень многих в селе имелся компьютер. И достаточно было пустить программку, чтобы появилась, например, возможность практически неотслеживаемой связи с любым концом Земли. А другая программка - позволяла самому клепать фильмы. В обычной городской квартире за пару шоколадок легко можно было снять "интервью с ребёнком, пострадавшим в "приёмной американской семье"", а потом - выложить его на десяток сайтов. За пару бутылок водки ужасы по сценарию рассказывал уже взрослый человек. За баллон сжиженного газа*

*целая семья могла дружно расписать ООНовцев, как людоедов, наркоторговцев и ма-  
ньяков. Люди по всему "шарику" привычно верили больше "независимой", а не офици-  
альной информации... А при наличии связи уже реальные сюжеты можно было полу-  
чить из США, Европы или даже мусульманских стран - там везде хватало и продаж-  
ных, и сумасшедших, и искренне с чем-то борющихся, и даже на самом деле готовых  
помочь русским людей...*

*За три месяца оккупации возникло больше тысячи сайтов, специализировавшихся  
на поливании помоями ООНовской миссии в России - в тоне от базарного до холод-  
но-научного. Их закрывали, их отслеживали, их штрафовали - но они ползли по Ин-  
тернету со скоростью растущего бамбука. Более того - планомерные и массивные  
хакерские атаки почти ежедневно подвешивали или даже разрушали официальные  
сайты ООН, НАТО и крупных ТНК.*

*СДЕЛАТЬ С ЭТИМ БЫЛО НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ. Просто потому, что за этим не  
стояло никакой организованной силы.*

*Например, когда удалось с трудом вычислить в реале и раздавить сайт "Русской  
анархистской федерации" - ко всеобщему ужасу выяснилось, что организация, нанёс-  
шая ООН ущерб на общую сумму более 300 миллионов долларов и пять раз парализо-  
вывавшая сообщениями о готовящихся массовых терактах жизнь таких городов, как  
Нью-Йорк и Гаага - так вот, эта организация состояла из одного 19-летнего шведа-  
программиста. Слепой как крот и не вполне нормальный, он был арестован на своей  
квартире в студенческом кампусе Стокгольма. Никаких объяснений своим действиям  
он давать не стал - кроме того, что ему "было интересно".*

*Интересно.*

*И всё.*

\* \* \*

Верещаев лежал на кровати и читал толстенную книгу, найденную в заброшенном  
сараяе за домом, где отряд стоял "штабом". Книга была без названия, автора и начала, речь  
в ней шла про борьбу НКВД с агентами Японии. Читать оказалось неожиданно интересно.

Вообще с точки зрения Верещаева их нынешняя деятельность напоминала какой-то  
семейный колхоз. Ярцевский целыми днями пропадал в Воронеже и - после того первого  
визита - с собой больше никого не брал. Пешкалёв вообще как ни в чём не бывало уехал в  
Москву три дня назад. Вражеские бомбардировщики не летели над головами, рейнджеры  
не ползали по кустам и в целом ничего не происходило. За исключением разве что того,  
что на дальнем конце деревни поселились три семьи с детьми, перебравшиеся из Вороне-  
жа.

Вздыхнув, бывший писатель, а ныне партизан (ага, непонятно кто, ехидно подумал  
он), поставил книгу на стол рядом. Пошелестел страницами. Прислушался к разговору в  
соседней комнате.

- РПК-63 с оптикой - это фигня! - митинговал Арт за дверями и чем-то сурово лязгал.  
- У патрона 7,62x39 на полтыши метров - баллистика минометная, и нафига тут оптика?  
А на триста метров я и глазками обойдусь! В общем, хочу ПК с ПОСП или на крайняк  
РДП... у него хоть лента, а не банка консервная...

- Арт, друже, где я тебе РПД возьму? - подозрительно-ласково ответил Федосов. И  
тоже чем-то лязгнул.

Верещаев снова протянул руку и включил радио в простенькой "вертушке". (Свет в  
Чистом "пустили" три дня назад - когда Федосов, Ментило и Климин-старший закончили  
монтировать на холмах у пруда десять ветряков-генераторов (мотки провода откопали в  
развалинах старой подстанции).) Покрутил пальцем колёсико настройки. Из эфира выле-  
тали какие-то куски передач - про блокаду Белоруссии (Верещаев усмехнулся; эта малень-  
кая и в общем-то бедная страна была полностью автономной, её "зависимость" от россий-

ских нефти и газа была легендой - "батька" давно наладил производство синтетического горючего из сланцев и органического метана... как там мама, подумал он ещё?), про то, как героически силы ООН "осваивают во благо всего человечества" опустевший Китай (китайцев, если честно, Верещаеву не было жалко). Потом набрёл на московскую волну и сел.

Глава правительства Российской Конфедерации Независимых Народов Подлинский в прямом эфире отвечал на вопросы СМИ. Вместе с главой миссии комитета ООН по природопользованию в России и главой миссии UNFRF. Речь шла о вещах простых и понятных - заботе о народе, интеграции в мировое экономическое и культурное пространство... интересным было не это. Разгребать словесный мусор Верещаев научился ещё при прежней власти, и неплохо.

Так вот. За этим словесным мусором было отчётливое раздражение. Верещаев хмыкнул. Интересееееенно, что же так разозлило надежду россиянской демократии? "Миссионеры" вообще только поддакивали (писатель представил себе их лица с широкими улыбками и улыбнулся тоже).

Под окнами с воплями, визгом и хохотом проскочили мальчишки. Детей в деревне стало почему-то очень много, и откуда они взялись - было не вполне ясно, но со многими не было взрослых. Лена Земскова и Валя Климина - как будто мало им было своих буйных отпрысков - взяли на себя заботу о них, руками своих же подопечных соорудив около леса на старой конюшне что-то вроде общежития. Верещаев и сам поучаствовал, а потом присоединились несколько местных женщин. Кто написал вывеску: "Пионерлагерь "Кровавый Подгузник" - Верещаев не знал, но подозревал, что Федосов, хотя тот в ответ на обвинения женщин делал каменное лицо и разводил руками. Вывеску женщины трижды снимали, она трижды возвращалась обратно - и теперь бывшую конюшню иначе как "кровавым подгузником" никто не называл.

В соседней комнате грохнуло, звякнуло и покатилося; дверь распахнулась - и вошёл Ярцевский. Дмитрий был в костюме, весёлый и разухабистый. Ольгерд приподнял бровь, смерил взглядом бывшего адвоката.

- Бездельничаешь?! - весело спросил юрист, падая в кресло.

- Ты мне не оставил вариантов, - буркнул писатель. - Даже в город не выпускаешь. Зачем я тебе нужен, Димон? И что мы вообще делаем? Начали так резко, а потом свернулись...

- Что, пострелять хочется? - ехидно осведомился Ярцевский. - Детство играет? - Верещаев неопределённо повёл плечами. Ярцевский вздохнул: - А знаешь, в Воронеже модельное агентство ночью сожгли... "ПАРАДИЗ ЭКСТРА". И за ночь в трёх местах подорвали газопровод. В одном из мест подрыва устроили засаду застрелили контрактника из ЧВК - из темноты начали палить из пистолетов, наугад, попали в лицо...

- Интересно, - Верещаев сел. - А ты-то что в Воронеже делал, а?

- Я? - поднял Ярцевский плечи, досадливо раздёрнул узел галстука. - Дарственную оформлял одному... хорошему человеку. Дарственную на автобус...

- Мда, - выдохнул Верещаев и потянулся было опять за книжкой, но замер - Дмитрий глядел на него странно, словно сомневался: говорить или нет. - Что такое? - немного настороженно спросил писатель и даже оглядел себя сверху донизу.

- Послушай, Ольгерд, - неожиданно каким-то странным голосом спросил Ярцевский, - а ты думал, что делать после победы?

Верещаев флегматично пожал плечами:

- Я в ней абсолютно не уверен, даже на горизонте не вижу, - спокойно заметил он. - Но очень рад, что ты в ней не сомневаешься.

- Не сомневаюсь, - совершенно уверенно подтвердил Ярцевский. - В начале ещё были сомнения, теперь нет. Меня волнует другое... - он устроился удобнее. Верещаев слушал, заложив большие пальцы рук за ремень. Лицо его было несколько тревожным.

- Всякий раз, когда ты так говоришь, - медленно и тихо начал он, - ты ставишь перед собеседником неожиданные и не очень приятные вопросы... В чём дело на этот раз, если уж ты не сомневаешься в победе?

- Меня беспокоят очертания будущего мира, - витиевато, но серьёзно заметил Ярцевский. - Тебе, например, ясно, что к прошлому возврата нет? - Верещаев слушал с непонятым лицом. - Нет возврата не только в... гм... демократию... - Ярцевский сделал гримасу, как будто понюхал дерьмо. - Нет возврата и в любимый тобой Советский Союз.

- Вот как... - Верещаев взглянул остро, жёстко. - Любимый мной... А тобой?

- Не слишком, - так же жёстко ответил Ярцевский.

- Там не любили юристов?

- Там не умели ценить людей.

Верещаев дёрнул углом рта:

- Так о чём ты?

- О контурах будущего.

Верещаев резко рассмеялся.

- Тебе это не кажется странным? В оккупированной стране с безразличным ко всему населением двое ничего толком ещё не сделавших партизан-любителей сидят в полузаброшенной деревне и беседуют о контурах будущего?

- Нет, не кажется, - ровно и по-прежнему жёстко ответил Ярцевский. - Как ты посмотришь на пост министра пропаганды, культуры и идеологии в Новой России?

Верещаев отчётливо потянул воздух сквозь зубы. Потом негромко спросил:

- После победы?

- Скорей всего - ещё в процессе.

- Ты сошёл с ума, Дима?

- Я? - мужчины бросались репликами, как твёрдым тугим мячом. - Нет. Я совершенно серьёзен.

- В чём же правительстве? - спросил Верещаев.

- В правительстве Великого Князя. В моём, Ольгерд.

Ссссссс - Верещаев потянул сквозь зубы воздух и сел удобнее. Отметил, помолчав полминуты:

- Ты говоришь серьёзно.

- Да.

- Но это значит, что ты и правда сошёл с ума, Димка.

- А ты?

Ольгерд молча закусил уголок губы.

- **Поверь тому, что сам писал**, - тихо и горячо сказал Ярцевский. - Поверь, что Империя может родиться в нетопленной хижине посреди разорённой страны - возникнуть в воздухе между двумя сумасшедшими, как мираж, как призрак - и обрести плоть! Поверь себе!!! Не мне, чёрт побери!!! **СЕБЕ!!!**

Поражённый этой горячностью всегда спокойного и ироничного друга, Верещаев молча глядел на Ярцевского. А тот вздохнул, стащил галстук, повесил его на кончик начищенного ботиночного носка и, покачивая ногой (из-за двери к галстуку начал красться напряженный серый котёнок), как ни в чём не бывало продолжал:

- А на данный момент мне нужен начальник разведки и отдела пропаганды.

Верещаев не успел отреагировать. Снаружи начался шум, что-то крикнул Арт, пробежали несколько человек, и мужчины выскочили на крыльцо...

...Парней - лет по 17-20 - было десятка полтора, тяжело нагруженных, похожих на туристов. Они явно отшагали немало километров по лесам, но были вполне бодры. С ними было и три девчонки. Федосов с каждым обнялся, издавая весёлые нечленораздельные возгласы. Арт (с крысой на плече) светил рядом улыбкой, как маяк в тумане - ясно было, что он их всех хорошо знает.



Ярцевский и Верещаев, стоя на крыльце, наблюдали эту картину. И Дмитрий вздрогнул, когда Ольгерд коснулся его плеча:

- Ну что ж, эта должность по мне, - сказал писатель. - Я о должности начальника разведки и пропаганды. А дальше - посмотрим.

### **Ярослав Найменов Республика Тюркских Народов**

Многие наверняка видели фильм "Звездный *Десант*", снятый по книге Хайнлайна. И наверняка многие помнят тамошние выпуски новостей - прямо прыскающие рвением и преданностью своей стране, прямо лопающиеся от оптимизма. Даже новости печальные там сообщались так, будто они мимолетны. Все вспомнили?

Вот такими же стали и новости американского правительства. Поправочка - почти такими же. Пропагандистская направленность в них была сплошь хреновая. Все - "взвейтесь" да "развейтесь". Меня к примеру очень бесил развевающийся флаг на заднем фоне текстовых сообщений.

А они были сплошь оптимистическими: "Уже 20.000 российских детей из неблагополучных семей обрели новую родину в США", "Американец из Калифорнии проявил широту души, удочерив трёх российских девочек 9, 10 и 11 лет из детдома". Была правда одна ме-е-е-елкая новостиска - где-то в городке Грязи, русские террористы-националисты, заставили жителей одного дома (конечно рвавшихся в США) уйти в леса. "Был легко ранен один турецкий солдат, который закрыл собой старика."

Прочитав эту новость я, честно говоря, усмехнулся. Не поверил.

Так же было очень много съёмок о жизни добровольцев вступивших в Гражданскую Оборону. И как они едят, и как они тренируются, и как бьют морды "врагам демократии" и как дрыхнут после тяжелого дня. Как-то бывший у меня в гостях Влад сердито буркнул: "Покажите еще, как они срут, тоже, наверное, героически и доблестно".

Интервью у них тоже брали - правда, тут уже было ясно, что явно не у настоящих служаков. Ибо старшина-казах выдал: "У меня на глаза наворачиваются слезы гордости, когда я вижу, как гордо развивается над моей головой американский флаг!". Может, на американцев это и действует. Но у нас... у нас это вызывает только смех.

Недавно в город вошла колонна автобусов, размалеванных улыбающимися лицами и надписями "Обрети Дом". В них было много русских... именно РУССКИХ детей. Ни одного чечена или азербайджанца я там не увидел. Хотя долго крутился возле остановившейся колонны, допуск в американскую зону у меня был. Я устроился к ним разнорабочим.

Автобусов было пять, все дети были рассажены по возрасту. В открытой двери я заметил вмонтированный туда холодильник с пивом и одноразовыми шприцами. Я, конечно, догадывался что их везут не в Америку, но теперь...

- Эй ты, покажи этим, с первого автобуса, где пятый барак, - ткнул меня в бок мужчина 35-лет с иссиня-черными волосами. Знакомое лицо - это офицер Тэнпенн. Справедливый мужик. Единственное "но" - искренне считает, что все неамериканцы - это недолюди. Один из немногих на базе, кто говорит по-русски.

- Ясно сэр, - я снял с рук запыленные цементом перчатки и подошел к комфортному умывальнику. Была очередь из двух негров....

Следует сделать небольшое отступление. Негры, они вообще вели себя очень нагло по отношению к неамериканцам. Белых презрительно именовали "вайти", казахов "чайни", остальных просто "эй ты". С виду страшные, раскочаные по самое "не могу", на самом деле они были трусоваты. Я, к примеру, своими глазами видел, как двое негров пристали к своему белому соратнику, выглядевшему на их фоне заморышем. Не знаю, что они хотели, но белый дал в морду одному, и толкнул в грудь другого, после чего негры скукожились и ринулись к сержанту - жаловаться. А белый, посвистывая, огляделся, увидел меня, подмигнул и вразвалочку пошел в барак.

- Hey dude have a look - a whity\*! - тот, что был впереди, обернулся, и увидел меня.
- He probably wishes to wash\*\*? - откликнулся первый.
- It and so too pure\*\*\*!

Мне повезло, они были слишком заняты, и поэтому всего лишь брызнули в меня холодной водой. А могли и избить - они это любят.

Наскоро умывшись, я вернулся к автобусу, возле которого стояла на редкость разношерстная компания....

Тринадцать парней моего возраста - большинство высокие и худощавые. От кого-то несло перегаром от пива. У кого-то все еще глупо блуждали глаза от того, что было в одноразовых шприцах. Девчонок, а точнее девушек было мало - всего семь. Однако перегаром несло лишь от троих.

- Это вам в пятый барак надо? - удостоверился я.

Пара из них неуверенно кивнула.

- Тогда пошли за мной.

Как я и ожидал, самые обдолбанные остались тупо покачиваться, аки хлипкие деревца. Пришлось просить помощи у прибывших и тащить их буквально на руках.

- Вы что, в самом деле с той программы, типа новый дом обрести хотите? - спросил я у входа в барак.

- Ну... да... - неуверенно ответила одна из девушек.

Я многозначительно хмыкнул и буркнул:

- Ну-ну.... Больно нужны вы в США, пьяные да обдолбанные....

После чего пошел переодеваться - моя смена закончилась...

...Амеры, несмотря на свою оккупацию, все же сделали пару небольших улучшений.

К примеру - построили в Сарани кинотеатр, которого там никогда не было.

Проходя мимо красочной афиши, я прошелся по ней глазами.

### **"РОССИЯ-США. БОЕВИК (20\*\*) "ОСОБИСТ - КОГДА ТОВАРИЩ ХУЖЕ ВРАГА"".**

Фильм был о Второй Мировой Войне....

Честно говоря, первые полчаса я добросовестно ржал, глядя на все ляпы и ухищрения "Кровавого эСэСэСэР" . Однако когда из своего кабинета вышел голый по пояс Сталин, а за ним тоже голая, но уже полностью бабища.... Стало горько.

Выйдя, я снова увидел афишу, другую:

### **"Документальный фильм: "Валерия Новодворская: "Я шла против стихии"".**

И еще одну:

### **"ОСОБИСТ 2 - МОЗГИ НА ЛАГЕРНЫХ ВОРОТАХ"**

Не знаю что на меня нашло... и зачем...

Однако афиши я сорвал.

...А по дороге домой я наткнулся на труп Сережи. Того самого, который меня обокрасть хотел. В последнее время, он часто стал с неграми американскими яшкаться. То вечером рэпуют в бараке, то рэп-баттл устраивали. Грозный он стал - даже пытался мне угрожать, с пистолетом приперся. Я правда в это время был с тяпкой - грядки выравнивал...проще говоря пистолет полетел в одну сторону а его обладатель в другую.

А сейчас вот. Мертвый.

- Эх, Сергей, Сергей... - я со вздохом присел на корточки, и процитировал Тараса Бульбу - "Ну что сынку, помогли тебе твои ляхи?".

После чего прошелся по его карманам и нашел там всего один патрон. И то с лопнувшей гильзой.

И зачем он с неграми возился? Модно. С ними много девчонок сейчас гуляет - читались интернетовских статей, считают, что негр любвеобильный как жеребец. Дуры, ой дуры.... Зачем? Или нет нормальных парней?

Я поймал себя на неприязни к неграм. Странно... попытался было опровергнуть сам себя, однако неприязнь имела очень четкую основу под собой:

1. Работать с неграми невозможно - очень ленивые. Да и пот у них вонючий....
2. Общаться с ними невозможно - наглые донельзя. А дать отпор нельзя... даже не потому что ответят, это-то как раз нет. Жаловаться побегут.
3. Английский у них урезанный какой-то. Их даже собственные однополчане с трудом понимают.
4. Девчонок наших уводят. Ну с этим понятно, это я чисто как абориген рассуждаю. Самому, понимаешь ли, мало, а тут еще и макака чернозадая их уводит!

Я усмехнулся и поднес к глазам запястье часов. 15.54, значит, бар уже открыт.

Нет, в новооткрытом баре пить я не собирался. Я, честно говоря, вообще употреблять что-либо из алкоголя перестал. Уж насмотрелся - как идешь переулками, так сидя штабелями на лавочках. Нарики, алкаши... Скатились они даже не потому, что характером слабые. Это их оккупация сломала - порушила весь привычный ритм жизни. Вот представьте себе хомячка, который всю свою хомячиную жизнь сидит в закрытой коробке. Если коробку открыть тихонько и легонько - то зверюга обустроится на воле легко. Если же ее изрезать ножом да еще и орать при этом что попало - хомяк сдохнет.

Гораздо легче в этом роде детям. Да-да я серьезен - именно детям. Они еще не поместили себя в "коробку" житейских проблем. Деньги, работа, секс.... Им еще не до этого.

Я свернул, и обогнул смачную лужу крови - вот и бар.

Просто бар без названия - недавно открылся. Спонсирован амерами - ибо в основном сделан для ходящих в увольнения солдат. Психологический прием - пить в американской зоне одно. А вот бухать в теплой компании аборигенов - совсем другое дело! Придурки...

Скрипнула пружина железной двери, я переступил через высокий порожек и вошел внутрь. Где-то в углу какой-то рьяный служака уже снимал с очередной пассии лифчик (однако скоро был выпровожен вместе с ней). Прямо передо мной валялось некое существо, опухшее и пьяное. Вдруг оно подняло голову.

- Мальчи-и-ик, подай на бутылочку-у-у....

- Пшел на х...й.

Знаем мы таких. Давят на жалость, дескать - был гением, но тут злосчастливая оккупация, и все. Сломалась жизнь.

Не знаю кто как... ну не верю я, что жизнь может сломаться, если ты этого не хочешь! Не верю! Ведь жизнь - она как стерва-девка. Если с ней сюсюкаешься - хрен тебе, а не компания на ночь! А вот если напорист, и вообще - то вполне есть шанс.... Поэтому сколько я себя помню - дорогу я всегда таким указывал одну и ту же.

Мой любимый столик - тот, что рядом с барной стойкой - был свободен. Я не преминул его занять.

- О ЯрОслав! - эту официантку я знал. Да еще б не знать - мы одного возраста. Правда, она то ли чешка, то ли венгерка.... С дядей приехала.

Она выглядела довольно-таки миловидно - узкое лицо, обрамленное длинными, светлыми с переливом волосами. Фигурка у нее тоже была довольно-таки ничего - это как раз подчеркивала ее униформа. Короткая юбка и топик. Радовало глаз. - Ты как обычно?

- Ага, - я кивнул и ухмыльнулся. Все-таки прикольный у нее акцент!

Как обычно - это значит большая пицца с мясом и плавленым сыром, не менее большая кружка крепкого чая, и красный жгучий перец.

Вообще, когда я пришел в "Мечту Пиндоса" (так прозвали этот бар алконавты) первый раз, Мару, очень удивило то, что я выбрал чай, а не Кока-Колу. Я ей все объяснил... но по-моему она не слишком-то верит, что я ей ржавчину с ножей сводил и смолу с асфальта оттирал.

Широкоэкранный телевизор (защищенный специальным пластиковым окошечком) работал на полную громкость. Сначала были новости из России. Марш "ОвипЛокос - Шаггай Во Имя Добра!". Странно... когда показывали трансляцию этого марша в Воронеже, мне ясно послышалось, что какой-то мужик орал: "Бухай во имя добра!".

Потом показали жизнь "мирных граждан". Несколько заводов, поля... опять же интервью с рабочими.... Интересно, амеры действительно не могут понять, что менталитет в России другой - и то, что они показывают в США, не действует в России!

И как апофеоз - концерт в Москве, на Красной Площади. Большая сцена. На заднем фоне гигантский американский флаг. На Кремле, рядом с русским флагом, я заметил пиндосский....

А концерт был долгий. Аж три часа. Первым выступила широкоизвестная группа "Ранетки", с писклявым хитом "Нью Лайф". Потом, как водится, Главная Макака Всея Россиянии - Тимати. С каким-то толстым негром. Опосля этого - Надежда Бабкина, со своим ансамблем. Очень смешно, знаете ли, смотрелись славянские костюмы на фоне "Звезд и Полос".

Потом какой-то хоровод Ротару, Винтаж, Ньюша, НарКоТа, Каста, ТиРекс и прочих юных и не очень дарований. Ведущие концерта рассыпались в дебильных улыбках и хихикали, посвящая одну песню "Нашему любимому президенту, благодаря которому Россия стала демократической!" и "Миротворцам за то, что они нас охраняют!".

Я молча допил чай и поднялся из-за стола, оставив на нем желтую бумажку бонов. Надо было идти домой.

### Украина города Рассказово. Российская Федерация.

*Хай, шта се оно чуйе из дальине:  
Дал су вйетри, дал су вихорови,  
Ил шуморе горе йаворове,  
Ил са земльом трава разговара,  
Ил певайу на небеси звезде?*

*Сербская народная песня*

На улице было темно. Так темно, что хоть глаз выколи. Под ногами временами что-то чавкало - хотя последний дождь был довольно давно. Неделю назад, кажется... Сейчас начало июля, а вот хоть и лето, быстро лужи не сохнут почему-то...

Сашка не взялся бы сказать, зачем он так упорно шагает вперед. Может быть, потому что впереди - очень далеко - горел фонарь, и до него просто хотелось дойти? Был второй час ночи, самое неприятное время, когда шансов наткнуться на местных блюстителей региональной чистоты больше всего - у них как раз кончается пиво и они выползают на улицы с нетолерантным вопросом: "Закурить есть?"

Может быть, Сашке даже хотелось на них наткнуться. Ну изобьют. Ну и что. Зато...

Что "зато" - он не знал и так же не взялся бы объяснить, как и то, почему ещё не повернул обратно и идёт к этому фонарю.

А куда мне ещё идти, неожиданно очень отчётливо подумал Сашка и поглубже сунул руки в карманы куртки. Домой? Может, правда домой? И пусть всё...

Но он вспомнил Мишку - и вздрогнул от ужаса и жалости.

В этой части города он не был ещё никогда. Город-то большой. Большой, поделенный на районы местными гопниками и какой-то безалаберный. Полосами. Идешь - громады из стекла и бетона, яркая реклама, дорого одетые люди на улицах. Поворот - и уныло-стандартный спальный район с крысиными хвостами "пирамидальных тополей" и банками из-под пива у изрезанных скамеек. Спуск - улица вдоль речки, застроенная

вкривь и вкось ветшающими частными домиками. Подъём - кладбище. Петля - надутые друг перед другом особняки за толстыми заборами. Ещё поворот - расселённый район, черные прямоугольники брошенных окон. А дальше - красивый старый парк. А за ним - опять рекламы, офисы, ресторанчики...

Похоже, этот район был как расселён под снос. Во всяком случае, ни слева ни справа не было в окнах ни огонька. Можно даже испугаться. Сашка прислушался к себе. Нет, страха не было. Было равнодушие. Если бы сейчас из этих тёмных силуэтов по сторонам грязной дороги начали материализовываться какие-нибудь вампиры - Сашка не удостоил бы их даже взглядом.

Он поднял голову. И увидел, что небо очень-очень звёздное. Это было красиво. Звёзд было много, невероятно много, и чем дальше Сашка смотрел вверх, тем больше их загоралось. Как будто специально для него... Неожиданно вспомнилось: они с кем-то идут по улице, его ведут за руку, он совсем маленький. "Па, зизда!" "Это Вега."

Где теперь мама и отец? И где она - Вега? Сашка пожалел, что не знает звёзд. Только Большую Медведицу. Да и видит их нечасто. В городе всегда свет. Там нет звёзд. Это здесь почему-то темно...

Он так и шёл с поднятой головой, не думая, что может споткнуться и гадая, как называются эти звёзды, пока не дошёл до конца улицы.

Фонарь горел на столбе. Там, где улица утыкалась в пригородный парк и переходила в тропинку. На крайнем доме уцелела табличка, она отбрасывала фосфорный отблеск, а чёрные буквы казались глубокими прорезями...

### ул. Коммунаров

Кто такие коммунары, подумал Сашка. И ещё: хорошо бы в мире не осталось людей. Как в рассказе какого-то американского писателя. Сашка читал его ещё в интернате и не помнил ни названия, ни автора. Там мужчина, женщина и мальчик ехали по внезапно опустевшему миру на дрезине. И людей не было. Пусть бы их совсем не было.

Люди - такие пидоры. Тогда он бы пошёл, пошёл... Просто пошёл... И заночевал где-нибудь, и поел бы, когда и что хотел, и ни о чём не думал, а каждую ночь были бы звёзды... А всё остальное - на х...й. Всё и всех. На х...й, на х...й, на х...й.

- На х...й, - вслух сказал Сашка. - Слышите?!

Молчание.

Он вздохнул с дрожью и передёрнул плечами.

И увидел впереди ещё один огонь. Он колебался за деревьями - плохо различимый, но всё-таки явственный. Там, в парке, горел костёр...

...Песню Сашка услышал издалека.

Костры на городских окраинах жгут разные люди. Безобидные бомжи и сатанисты. Беспризорники и непонятно чем промышляющие личности. Ролевики и шпана. Разные, в общем. Иным не попадайся. К иным даже близко не подходи. И поют тоже многие, кстати.

Но это была **особая** песня. Не блатной шансон, не военная лирика и даже не просто "ля-ля" под гитару. Пел мальчишка и пел здорово, и играл здорово - Сашка остановился, чтобы не мешать самому себе слушать звуком шагов. Ну и чтобы его не услышали. Мало ли всё-таки.

А мальчишка пел. Пел **страшно**. И - увлекающе. Как вихрь, наверное, крутится... Смотреть страшно и надо бежать, но...

- Мне обратно больше нет хода -

В небе ветер тучи рвёт в клочья,

А звезда, откуда я родом,

Лишь безоблачной видна ночью...

Ночью скалится луна в море,

Бьётся оборотень в твой терем -  
Это я стал по ночам с горя  
Оборачиваться вдруг зверем...

Сашка, не дыша, двинулся дальше. И через десяток секунд оказался отделён от певца и костра только густыми зарослями кустов.

Тут был спуск в какой-то карьер, и покосившаяся кирпичная будка. И остов старого КАМАЗа с надписью:

**СССР FOREVER !** - и кельтский крест.

А ещё был костёр - большой костёр. Возле которого сидели - на древесных чурбачках, на старой кроватной сетке, ещё на чём-то - с десяток мальчишек и девчонок лет от 8-10 до 15-16. И явные бомжата, и обычные. А сидели вместе, бок о бок. Жарили на прутьях хлеб, сосиски, стояла пара двухлитровых пузырей с пивом, лежали пустые и стояли полные и полупустые стаканчики.

И все слушали.

- Так случиться может с любым -

Если долго жить без любви!

Объявить виновным весь свет

И однажды решить, что любви больше нет!<sup>5</sup>

Певец выглядел совершенно обычно - худощавый, невысокий, с очень правильным лицом, изборождённым тенями огня и тьмы. И этот "самый обычный" пел так здорово, что Сашка, забыв об осторожности, захрустел кустами и появился около костра как бы сам собой. Естественно, что на него оглянулись все и сразу. И естественно, что Сашка приготовился к драке.

- *Coup de maître*<sup>6</sup>, - сказал певец. - Добро пожаловать, - и описал рукой круг возле костра.

- С-с-спасибо, - растерянно протянул Сашка и правда сел. С краю той самой кроватной сетки.

- Держи, - рыжий мелкий пацан сунул ему прут с сосиской и квадратом хлеба. - Не подпали.

- Знаю, - проворчал Сашка. Вот так же они иногда жарили хлеб и сосиски в интернате. Подумал и добавил - уже солидно: - Спасибо.

Но рыжий малёк уже не обращал на него внимания. Потому что гитарист запел снова.

- Спорили мы, сцены радетели,  
Для души ли песня, для тела ли?  
А за спорами не заметили,  
Что же с этой сценою сделали...  
Ведь, пока мы хлюпикам хлопали,  
Одиночки замертво падали!..  
...И по трупам лапами топали  
Вороны, привычные к падали.  
И приводит многих в экстаз  
Вид моих убогих коллег.  
Разрисован иконостас  
Лицами духовных калек!  
Смысл философии прост -  
Божий существует закон!

---

<sup>5</sup> Слова В.Третьякова

<sup>6</sup> Мастерски сделано (фр.)

Зря вы приготовили холст.  
С грешников не пишут икон.  
Песня была не очень понятная Сашке. Но злая и насмешливая. И это было хорошо.  
Под настроение.

- "Озвездеть" желающих множество...  
Главное - это денег количество!  
И за бабки ваше ничтожество  
Превратится в Ваше Величество!  
Ну а за отсутствием долларов  
Можно стать звездой через задницу...  
...Только сцена - это место для доноров,  
А не пидоров. Чувствуешь разницу?  
... - А спой Шевчука, - попросил смуглый черноволосый парень, когда длинноволосый допел про сцену.

- Да пожалуйста, Ринат, - улыбнулся тот. Сашка тихо отложил рядом с собой прут.  
Не хотелось жевать сейчас. - Вот...

... - Я помню, как в банный день  
Террористы объявили всемирный потоп!  
С меня содрали три шкуры,  
выдали жабры  
и намылили зелёнкой лоб!  
Но - слава богу - без жертв  
Всё обошлось.  
Как всегда - не хватило воды...  
...Но борьба с терроризмом сковала страну  
Для новой официальной беды!..  
...Когда он допел и эту, то несколько секунд молчал, а потом неожиданно обратился к Сашке:

- Ну а наш ночной гость что закажет?  
- Я? - удивился Сашка и даже огляделся. Певец кивнул:  
- Сегодня ночью у нас нет других гостей.  
Вокруг засмеялись - дружно, но не обидно. А парень продолжал:  
- Могу сбачать Филю Киркорова. Или про страдальцев зоны.  
- А ещё ДДТ можешь? - спросил Сашка. - Про звезду. Знаешь?  
И в долю секунды загадал: если он знает - то...  
А что - "то" - не подумал, потому что и сам не знал.  
Тот посмотрел внимательно. Кивнул:  
- Знаю.  
Мы вечно в пути.  
Мы - голодное "где-то".  
Мы отчаянная,  
безнадёжная жизнь!  
За краюху безумного  
Этого света  
До последнего, парень,  
держись!  
Сашка стал смотреть в огонь. Песня скрежетала рваной бронёй. А он ждал припева.  
И вот он - припев...

- Догорела и упала рядом юная звезда...  
Прожила на воле мало, вылетала из гнезда...  
Прекратившая светиться, кровь стекала по траве...  
Долго будет ночью сниться боль в ненужном рукаве...

Сашка стиснул зубы. При этих словах ему почему-то вспоминался кадр из фильма "Сволочи". Фильм много ругали, хотя Сашка и не очень понимал - почему, и не стремился разобраться, если честно. Но припев напоминал ему **лицо**. Да-да, как это ни странно, лицо - лицо главного героя по прозвищу Кот. Как он, оскалась, помогая зубами, перематывает мгновенно промокающий кровью бинт - на том месте, где только что была его рука. И в глазах - боль и отчаянье.

Но немецкую базу они всё-таки взорвали. Да. Взорвали. И почему-то неважно, что нет руки. Вот такая глупость.<sup>7</sup>

Сашка опустил голову ниже, чтобы не видели его глаз.

- Красная звезда на зелёной каске!

Чёрная дыра на волоске...

И ещё:

- Почерневшая

От предчувствий и страха

Бьётся жила на белом

От боли

виске!

Мы в последнюю ночную атаку

Поднимаем себя

С живота

налегке...

Хорошо поёт этот парень. Очень здорово поёт... Может, Мишка имел в виду его, когда говорил, что надо идти на пустоши? Что вообще хотел сказать Мишка?

- Эти улицы нам с тобой с детства знакомы.

Блеск реклам и плененной энергии стон...

Здесь давно позабыты законы Природы.

Мы с тобой - дети камня и грязных промышленных зон.

Наше Солнце-Ярило по прежнему светит,

Но траву под ногами для нас асфальт заменил,

И в холодном тумане тот свет незаметен -

Мы едва слышим голос царящих за Городом Сил.

Из цветов полевых ты не носишь венка...

До него ли тебе в этих джунглях бетона и стекол?

Но по воле Богов я здесь встретил тебя,

И теперь нам обоим не будет уже одиноко.

Шум машин прогоняет неясные сны,

Но Родная Земля для нас остается Родною.

Мы с тобою пройдем через все повороты Судьбы.

Потому что - ты слышишь, любимая? - нас все же двое...<sup>8</sup>

Давайте поедим, - совершенно без перехода предложил певец и присел у огня.

Все зашумели, хотя и сдержанно, послышался безотносительный мат, совершенно обычный в любой подростковой компании. К огню опять потянулись палочки, и Сашка тоже подогрел свою.

- Пиво будешь? - предложил кто-то, протягивая Сашке стакан. Тот принял его и отхлебнул горькую жидкость, потом откусил от сосиски. Певец смеялся, что-то говорил сразу несколькими из тех, кто сидел возле него, взъерошил волосы какому-то мелкому...

"А рядом случаи летали - словно пули. Прямые, рикошетами, слепые, на излёте... Одни под них подставиться рискнули - и нынче кто в могиле, кто в почёте..." - вдруг поче-

<sup>7</sup> Отвратная поделка "Сволочи" вызывает у автора книги только омерзение. Но в данном случае я просто передал не свою реакцию на фильм, а реакцию современного подростка - кстати, взятую "из жизни", со слов одного из моих юных знакомых.

<sup>8</sup> Стихи Ю.Маслова



му-то вспомнились Сашке слова какой-то песни. Сколько ни ходи по улицам - всё равно придётся возвращаться туда, где он, в общем-то, никому не нужен. А где и кому он вообще нужен?..

Он бросил пустой стакан в огонь. И услышал, как гитарист говорит:

- Ну что, пора и честь знать.

- Спой ещё, - попросила какая-то девчонка. - Про психа.

- Ну ладно, - улыбнулся тот. Не стал вставать, дотянулся до гитары.

Он не любит болтать. Он давно уже стих.

И ему наплевать,

Что он, в сущности, псих.

И по сущности - вор,

Взявший жизнь напрокат...

Он сам себе прокурор

И сам себе адвокат...

Он сам себе прокурор

И сам себе адвокат!

Почитай его мысли,

Да загляни в его песни...

Сбрось покуда спесь -

Он недолгий здесь

гость!

И в бессонные ночи -

Если больше нет мочи -

Он выпьет порошку и забьёт в башку

гвоздь!..

Да, надо решаться, не вполне ясно для себя самого подумал Сашка. Надо. Иначе навсегда будет то, что сегодня весь день. Серая осень. Три месяца осени можно вытерпеть. Но не всю жизнь. Это слишком много...

- У него на глазах хлеб меняли на кровь.

У него на руках

Умирала любовь!

Божий храм стал ларьком

По продаже свечей...

Дом его под замком -

И душа без ключей!

Почитай его мысли,

Да загляни в его песни...

Сбрось покуда спесь -

Он недолгий здесь

гость!

И в бессонные ночи -

Если больше нет мочи -

Он хлебнёт кваску и забьёт в тоску

гвоздь!

Парень пел, наклонив щёку к гитаре и чуть потряхивая головой. Но в какой-то момент поднял лицо - и Сашка понял, что глядит он прямо на него. Непонятно. Но не неприятно. Скорей оценивающе.

Да, подумал Сашка.

- А зажалась в загон и не такие умы...

Но, похоже, что он

Счастливо больше, чем мы...

Он, конечно же, псих,  
Он родился в раю!  
Он лечит души других,  
Позабыв про свою...  
Он лечит души других,  
Позабыв про свою!  
Почитай его мысли,  
Да загляни в его песни...  
Сбрось покуда спесь -  
Он недолгий здесь  
гость!  
Ох, бессонные ночи!  
Если больше нет мочи -  
Он хлебнёт кваску и забудёт в тоску  
гвоздь!

Он не любит болтать. Он всё помнит. Он - псих.<sup>9</sup>

Он встал и без дальнейших слов пошёл в темноту. Никто ничего не сказал ему. И никто ничего не сказал, когда Сашка почти сразу поднялся тоже и почти побежал следом...

...Парень стоял в каком-то десятке шагов, неразличимый в тени большого дерева. И Сашка подскочил и рванулся, когда тот положил руку ему на плечо и остановил:

- Ну и зачем ты за мной идёшь?

- Блин! - Сашка с трудом перевёл дыхание. Сердце трепыхалось в горле. - Так же ко-ней можно двинуть...

- Ну... - тот пожал плечами. - Вообще-то я не настаивал на том, чтобы ты за мной ходил. А кстати - это вопрос. Зачем ты за мной пошёл-то?

- Возьми... - Сашка перевёл дыхание и в этот миг ощутил, до чего дебильно прозвучат его слова. Ему сделалось страшно стыдно, но он всё-таки с трудом договорил: - Возьми меня с собой...

И увидел, как брови гитариста чуть поднялись.

Сейчас он скажет, что идёт домой, подумал Сашка. Что идёт домой, и там у него ро-даки, которые давно о нём беспокоятся. И что у него нет времени. И уж конечно, ему не-куда и незачем меня брать.

**Сейчас он скажет это.**

Гитарист пожал плечами:

- Пошли, - безразлично сказал он...

...Эта улица была более-менее жилой. Более-менее - потому что в одном или двух ме-стах светились поздние (да нет, ранние - четвёртый час!) огни и навстречу попалась ран-няя (а скорее - поздняя) гоп-компания из трёх человек. Один из них начал зажигать со слов: "Закурить... - но молчаливый спутник напрягшегося Сашки равнодушно спросил: - Что?" - и... и гопник молча свалил в сторону. Оттуда донеслось возмущённое: "Ну ты чё?! - и ответ: - Да это знаете как-то это блин типа..."

- А куда мы идём? - спросил Сашка. Гитарист посмотрел на него с настоящим изум-лением:

- Я иду пить кофе на вокзал, - ответил он. - А ты вроде бы со мной.

- Ну... да, - Сашка посмотрел на быстро светлеющее небо. - Да. Только у меня денег нет на кофе.

- У меня есть, - безразлично ответил спутник Сашки. И вдруг протянул руку, локтем отодвинув чехол гитары: - Петька.

- Сашка. Поливанов, - Сашка пожал руку и удивился, какие сильные у гитариста пальцы. Да и сам он оказался постарше, чем казалось на первый взгляд - лет шестнадцати или около того.

---

<sup>9</sup> Слова В.Третьякова

Петька кивнул и опять замолчал.

На улицу вступало летнее утро. Здешний железнодорожный вокзал Сашка знал, но они вышли к нему откуда-то с тыла, перебрались через пути и, пройдя через ровно гудящий людскими голосами зал, вошли в небольшое пустое кафе со "стоячими" столикам. За окном проползал, медленно погромыхая, товарняк. Сашка туповато следил за ним, когда в его пальцы толкнулась ручка, и он, вздрогнув, увидел, что Петька вернулся с двумя чашками кофе.

- Чёрный, - сказал он, ставя гитару к ноге. - Пьёшь? - Сашка кивнул, но пить не спешил - не хотел жечься. А вот Петька с удовольствием сделал большой глоток и предложил: - Ну, рассказывай.

- О чём? - искренне удивился Сашка.

- Почему сбежал из дома, - уточнил Петька, снова отпив кофе.

- Из дома... - Сашка криво усмехнулся, но про себя подумал, что этот парень догадлив. - Был бы он. Дом.

- С родителями поссорился, что ли? - Петька цепко окинул взглядом Сашку. Так цепко, что тому это не понравилось, и он вызывающе вздёрнул подбородок. - Ты ведь не беспризорник и даже не детдомовский. Брось. Не обижайся, даже если отлупили.

- У меня больше нет родителей, - сказал Сашка.

В горле встал комок. Сашка опустил голову. Не хватало ещё позорно разреветься перед этим незнакомым фактически парнем... Но Петька сказал сам:

- Расскажи, если хочешь. Что случилось?..

...Когда Сашка закончил говорить, Петька спросил:

- Ну а сейчас ты куда шёл? В смысле ночью?

- Никуда, - тихо ответил Сашка.

- Ну а всё-таки. Вот что ты думал делать? - неожиданно весело спросил Петька.

Сашка вяло шевельнул плечом.

- Да я не знаю... - его внезапно охватила равнодушная усталость, как будто на плечи сбросили тяжёлый сырой мешок. - Не знаю...

- Ты бы хотел жить по-другому? - Петька спрашивал с интересом.

- А разве это можно? - безнадежно ответил Сашка. Ему вдруг снова стало совершенно ясно, что Петька сейчас допьёт кофе, скажет "ну пока!" и пойдёт домой. Но тот неожиданно ответил:

- Да понимаешь, Саш... - Петька помешал ложечкой в стакане с остатками кофе. - Тут вот какое дело. В принципе изменить свою жизнь не так уж сложно. Даже просто. Сложно-то другое.

Сашка сцепил пальцы под подбородком.

- Что? - спросил он коротко. Петька усмехнулся каким-то своим мыслям и то ли нехотя, то ли просто задумчиво ответил:

- Никогда потом не пожалеть, что изменил свою жизнь. Ну или, по крайней мере, не подавать виду, что жалеешь. А то иногда прямо кричат: "Хочу перемен!" - а потом хватаются за голову: - Как же раньше хорошо жили, я же не этого просил!"

- А ты как изменил свою жизнь? - спросил Сашка. Петька снова усмехнулся:

- А откуда ты знаешь, что я её изменил? Может, у меня хобби такое - по пустырям петь? - и, видя, что Сашка не отвечает, а сам ждёт ответа, продолжал: - Но у тебя-то, - Петька посмотрел на Сашку поверх ложечки, которую вертел в пальцах, - не та ситуация. Подумай сам. Ну вернёшься ты. Попросишь прощенья. Может, и родителей твоих отпустят. Ничего такого страшного ты не сделал, не хулиган, как ваш Мишка... Ну оступился. Покаешься - и всё обратно. У тебя есть комната. Тебя кормят. Тебя одевают. Тебя не бьют. Ты учишься в школе.

- Понимаешь... - Сашка покусал губы. - Понимаешь, это есть у любой хорошей собаки. И она больше ни о чём не мечтает. Но я-то...

Он не договорил. Как-то не хотелось говорить: "Я же не собака!" Как-то это натянуто было, как будто из кино. Но Петька, похоже, догадался о недосказанном - и тихо ответил:

- Ты даже представить себе не можешь, у скольких людей нет даже такого счастья. Собачьего. И сколько людей мечтают хотя бы об этом. Не собак - людей, и я не могу их обвинять... А если тебе этого мало, то учти - другая сторона счастья часто связана с отсутствием этой. Ну нечасто так получается, чтобы и тёплый угол - и полёт души. Закон природы.

- А у тебя совпало? - прямо спросил Сашка. Петька кивнул и добавил:

- Но я никому не пожелаю пройти через... впрочем, чёрт с ним, я не о себе. И кроме того постоянно стараются отобрать то одно, то другое.

- Кто? - не понял Сашка. Петька изумлённо поднял брови:

- А кто за тобой приезжал?

Сашка беспомощно открыл и закрыл рот. Ему на миг показалось, что Петька издевается. Но в глазах у того не было ничего - даже сочувствия. Потом он повернулся к стеклянной двери кафе:

- Вон, посмотри в зал. Смотри-смотри... Вон сидят двое мужичков. Что они тут делают? А они тут девочками торгуют. Не девушками, а именно девочками. С доставкой на дом. А вон... во-во-во, вон мент пошёл! Думаешь, он не знает, чем они там занимаются? Знает... И за то имеет свой законный угол. Двадцать пять процентов. А вон стоят цыганские беженцы из Таджикистана, просят милостыньку у русских дураков и по совместительству впаривают им наркоту. С них имеет уже не дорожная милиция, а отдел по борьбе с этим самым делом. Трогательное единение душ. А вон висит стенд "РАЗЫСКИВАЮТСЯ" - вон, большими буквами с уклоном в церковнославянские. Кого там разыскивают? Вон пропавшие, "Жди меня" плакатик, Кваша умоляет помочь детишек найти - о, сколько детишек... и ни одного пока не нашли. Вон преступившие, видишь, такие бородатые - кто чего взорвал, кто где кого изрешетил... Этих наоборот - горстями гребут, только они всё никак не кончаются. А вон пидоры пошли, аж целых двое. В смысле - эти, нетрадиционно ориентированные в зад... И куда ты в этом милом мире бежать собрался? Сиди и не чирикай. Ничего ведь не изменилось. Даже оккупантов нету на улицах. Живи в кайф, ты чего, брат?

Сашка, ошалело следивший за Петькиным пальцем, опомнился:

- Откуда ты всё это знаешь?!

- А чего тут знать? - Петька потянулся. - Знаю.

- А ты сам... - Сашка потёр лоб. - **Ты кто?**

- Опомнился. Раньше надо было спрашивать. Я агент торговцев органами. Всё. Приехали, Сань, - и он развёл руками так, что Сашка, напрягшийся от настоящего страха, расслабился. - Здрыснул? - он прищёлкнул языком: - То-то и оно... А вот ты никогда не задумывался, кто во всём этом виноват? Во всём этом? - и он, сделав широкий жест, включающий в себя большую часть земного шара, с интересом уставился на Сашку.

- Нннуу... - Сашка искренне пожал плечами. - Преступники.

- А откуда они взялись? От грязи, что ли? - допытывался Петька.

- Да откуда я знаю, чего пристал?! - рассердился Сашка. Валька засмеялся:

- Не сердись, но это интересно. Человек говорит: ой, у меня жизнь плохая. А когда его спросишь, почему - отвечает: преступники. Или - террористы. Или ещё круче - судьба такая у меня. А совсем круто - что у **России** такая судьба.

- А кто виноват? - спросил Сашка, поостыв. Ему в самом деле стало интересно. - Эти? Масоны?

- Злые силы, - серьёзно сказал Петька. - Не, я тебе точно говорю. Хочешь, называй масонами, хочешь - администрацией президента, хочешь - Всемирной Торговой Организацией. Один хрен всё это злые силы, которые хотят погубить Россию.

- Ты больной, что ли? - спросил Сашка. - Какая администрация Президента...

- А кто тебя увезти хотел? - невинно спросил Петька. - Американцы, что ли?

Сашка приоткрыл рот. Петька спросил:

- Ты знаешь, что такое бубонная чума? - Сашка покачал головой. - Это такая болезнь... в общем, она внешне выражается в том, что на коже у человека появляются такие язвы. Бубоны называются.

- А! - вспомнил Сашка. - Это я читал. В средние века их ещё "розы" называли, да?

- Да... Ну вот и представь себе врача, который у чумного больного лечит эти самые бубоны. Вскрывает их, промывает, очищает, перевязывает, зашивает... Но ведь бубоны - это не болезнь. Это только следствие того, что внутри организма, внешнее проявление, понимаешь? И лечить-то надо весь организм - в целом. А ещё лучше лечением не ограничиваться, а и профилактику проводить, чтобы заразы не было. Как говорил один средневековый лекарь, "хватай дубьё - и бей крысьё". То есть - уничтожай источник заразы.

- А он где? - слегка ошарашено спросил Сашка.

- Ну... у чумы он - крысы. А так, по жизни... - Петька покривил губы. - По жизни он всё то, что нам сейчас пытаются подать, как нормальный ход жизни. В нашем мире крысы не просто заражают людей - они нами **правят**. Да ещё и напоказ эти бубоны залечивают и кричат: "Во, смотрите, как мы с болезнью боремся! Ух как строго боремся!" А могут ещё от насморка начать лечить, когда человек от чумы умирает... И тоже кричать, что они больного спасают.

Сашка молчал, представляя себе каких-то мутантов-крыс в деловых костюмах, хотя отлично понимал, что Петька, как это говорится, **фигурально выражается**. А Петька вдруг зло добавил:

- Вот это оно и есть - собачье счастье. Когда все сидят по будкам и радуются, что есть миска, цепь и подстилка. И даже если тошно от этого - и помыслить не могут, что ошейник - не неотъемлемая часть шеи... А что "Мир" утопили<sup>10</sup> - так и палец с ним, его в микроволновку не сунешь... Саш, хочешь в космос? - спросил он. Сашка помотал головой:

- Что я там забыл... Я хочу, чтобы здесь жить было интересно, - добавил он, и ядовито напрягшийся было Петька обмяк. Тихо сказал:

- Да. Это ты правильно... ну ладно. Обратного не пойдёшь? - Сашка угрюмо помотал головой. - Точно? - мотание повторилось. - Саш... я могу тебя с собой взять. А уж там ты сам решишь. Это у человека единственное право: решать. Пойдёшь? - Сашка кивнул и поднялся вслед за Петькой.

Летнее солнце за окном обрушилось в улицу.

- День, - сказал Петька тоскливо, подходя к окну. - Знаешь... наша страна... она такая красивая и большая... посмотри, какая она у нас красивая и большая... здесь всем хватит всего просто так... бесплатно... - он не смотрел на Сашку, но говорил с ним. - А я... я даже не могу... - он подмигнул Сашке и сказал весело: -

- Что ты плачешь, дурачок?! Смейся!

Косорукая пока спит!

Потом перекинул гитару на плечо и вышел, не оглядываясь, наружу.

Сашка подождал несколько секунд. Посмотрел вокруг пустым взглядом. Наткнулся на ответный взгляд девушки за стойкой - она, глядя так же бессмысленно, подкрашивала губы, глядя не на Сашку, он только сейчас догадался - а в витрину.

Криво усмехнулся.

---

<sup>10</sup> "МИР", орбитальная станция для полета по околоземной орбите. Была создана в СССР на базе конструкции станции "Салют", выведена на орбиту 20 февраля 1986. Оснащена новой системой стыковки с 6 стыковочными узлами. По сравнению с "Салютом" на станции увеличена мощность системы энергопитания, созданы более комфортные условия для работы и отдыха космонавтов. Предназначена для построения многоцелевого постоянно действующего пилотируемого комплекса со специальными орбитальными модулями научного и народнохозяйственного назначения. Максимальная масса около 40 т, максимальная длина около 40 м. Летом 2001 года совершенно работоспособная станция была утоплена в океане. Взамен на орбиту была выведена американская "Альфа", прославившаяся постоянными поломками и тем, что русские космонавты на ней выполняют роль извозчиков и obsługi. Так была фактически уничтожена космическая программа России.

И вышел следом за Петькой.

### Разные люди Республика Тюркских Народов

Из Самары ехали долго, даже очень. А Васька вообще не любил на автобусах ездить, укачивало его. Пришлось спасаться пивом....

Вот именно поэтому он приехал в этот городишко Сарань пьяный. И задержался у того парня, который их к бараку вел. И в свою очередь услышал, что тот пробурчал: "Ну-ну.... Больно нужны вы в США пьяные да обдолбанные....".

Он не преминул рассказать об этом сестре:

- Да что ты веришь всякой швали? Неужели не видишь, что он нам завидует просто? Васька предпочел ей поверить. Она была умнее.

Однако сейчас, ворочаясь на жестком матрасе, он никак не мог отделаться от мысли, что пацан-то вовсе им не завидовал.

В этом гребаном РТН было очень жарко - Васька никак не мог привыкнуть к постоянно мокрой от пота постели.

Послышался кашель - за грубой деревянной переборкой. Это у девчонок.

Кровать Васькиного соседа глухо скрипнула. Мускулистый парень с крашеными в красный цвет волосами неслышно поднялся и начал красться к перегородке.

- Э-э-э, - прошипел Васька, приподнимаясь на локтях - Ты че мутишь, чудило? Ну-ка ляг назад - и не надо тут!

Тот съезжился и прошел обратно. Насколько тяжелы кулаки у Васьки - он уже знал.

Захотелось курить. Поднимаясь с кровати и натягивая на себя дырявые джинсы, Васька буркнул, обращаясь к крашеному.

- Узнаю, что подсматривал или туда шастал - ур-рою!

...Сигареты остались в автобусе, пришлось идти туда. Слава богу, что дверь была открыта...

- А... Что... Ты кто? - с водительского сиденья поднялся темный силуэт, пропахший потом и табаком. - А-а-аа, один их этих... "Обрети дом".... Че хотел?

- Сигаретки не будет? - пробухтел в ответ Васька

- Почему не будет, будет... "Астра". Не брезгуешь?

- Да нет, я такие с 10 лет смолю.

Вот и первая затяжка... пальцы начало приятно покалывать.

- Слушай, а чего ты эт самое, ну, уехать-то решил?

Васька усмехнулся и затаился еще раз:

- Да так.... Отец у меня в Чечне по контракту служил. Наступил на мину - домой прислали цинковый гроб. Мамка пить начала - за полгода сгорела. В детдом я Машку не отпустил, пришлось немного побродяжничать. А тут этот самый "Обрети дом". Оказалось, что какая-то семейка в Канзасе хочет двух детей. 16-ти лет. Пацана и девчонку. Ну вот и едем....

Водила провел рукой по усам и глухо расхохотался.

- Мужик, ты чего? - недоуменно скосился Васька

- Ой не могу... надо же, в Канзас... о, Господи....

- Не понял! - сигарета кончилась.

- Короче, парень. Можешь мне, конечно, не верить, но вот что - драпать вам с сеструхой надо.

Кулак сжался сам собой:

- Это с какого хера?

- А вот с такого. Ты что, реально думаешь, что вы, два великовозрастных дитяти, нужны кому-то в пиндостане? А вот х...й.

- А на х...я тогда вся эта по...бень с "Обрети дом"?

Водила прокашлялся и пронзительно поглядел на Ваську.

- Да продают вас, долбо...бов. Кого на органы, кого богатому буратине - чтоб он таким, как ты, очко рвал. И кулачок-то разожми, а то так двину - назад не вернешься! И послушай лучше меня - на самом деле мы сейчас следуем в Турцию. В клинику какую-то. Там вам якобы проведут медосмотр и оставят маленьких и чуть постарше. Типа они больше чем-то там. Клиника это трансплантологическая - разберут тех, кто остался, на органы.

- Мужик, ты чего, серьезно? - у Васьки отвисла челюсть

- Нет, бля, шучу! Конечно серьезно! Вот вас, из моего автобуса - девчонок продадут какому-то турецкому шейху, большой шишке в какой-то там организации лижущих святой зад Аллаха. Некоторых из пацанов по борделям распределят. Остальных - отправят горбатиться на рудники в качестве дешевой рабсилы.

- Бля....

Можно было бы не верить, но водила говорил так горячо и так убедительно, что неверие исчезло само собой.

- И че делать?

- Пройдись по баракам, только тихо, кипиша не поднимай! Перетри там с пацанвой и девчонками - уговори их свалить. Давай пробежись прям сейчас, я буду ждать тут.

- А на х...й?

Водила тихо хохотнул:

- Парень, ты что, думаешь, что сбежишь пешкодралом от оравы амеров? Да тебя догонят за полчаса. Не-е-ет уж, если я уж решил на старости лет в героя поиграть, то поиграю со всеми прилегающими.... Дуй-дуй, пока не рассвело.

Васька кивнул и, крадучись, ушел в темноту. Трясущимися руками водила достал еще одну сигарету. Попытался зажечь.... Сломал. Достал еще одну. Опять сломал. Наконец достал третью - выгорело.

- Эх, Ольгерд, Ольгерд... правильно же ты нас мужиками назвал, ой правильно.... Скур-рвились... братья-казаки... А ведь казак - он на то и казак, чтоб мотаться по белу свету, да делать добрые дела...

Самое главное - не запороть. Очень трудно было подкараулить нужный автобус и выманить оттуда грузина-водилу. Затем заставить оформить дарственную у опытного нотариуса. После всего этого притвориться сменщиком из автопарка.

Хорошо было одно - все эти смазливые надписи и фотографии "Обрети дом" были всего лишь наклеены - их можно было легко сорвать. Запасные номера были припасены заранее - лежали под сиденьем. Осталось только сорвать накладные усы, брови, вынуть из ноздрей два резиновых кольца, а из глаз линзы - Евгений Павлович подготовился к своей выходке очень основательно.

Вмонтированный в двери холодильник уже были откручен - осталось только дернуть посильнее. Имелись даже несколько баллончиков с краской - в течении 10 минут можно было легко перекрасить автобус. Осталось самое главное - не сдрейфить....

...Поутру на поверке не досчитались 20 детей, одного автобуса и одного водителя. Конечно, была организована погоня и перехват - но автобус как в воду канул. Точнее в степь - а вслед за ней в Воронеж.

Через полтора суток пути дети были уже дома.

### **Воронежский заповедник. Российская Конфедерация Независимых Народов.**

*Камень - камнетёсам, хозяйке - серебро,  
Медь - мастеровому, чьё ремесло хитро,  
Песок - он даже дурню не нужен низачем...  
Лишь золото червонное властвует над всем!*

В принципе, никто не заставлял Федосова атаковать этот джип.

Он с тремя парнями из своей группы - Артом, Люфтвафой и Сахаром - просто-напросто наткнулся на "хаммер" на дороге между кордонами Плотовский и Зверинец во время очередного безалаберного патрулирования. Особой нужды в этих вылазках не было, дел в Чистом хватало, но Федосов резонно полагал, что тренировки никому никогда не мешали, а чтобы никто не заныл о бесполезности, тренировку можно назвать патрулированием.

Машина, очевидно, шла из Воронежа в Рамонь, когда - предсказуемо - с подвеской что-то случилось, и символ американской военной мечты засел на обочине прямо напротив отдыхавшей в придорожных кустах четвёрки, которая немало обалдела.

- Саааань... - прошептал Арт, глотая недожёванную галету и подтаскивая ближе РПК. - Чего это они?

- Это не за нами, - буркнул Федосов и уже жестом показал: тихо. Все четверо перекатились на живот и выставили стволы - "печенег", РПК, два АК-103 с подствольниками.

Из джипа вывалились один за другим трое американцев - настоящих, не наёмников - двое сержантов (негр и явный латинос) и офицер. "Полковник, - определил Федосов, рассмотрев на камуфляже офицера зелёных маскировочных орлов. - Ничего себе..." В люке наверху остался за 'браунингом', закрытым выгнутом по бокам бронешитком, солдат (вбок от правой двери торчал на подвижном шкворне ещё один пулемёт - М249, тоже со шитком, хоть и небольшим). Водитель тоже остался на своём месте. А с заднего сиденья - точнее сказать, из багажника - выбрались два конфедеративных мента - в серой форме, в кепи со 'щипанными курами', с укороченными 'калашниковыми' под мышкой и лицами, на которых был написан интеллект уровня орангутана. Власть сменилась, менты остались прежними, подумал Федосов. А у янки полный 'тырцанал', бя... вот только этим холуям места рядом с собой не нашли.

Первым делом оба закурили, привычно и нудно матерясь. Латинос полез под капот. Негр двинулся дальше по дороге, поводя стволом; полковник брезгливо наблюдал за ментами. Между тем Сахар тронул Федосова за плечо и показал внутрь джипа - на заднее сиденье. Федосов пригляделся. Там был смутно виден силуэт ещё одного человека - он сидел, опустив голову, а, присмотревшись ещё, Федосов различил, что руки этого человека - лежащие на коленях - стянуты пластиковыми наручниками.

- А он недохнет? - спросил младший из ментов, похожий не просто на орангутана, но на прыщавого орангутана с задержкой даже орангутаньего развития.

- А нам не один хрен? - удивился тот, что постарше, глубоко затягиваясь. - У тебя завтра выходной? Чё делать будешь?

Вопрос так и остался неясным, потому что с расстояния в пять метров две пули 7,62x54 получил сперва один мент, потом столько же - второй, в результате чего от голов у них почти ничего не осталось, но машину забрызгало несильно - нечем. Одновременно с ментами погибли водитель - застреленный в висок из автомата, он тяжело стукнулся в раму окна развороченным шлемом - и стрелок в верхнем люке; ему пуля попала в переносицу, в защитные очки, вогнав в череп куски жёлтого карболита - и он съехал в люк. Негр пережил их на секунду - ее как раз хватило, чтобы он развернулся и присел, став похожим на отважно гадящую гориллу, после чего пули из РПК раскроили жилет и грудь, отшвырнув сержанта в пыль.

Латинос распрямылся ("бум!" - глухо сказал шлем, стыкуясь с крышкой капота) и взвыл - две пули угодили в бедро, одна - в бок, вгоняя в кишки клочья жилета и формы. Сержант рухнул вбок, под колёса, и шустро пополз под джип, продолжая выть, потом затих, подёргивая торчащими наружу ногами в мощных ботинках. Полковник получил в лоб по шлему выпущенным злокозненным Люфтвафой резиновым "полицейским" тромблоном и уныло сел на сиденье, уронив голову на грудь.

- Как дети, блин, - проворчал Федосов, вставая. - Ну кто просил ему в лоб стрелять?



- Вы! - вытаращился тот. - Сань, я тебя чисто не понимаю. Язык же. Полковник! Я орлов видел.

- Зоркий... - пробормотал Федосов. - Сахар, радость моя, посмотри вокруг, чтобы супостаты не подобрались. А ты, снайпер, - обратился он к Люфтвафе, - вяжи добычу... только шкуру пока не снимай, и вообще поосторожней, он явно не макдональдсами питался... Арт, проверь этого, под "хаммером", и будь к нему добр и ласков.

Распределив роли, Федосов первым сунулся в джип - посмотреть, что за груз на заднем сиденье.

Груз - худой мужик сильно за пятьдесят - в мешковатом костюме - был в сознании. Выглядел он жалко - лоб разбит, серая щетина на впалых щеках, а по синим губам Федосов безошибочно определил, что у человека плохо с сердцем. Но - как ни странно - взгляд старика был не жалким и не больным, а жёстким и пристальным. Людей с таким взглядом Федосов знал хорошо - и не удивился, услышав хриплый, но отчётливый голос, произнёсший без малейшего страха или удивления:

- Бандиты, что ли?

- Ну, как сказать... - глубокомысленно начал Федосов, но в этот момент просунувшийся сбоку Арт обиделся:

- Мы не бандиты, мы партизаны! - гордо заявил он и продолжал: - Я не был к нему добр и ласков, он сам помер, Сань... правда... этот, под джипом...

- Партизаны... - старик покривил сизые губы. - Кому другому лапшу на уши вешайте. Нет никаких партизан... голыми руками взяли... - он схватил ртом воздух, закашлялся, и Арт определил:

- Сердце... Сань, у меня в сумке валидол есть... и камфара. Дедуль, за что они тебя?

Старик, хоть и прокашлялся, но не ответил. Хрипло дыша, он смотрел в склонившиеся над ним лица. Потом неожиданно повелительно спросил:

- Офицер?

- Был, - ответил Федосов.

- Пацану вели отойти.

- Укол бы...

- Не поможет, кончаюсь, - спокойно ответил старик. - Скорее, слышишь?

Федосов кивнул - Арт продемонстрировал оскорблённость недоверием, но исчез.

Слышно было, как парни кантуют добычу и что-то выясняют насчёт пленного. Старик помолчал ещё несколько секунд, потом заговорил - тихо, но связно и внятно...

...Когда Федосов вылез из джипа, его ребята уже распотрошили убитых, оттащили за кусты полковника, успели написать на передке "хаммера": "Йа был пендос и меня пробрал понос!" - и теперь смиренно ждали.

- Умер, - буркнул Федосов. - Вытаскивайте, в лес отнесём, похороним.

- Сань, кто он был-то? - удивлённо спросил Сахар...

...Все четверо, сняв кепи, стояли, наклонив головы, над неприметным холмиком в корнях древесного вывортня. На расчищенной ото мха древесине Федосов ножом вырезал:

### **Генерал-майор ГРУ МО СССР**

- и всё.

- А теперь куда? - спросил Люфтвафа. Парни не выглядели особо расстроенными. Грустные лица они сделали потому, что грустен был их старший, не больше. Умершего они не знали, абберивиатура "ГРУ МО СССР" им почти ничего не говорила, первый в их жизни настоящий бой оказался лёгким и выигранным. Федосов встряхнулся.

- Сахар, Люфт, потащите пленного на базу. Сдадите Ментиле нашему, он игрушке обрадуется. Смотрите, чтобы не ушёл (полковник лежал недалеко от коряги, симулируя бессознательность, хотя опытному глазу было видно, что он пришёл в себя). - А мы с Артом прогуляемся, завтра вернёмся, я думаю.

- Вдвоём? - недовольно сказал Сахар. - Угу, через пару часов этих всех искать начнут, а найдут вас, да?
- Не найдут, - отрезал Федосов. - Что за обсуждение приказов?
- Есть тащить на базу, - Люфтвафа толкнул приятеля локтем. Арт добавил:
- Ганзу покормите. Яблоками. И сахаром. И...
- И икры ему намажем на хвост, - пообещал Люфтвафа. - Красной.
- Он кабачковую любит, - невозмутимо ответил Арт.

\* \* \*

За долгие-долгие предыдущие годы Арт научился доверять Федосову, как сын доверяет строгому и любящему отцу или как боец доверяет отличному командиру. Поэтому парень не сказал ни слова, пока они шли вглубь леса - забирая куда-то вглубь усманских болот. Причём Федосов то и дело сверялся с картой, исчерканной свежими пометками - Арт мог поклясться, что до разговора со стариком в джипе пометок не было.

Солнце решительно стало прятаться за верхушки чахоточных деревьев, когда Федосов удивлённо-радостно хрюкнул и сказал - произнёс первое слово за восемь часов пути:

- Пришли, кажется.

Арту хотелось надеяться, что это так. Он вымок по уши и выше, устал, как собака, а ноги одеревенели (вода в болоте оказалась холодной, сволочь...) и не сгибались в коленях. Впрочем... куда это "пришли"? Парень завертел головой, не видя ничего, что могло бы сойти за цель этого странного молчаливого рейда. Кусты из воды торчат. Чахлые деревца, ненамного лучше этих кустов. Островки, похожие на кочки, на которых эти деревца растут, точнее - существуют. Нечто, похожее на избушку - между двух холмов, на склонах которых алеют роскошные мухоморищи. Интересно, какой идиот построил избушку на болоте? Наверное, кордон был, а потом всё заболотилось, вот и получилось так.

Странно, но Федосов отчётливо нервничал. И был похож на человека, который чего-то ждёт - и не верит, что это, ожидаемое, вообще возможно.

- Нам сюда, - буркнул он и захлюпал по трясине к избушке, вблизи окончательно наминавшей развалину - стены перекошены, на дранковой крыше - настоящая подушка сырого мха.

- А что здесь? - без особого интереса наконец задал вопрос Арт, булькая следом и думая о крысе - как она там? Он и не ожидал, что Федосов ответит. Но тот - ответил:

- Ты знаешь, Артём, тут, наверное, будущее России.

Арт слегка впал в ступор. Будущее России он несмотря на полный развал вокруг и трагическое положение народа представлял себе несколько иначе.

- Ну да, - с сомнением сказал он. Федосов засмеялся, открывая (она упала) щелястую дверь.

Внутри был мокрый пол, покосившаяся печка и две надменных жабы. Они неодобрительно посмотрели на вошедших и зашлёпали в угол. На печке, там, где ещё сохранилась побелка, было написано вечное русское слово. Наверное, ещё в давние советские времена. На будущее и это всё не очень-то тянуло.

- Фонарик включи, - сказал Федосов, глядя на печку. Арт послушно щёлкнул кнопкой, поводит бледным лучом по печке, обрисовывая всё те же три буквы. - Не балуйся.

- Не буду, - согласился парень и скучливо спросил: - Мы зачем пришли-то сюда?

- Стать миллиардерами, - так же непонятно, как и раньше, сказал Федосов. - Лезь под печку.

- А в печку не лезть?! - возмутился Арт. - Я тебе что, Сань - Иванушка?!

- Лезь, а то козлёночком станешь, - ласково предложил Федосов.

Зло фыркая, Арт вылез из разгрузки и присел на корточки перед чёрным перекошенным зевом подпечка, и правда похожим на злорадный рот. Гневно посмотрел на командира через плечо. Вздыхнул. И полез по мокрому полу внутрь.

- Фу туй а, - сообщил он (явно держа фонарик в зубах). - Фо тефафь?  
- Посмотри на кирпичную кладку перед носом, - посоветовал Федосов, разглядывая надпись на печке. - Там ряды - двенадцать-одиннадцать- двенадцать-одиннадцать- двенадцать-одиннадцать кирпичей?

- Фу та, - буркнули из-под печки.

- Нажми шестой слева в верхнем ряду, пятый справа в третьем сверху и первый справа в нижнем.

Послышались короткие, отчётливые щелчки и голос парня - уже заинтересованный:

- Тафэ?

- Дальше, мил друг, пятый в третьем ряду снизу и седьмой во втором сверху. И вылезай.

Появившийся Арт был перемазан грязью, сажей и паутиной, но реагировал бурно - выплюнул фонарик и заголосил:

- Сааааань, они нажимаются! Как кнопки!!! Сань, это чего, тайник?!

Федосов вместо ответа молча налёг на печку - толкая её от стены на середину хибары. И... печка плавно отъехала в сторону, открывая узкий - в метр шириной - лаз. Точнее - спуск, потому что "лазом" это называть было неприлично. На ровных бетонных ступенях лежала пыль, но над видным внизу входом вспыхнула лампа с алой надписью:

### **ВНИМАНИЕ!**

- Тут же болото, как же это... - непонимающе пробормотал Арт. Федосов усмехнулся:  
- Это сделано государством, которое моря засыпало и рыло и реки поворачивало. Какое там болото...

Он спустился по лестнице к бронированной двери, над которой горела надпись. Откинул справа от двери плексиглазовый пыльный колпак на панели. Там тоже зажглись алые строчки - над щитком, похожим на щиток калькулятора:

### **ДЕЖУРНАЯ СМЕНА ОТСУТСТВУЕТ**

### **РЕЖИМ КОНСЕРВАЦИИ**

### **ВВЕДИТЕ КОД ДОПУСКА НА ОБЪЕКТ**

- Вот так... - Федосов набрал какой-то код, подождал. Лампа мигнула, надпись сменилась зелёной:

### **ВХОД РАЗРЕШЁН**

- Пошли, - сказал Федосов и повернул штурвал на двери. Она открылась с мягким приятным журчанием.

Арт заспешил по ступенькам следом за командиром... оосторожней.

...Помещение оказалось огромным. Ну, по крайней мере, не таким, какое ожидаешь увидеть под разваленной избёнкой на болоте. Горели пыльные лампы - по пять в три ряда - и света было вполне достаточно, чтобы видеть бетонный пол и стеллажи вдоль стен - на всю высоту. Вдоль трёх стен на них лежали серые от пыли (когда-то зелёные) деревянные ящики. Слева и справа от входа - металлические коробки, плоские и гораздо меньше, чем ящики.

Доставая "смерш", Федосов в два широких шага оказался возле ближайшего ящика. Тремя сильными точными движениями взломал крышку - на пол посыпались яркие щепки. Но гораздо ярче - глубоким медовым блеском - засиял бок металлического параллелепипеда внутри.

- Золото, - сказал Федосов. Огляделся. - На глаз - две тысячи ящичков минимум. В каждом - по десять пятидесятикилограммовых слитков. Тысяча тонн золота... А тут?

С металлическими ящичками пришлось повозиться. Но в конце концов выяснилось, что слева от входа лежат тонкие пластины платины - по десять килограммов в каждом ящичке. Справа - бриллианты, крупные, без изъянов, не меньше чем по сотне в упаковке. Может, было и ещё что-то - Федосов на выбор вскрыл всего по два ящичка.

Арт потрясённо молчал. Он никак не мог соотнести всё это, вокруг - с богатством или каким-то возможностями; это больше напоминало парню некую компьютерную игру, не имеющую отношения к реальности - гнилые сундуки с просыпавшимися пиастрами-реалами-луидорами-дублонами...

- Тут миллиарды, - сказал Федосов, разбивая тишину. - Ну что, Артём? - он назвал Арта по имени, чего обычно не делал. - Знаем про них я и ты. Есть шанс нехреново пропасть без вести... и возродиться в ином обличье на северном берегу какого-нибудь южного моря.

- Это тебе тот старик показал, Сань? - спросил Арт хмуро. Оглядел помещение.

- Золото партии, - непонятно ответил Федосов. - Его часть... Закладка середины 80-х годов. Он один оставался, кто про это знал. Янкесы его за прошлые дела зацепили, про это они и не ведали... Вот это и называется - судьба... Ну что, Тёмка? - он невесело подмигнул Арту. - Ведь и правда - кроме нас никто про это не знает... Пропадём без вести? Как тебе такое будущее? Рванём на югА?

Парень вдруг почувствовал, что очень промок, замёрз и устал. Дико болели ноги - в бёдрах, а ступни почти не чувствовались. Хотелось прилечь и поспать хотя бы полчаса.

- Да ну их, эти югА, - сказал он и шмыгнул носом, как маленький мальчишка. - На хер бы они, если финны Карелию захапали... Сань, давай лучше танк купим, что ли?

- Танк, - непонятно усмехнулся Федосов. - Тут, Арт, не танк, тут Америку можно купить.

- Что, так много? - тихо спросил парень. Федосов кивнул молча.

- Тогда надо скорей к нашим, - вздохнул Арт. - И..

Он не договорил, потому что и сам не знал - что - "и"?

Но Федосов кивнул.

### **Ярослав Найменов Республика Тюркских Народов**

Я ненавижу запах сигарет. Не переношу. Как только учую - так сразу сводит горло - и начинает тошнить.

Однако сейчас я давась, втягивал в себя вонючий дым, чувствуя как отъезжает голова, и в руках начинает появляться поганая дрожь.

Я ненавижу запах сигарет.... Поганный день. Поганая работа. Поганая военная база. Поганые американцы.

Я видел много трупов со времени начала оккупации. И уже считал себя более-менее спокойным и хладнокровным. Зря. Понадобилась небольшая находка чтобы все это опровергнуть....

Она лежала на асфальте полностью голая - из под ее затылка растекалась и уже застыла кровь.

Голубые глаза, бледная, очень белая почти снежного цвета кожа, и светло-рыжие, натурального цвета волосы. Я обожаю девушек с рыжими волосами... пунктик... именно потому, мои ноги отказались меня нести дальше.

Эти прекрасные голубые глаза отразили мое лицо... смешно, мне показалось что вот он я стою - далеко-далеко, высоко-высоко, от всего этого.

Знаете, раньше, я хоть и видел всю эту оккупацию и чужие войска, я не понимал как все это серьезно. НЕ ПОНИМАЛ. Дурак.... Для того чтобы я все понял, понадобился труп девчонки с переломанным от падения позвоночником. И все. Наверное, это мало....

Наверное.... Знаете - для меня, эта мертвая девушка являлась, мертвым ангелом. Нимфой. Афродитой. Поруганной святыней.

Кем она могла быть? Не знаю. Но не шлюхой. Не подстилкой для вонючих нигеров. И не мертвым куском протоплазмы, который сейчас лежал у моих ног.

В ушах звонко отдавалась пустота.... Не мыслишки не было в мозгу.

- Че стоишь парень? - меня окликнул какой-то мальчишка, на год младше меня - Че там такое? А, труп... голая... а ты че некрофил? Так бери, да вали, я никому не скажу....

ОН НЕ ШУТИЛ.

Тумблер "спокойствие - ярость". Знакомое ощущение.

Я вдохнул, и повернулся к наглой бритой голове:

- Слушай... шел бы ты а.... - почему не бил? Странно. Однако я сам того не понимая скорчил такую рожу....

- Псих! - отскочил тот

Я сдернул с себя черную мастерку и не обращая внимания ни на что, закутал в нее тело. Поднял. Понес. Отнес за дом. Положил там.

После я купил в магазине сигареты.

А придя домой включил компьютер, и зашел в Интернет. Знаете... это плохо, когда ангелы, умирают.

...Так называемых "патриотических" сайтов, развелось много. Даже очень. Везде, главные страницы пестрели суровыми витязями, с картин художников, размашистыми лозунгами, да и вообще - надписями типа "СЛАВА РОССИИ!".

Смешно-с. Как-то раз, за Интернет-разговором в асе, один умный человек, растолковал мне множество вещей о таких сайтиках.... Идеи у них - насквозь поганые. К примеру, на одной из страничек, если конечно покопаться в статьях и подумать, пестрела мысль: "Во вторую мировую мы сражались - и к чему это привело? Так пусть лучше захватят поганую быдлорашку, воцарится царь-батюшка, и восстанет над Россияньской землей рай обетованный!".

На примерно третьем по счету сайте (второй оказался давным-давно снесенным), пропагандировалась идея: "Да отдадим им куски территории - хай подавятся! Возродим истинно московское княжество, без хохлов и бульбашей!". Тоже дерьмо.

Не всем страницам можно верить. Я в этом убедился - ибо ничего не нашел. Те же сайты, на которые я заходил еще в дооккупационное время, были закрыты.

На новостных сайтах же, был ажиотаж. "Арестована банда националистов!", "Нацист убивший арабского патрульного арестован!", и все в этом духе. Казалось, что все преступники это националисты. Очень редко можно было встретить сообщение об убийстве какого нибудь сына гор НЕ националистом. И даже в таких случаях, в статьях описывающих преступления показывалось поганое нутро их составителей. "Не до конца расследовано..." "Активность банд скинхедов...." "Возможная жертва обострившейся ситуации....".

Я начал что-то понимать. Нет, не в том смысле что начал понимать только что. Просто знаете.... Нельзя всегда жить лишь "приспосабливаясь". Иначе просто перестанешь быть собой. Иногда, в тех моментах, когда речь идет о твоих собственных устоях, просто НАДО откинуть все и идти против того что претит тебе. НАДО.

Особых устоев у меня не было.... К стыду. Я никогда не задумывался о ситуации оккупации вообще. Просто жил. Для себя. Но нельзя быть овощем.... В моей жизни, похоже наступил момент, когда мне не смотря ни на что надо было выбирать кем мне быть. Обывателем-приспособленцем, прислужником-оккупантов или.... Загадочное "или". Кем? Не знаю. Но имеющиеся два варианта мне просто не подходят.

Суть еще в том, что я - ни в коем разе не самоубийца. Я конечно могу, гордо пойти на базу свистнуть оружие, и устроить там "день джихада" подобно нашим соседям-му-

сультманам. Но что это даст? А ничего. Жизнь - это не компьютерная игра где главный герой, в одиночку выносит миллионные армады врага с помощью загадочных вундервафель. Застрелиться что ли....

\* \* \*

Я давно не был в школе. Нет, я не имею в виду здание, ведь я тащил оттуда винтовки - помните?

Я имею в виду эту атмосферу, эту... я даже не знаю как это назвать - эти звуки. Играющие дети, разговаривающие старшеклассники.... У кого-то играет музыка. Гомон, шум. Вот что такое школа.

Все изменилось.

Снаружи, школа осталась такой, какой была. Внутри все было новое. Пахло, каким-то незнакомым запахом краски, не давившим на голову. Новые скамейки блестели лакировкой. Новые люстры. Разрисованные по-новому стены младшего отделения - Бело-снежка, и семь разноцветных (негры-китайцы-европейцы) гномов.... Все эти заморские, Томы, Джерри, Микки Маусы...

Новые учителя....

С моего класса пришло совсем немного людей. В основном девчонки - из парней был я один.

Приветливо покивав в ответ на приветствия, я стал ждать...

Не буду говорить про то как два десятых (перешедших в одиннадцатые) класса собрали в одном кабинете - и выдали аттестаты, сказав что система образования теперь десятиклассная.

Не буду говорить про то - что мои планы о поступлении в универ накрылись медным тазом - надо было ждать еще год а потом сдавать двойные экзамены.

Из школы я вышел слегка раздраженный но не злой - голова была забита совсем другим....

А началось это с того что, уже в самом конце своего рысканья по Интернету, на одном сайте.... К слову о нем, это был блог какого-то поклонника писателя Ольгерда Верещаева. Ну так вот, в этом самом блоге, кроме всех книг вышеупомянутого человека, я нашел на редкость интересную вещь.... "Охотник. Автор Эндрю МакДоналд"....

*"Когда Оскар подъехал к месту на стоянке у края огромной заасфальтированной парковки, пустая банка из под пива хрустнула под одним из передних колес. Он выключил фары и огляделся. Да, это было хорошее место: он прекрасно видел каждый автомобиль, сворачивающий с единственной подъездной дороги к стоянке, где ему приходилось тормозить и почти останавливаться под слепящим светом ртутной лампы на столбе. Отсюда ему также было хорошо видно, в каком ряду стоянки в конечном счете оказывалась каждая машина."*

Книга меня ошеломила. Чем... это трудно сказать. Но надо добавить, что прочел я ее быстро.

В чем же была суть книги? Евреи.

Не надо думать будто я ни разу не слышал о загадочном ZOG, койя якобы уже давно опутал своими щупальцами весь мир. Нет - конечно слышал. Но и не верил - ну как эти чудики с пейсами и в лапсердаках могут такое повернуть? Куда больше много видимых проблем - те же гопники. Ну или террористы....

И тем более не надо думать, что я сразу поверил книге (пусть и хорошей) давно отправившегося в верхнюю тундру националиста. Но информацию к размышлению принял.

Скоро надо было идти на службу. Где меня ждал аврал....

## Липецкие леса. Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Не раз над вражескими ратями  
В огне клубились небеса -  
И на пути у неприятелей  
Вставали русские леса...*

То, что спать у костра "ащки" неудобно, Васька понял после первой же ночёвки. А эта была уже пятой с тех пор, как они "высадились" из управляемого странным мужиком, который обижался, когда его так называли, автобуса недалеко от Липецка.

Сейчас он почти жалел, что - когда они остановились на каком-то просёлке и дядя Женя высунулся в салон - он не согласился с его предложением. Спаситель негромко сказал глядящим на него ребятам и девчонкам:

- Слышь гаврики, и что вы типа рассосетесь по домам и все? А толку-то - небезопасно, все равно поймут да богатому пидарасу продадут. Кто хочет реально сделать так, чтобы этой поеб...ни больше не было - оставайтесь в автобусе, отвезу к нужным людям. Кто не хочет - я не держу.

С ним остались трое пацанов. Васька не остался... Бродяжный Васькин опыт - ещё в РФ - позволял жить - выживать, точнее - в городе. И сначала те из девяти ребят и восьми девчонок, которые выехали - спаслись - из РТН и высадились из автобуса, который канул в вечер, именно в Липецке и попытались остаться. Но очень быстро выяснилось, что это практически невозможно да и просто опасно - за беспризорными и полубеспризорными детьми, да и детьми из семей, охотились, как за дикими зверьками, все, кому не лень, от чудовищно расплодившихся маньяков до ООНовских "миссионеров". То подобие власти, которое ещё наблюдалось в Конфедерации, детьми и их судьбой практически не интересовалось - фактически бросило даже в том объёме, что наблюдался ещё недавно, в начале.

Кое-кто откололся - те, у кого был оставленный по глупости дом; решили добираться туда. Васька, попавший в невольные лидеры, их не удерживал. После того, как одну из девчонок схватили по время облавы и увезли, а двое мальчишек пропали без вести, пойдя на рынок подворовывать, кое-кто даже заскулил на Ваську, что он подбил всех удирать из Казахстана, а там, может, ничего страшного и не было бы?! Но на скулящих цыкнули все остальные - вера, что может быть всё, что угодно, любая гадость, оставалось единственным, что не вызывало у компании сомнений.

Вопрос о том, как жить дальше, возник как-то вечером, когда вся компания сидела в одной из комнат полузаброшенного металлокомбината, жгли костёр из разного мусора в сухом фонтанчике. Молчали, на огне закипал котелок, сооружённый из какой-то детали, найденной среди мусора. Кешка Козинцев, шурша полиэтиленом на сухой лапше, усмехнулся:

- Раньше за такую фигнюшку, - он стукнул лапшой по краю котелка, - рублей за пятьсот можно было сунуть.

- А сейчас покажись только - самого... сунут... - зло заметил маленький рыжий Олег Провоторов. Толчком ноги отправил в огонь обломок доски, едва не опрокинув котелок - Машка удержала рукой, обожглась, ойкнула и прошипела:

- Безрукий!

- И безмозглый, - ответил Олег. - Сволочи мы, ребята.

Это было несколько неожиданное заявление, и все уставились на Олега. А тот продолжал:

- Чего уставились? Все мы и есть сволочи, вот все вообще, ясно?! Гавно, твари...

- Ты не ругайся, ты толком объясни! - потребовал Васька. Олег снова подсунул - но уже спокойно - в огонь деревяшку и тоже спокойно продолжал:

- А нефик тут объяснять. Всё было. И всё просрали. Эту... страну. Вот.

- Ты, блин, как на этом... митинге говоришь, - сказал кто-то. Олег зыркнул в ту сторону:

- А чего ещё осталось. Только по помойкам митинговать. Раз свою землю проеб...ли.

- А много ты видал на этой земле? - буркнул Васька. Олег задумался. И признался:

- Ничего не видал. Только она всё равно была моя. **Моя**, понимаешь, Васён?

Васька хотел сказать, что не понимает. Но не сказал, потому что... не сказал...

...В тот вечер Васька не ложился долго - сидел у фонтана и курил. Олег тоже вроде бы сперва лёг, но потом появился из темноты, сел - и мальчишки долго молчали. Потом Олег спросил:

- У тебя батя ведь воевал? В Чечне? - Васька кивнул. - А я своего не помню, я с матерью жил. Потом она раком заболела... я раз - и уже на улице... - Васька молчал, все истории коротких жизней уже были переговорены, иные - и не раз. - Я вот думаю, думаю... Тот казак, дядя Женя... он откуда-то ведь и доверенность достал, и вообще. Васён, может, нам надо кончать тут сидеть?

- Перелезть сидеть в другое место? - усмехнулся Васька. - Какая разница?

- А тут сидеть - что высидим? - вздохнул Олег. - Сам видишь. Похоже, капец. Вообще всему...

- В монастырь, что ли, переберутся? - уже без усмешки спросил Васька. - Помнишь, говорили - в монастырях принимают...

- Все в монастыри спрячемся? - спросил Олег в упор. Васька опустил глаза:

- Не пойму, чего ты хочешь вообще.

- Я сам не знаю, - буркнул Олег почти зло. И резко добавил: - **Я так не хочу**. Понимаешь?

Как ни странно - Васька понял. И, подумав ещё с минуту, тихо сказал:

- Ложись спать, слушай...

...В ту ночь Ваське, задремавшему у погасшего костра, приснился странный сон.

Невероятно странный.

Невозможный.

Ничего не имевший аналогичного во всей его прошлой жизни.

Среди клубящихся туч вставало солнце. И прямо от него за край земли скакал огненный всадник. А женщина пела...

- Может, хватит, мужики, спьяну маяться

Да друг другу в кровь размазывать рожи?

Коли Матушка чумой в клетке мается -

Коль не мы - ответьте мне - **кто же?!**

Вольный ветер паруса надувает...

Слышишь песню светлой солнечной рати?!

Это **Арья** сыновей созывает!

**"Хватит спать! Вставайте, братья, вставайте!"**

И ты поверишь - знаю я! - коль отвечу:

Отчего *шакалы* люто завыли?!

То костры горят - **костры**, а не свечи!

От Царь-Киева горят - до Сибири!..

...Он разбудил всех ещё в темноте. И хмуро, но решительно сказал:

- Мы с Машкой уходим из города. Кто со мной?..

...Они ушли из Липецка на следующий вечер. Пятеро парней и четыре девчонки в возрасте 13-16 лет. Васька не знал, куда и зачем ведёт ребят, а в лесу потерялся мгновенно - но остальные по-прежнему считали его лидером и шли следом...



... - Мамааааа, простиии!!! - раздался в ночной тиши ужасный вопль, обрывая мысли о прошлом. Спавший по другую сторону костра мальчишка сел - тяжело дышащий, с огромными глазами.

- Спи, блин! - шёпотом крикнул Васька. И уже мягче добавил: - Спи, ну, слышь, Тим?

Тимка с шумным вздохом откинулся на общую подстилку, в кучу - так спать было теплее, а августовские ночи были уже прохладными. И очень...

...История Тимки была довольно обычной. Наслушавшись на уроках разговоров о "правах ребёнка", двенадцатилетний Тимка Ишимов, надеясь поменять мобильный телефон на новый, в титановом корпусе, донёс на родителей - мол, они не обеспечивают ему надлежащий материальный уровень. Свежеиспечённые омбудсмены отреагировали на следующий день. Правда, телефон родители Тимке не купили. Явившиеся две тётки (с милицейским патрулём) арестовали, скрутив, отца и мать, а Тимку, всего обласкав и обслунывав, с охами и ахами о "несчастном ребёнке" забрали в детский дом, где мальчишку старшие избили на вторую ночь, а на третью за драку шваброй он голышом попал в подвальный карцер, где всю ночь пришлось распугивать крыс. Но даже это не было ещё самым ужасным. Детский дом, с начала оккупации патронированный миссией UNRFR, напрямую поставлял - да и не скрывал этого - малолетних рабов на плантации в Мексику. Детей вывозили раз в неделю партиями по сто человек - якобы "на ознакомление с жизнью цивилизованного мира". Естественно, жизнь была такой классной, что все они совершенно добровольно оставались там, а фойе детского дома украшал огромный спешно сляпаный стенд, увенчанный заголовком "ОНИ ОБРЕЛИ СЧАСТЬЕ!", на котором мальчишки и девчонки улыбались на фоне субтропических ландшафтов. Правда, глаза почти у всех были обречённые и испуганные, но в глаза ещё надо было взглядеться, а стенд висел довольно высоко...

Бежать из детдома пытались многие. Тимка не знал - удалось ли хоть кому-то. По ночам территорию охраняли здоровенные кавказские овчарки, и пару раз детдом просыпался от истошных криков под окнами. Десятка два мальчишек и с полдюжины девчонок пропали по ночам. Тимка старался убедить себя, что большинству из них удалось-таки бежать. Хотя кто-то из старших говорил - причём не пугая младших, а в своей компании - что видел в сарае, где днём держали псов, человеческие кости.

Попадавшие в детдом домашние дети - а таких в последнее время становилось всё больше и больше - ломались почти сразу, не столько под прессингом старших, сколько от самих обстоятельств, в которых оказывались. Но Тимку старшие выделяли в числе немногих других - именно за то, что на вторую ночь успел, прежде чем его скрутили, помахать шваброй. И именно они подсказали, что бежать нужно с кухни через мусорник. Им самим было похрену - вывоз не грозил, возраст не тот, а в детдоме худо-бедно кормили и была крыша над головой. Тимка сперва побаивался, кроме того - не мог найти никого, кто согласился бы бежать тоже... но, когда понял, что подошла его очередь - рискнул.

И - получилось. Сперва Ишимов сунулся домой, но квартира была опечатана, и у мальчишки хватило ума не задерживаться, бежать тут же. Где искать маму и отца - он не имел ни малейшего представления. Как жить в городе - тоже не знал. По какому-то непонятному наитию он - городской житель уже в пятом поколении - убежал в лес. Оставаться на ночь на улице Тимка не мог, люди вокруг казались страшнее зверей, город стал чужим и пугающим, как из фильма ужасов...

...Тимку они встретили на вторую ночь - точнее - вторым вечером. Зарёванный, чумазый, оборванный мальчишка со здоровенной палкой куда-то шёл по еле заметной тропинке и, увидев старших ребят, шархнул в сторону, споткнулся, уронил дубину, упал и остался лежать. И поднял голову только когда присевшие рядом девчонки под гыгыканье развеселившихся ребят стали спрашивать кто он и не голодный ли он...

...Васька вздохнул и подбросил в костёр дровишек. Что делать - он не знал. В голове смутно теснились образы каких-то брошенных деревень, в которых надо зимовать. Но как

это делать в жизни - он знать не знал. А еда? Где еду добыть? И ведь с ним были те, за кого - никуда не деться - Васька отвечал... Кроме того, парня дико раздражала мысль, что опять придётся прятаться, бегать, скрываться - **на своей земле**, сколько можно?! Это никак не соотносилось с тем сном, который он видел в Липецке - и который потихоньку считал вроде бы как вещим, что ли...

Откуда взялся старик - Васька так и не понял. Даже думал, что задремал у огня и видит сон. Вот только что никого не было напротив - и вдруг сидит у огня тощий старик с прокуренными усами, в куртке, похожей на мешок, с ружьём между колен. Васька моргнул несколько раз и огляделся. А дед доброжелательно сказал, поднеся тлеющую на конце веточку к толстенной самокрутке:

- Вечер добрый.

- Д... добрый... - пробормотал Васька. - А вы кто?!

В какой-то миг он почти ожидал услышать: "Леший," - или как там называли того, кто живёт в лесу, Васька плохо помнил сказки. Но старик вполне обыденно представился:

- Зови дед Илья... Что ж вы так ночёвку-то не по уму разбили? И старшие где? Или одни?

Васька опять огляделся. Нет, вроде бы старик один...

- Мы из города, из Липецка, - буркнул он. - Убежали.

- От этих? - старик повёл головой. Васька кивнул. - И чего делать думаете?

- Не знаю, - честно признался парень. И посмотрел на старика с надеждой - ведь он же взрослый, он должен знать, что делать! Больше всего в этот момент Васька боялся, что этот леший уйдёт - и оставит его с неподъёмным взрослым грузом неразрешимых проблем.

- Мы вот тоже убежали, - старик затянулся (Ваське жутко захотелось курить, но попросить он не решился). - Двором целым... из Грязей. В лесу живём. Охотников мало, молодой народ дурной, палить умеют, а всё без толку, вот я и хожу... Ты вот что. Ты давай своих поднимай, да и пошли к нам. А то осень будет - и вам с такой жизнью хоть в петлю.

Васька на миг прикрыл глаза, переживая то, что можно было назвать лишь облегчённым полуобмороком...

### **"Гунн". Республика Тюркских Народов**

Когда Батырбай Султаев учился в русском университете - еще при СССР - то он русских недолюбливал. Смешки над именем - смешки над народностью... над обычаями.... Батырбай всегда был националистом.

Когда СССР взял да и ахнул в сортирную дыру - он сначала даже порадовался но потом... потом родной колхоз "Кунанбаев" разорился. От деревни остался жалкий ошметок. И остался Батырбай со своим дипломом агронома никому нахрен не нужным.

Немного положение поправилось, когда уже ничейную землю колхоза, выкупил некий оралман, вернувшийся из России на историческую родину. Быть может, окажется этот оралман одним из "новых" казахов - то скорее всего дипломированный агроном бомжевал бы. Так же...

- Вот скажи мне Батырбай - чем был плох СССР? - у Олжаса Елижановича было богатое поместье в степи. Благо, можно было его отлично содержать - Сауранбаев Олжас (ранее, в определенных кругах известный как "Гунн") получал солидный доход с нескольких супермаркетов в Алматы.

Поместье в самом деле было роскошным - очень похожее на дворцы султанов из арабских сказок. Разве что полумесяцев над куполами не было.

Однако зашедший за высокий забор обыватель удивился бы не столько красивому дому, сколько стоящей за огороженным забором юрте.

- Так чем был плох СССР?

- Ничем, Олжас... - агроном, а ныне просто рабочий вздохнул  
- Ничем. Главное слово. НИ-ЧЕМ. Ты учился в русском университете - я тоже имел такую возможность... однако предпочел пойти по иному пути. - Олжас погладил клиновидную черную бородку, приятно сочетающуюся со смуглым лицом

- Но как же все это! - Бартырбай, обвел сморщенной от солнца и работы рукой кошму, через пару дырочек в которой виднелась кирпичная стена особняка.

- А что это? Деньги - тлен. Ты думаешь, что моим помогли все эти врачи-хуячи, кутак барасын... когда авария была? Нет. Я сотни тысяч перед самыми лучшими хирургами выкладывал - все качали репами - нет-нет, не будем-не будем.... - невысокий, возлежащий на нескольких шкурах человек в красном бархатном халате немного привстал и продолжил уже с повышенным жаром - Я деньги клал перед кем мог. И что?

...Когда-то Олжасу "Гунну" тоже было 25 лет. И, как подобает казаху, он уже был женат. Жена, два сына, дочь... у казахов приняты многодетные семьи.

Ему говорили: "Поостерегись, Гунн, не надо, повремни...", - за ним много кто охотился. Но Гунн доказал что Гунном его зовут не зря - устроив небольшую резню... не будем говорить - где.

Однако, высшие силы показали, что не стоит гордиться победами... во время одной из поездок в Крым машина Гунна с семьей наехала на небольшую колдобину. Машину закрутило - и отправило в подворотню, уже там она несколько раз перевернулась - и напоследок врезалась в стоящую будочку поста ГАИ. У Олжаса - ни царапины. У жены Айгуль, сыновей Марата и Тохтара - множественные повреждения внутренних органов - до смерти пара волосков.

Как уже говорил сам Гунн - он бегал где только мог. По больницам. Когда не помогло - по мечетям. Ездил в Мекку - клал там огромные деньги.

Но ничего - умерла жена. Врачи дали неутешительный вердикт - к исходу месяца (а было 27-е ноября) дети точно умрут. Гунн запил.

И вот, спустя сутки, опухший от потребления водки Олжас появился в известное ему святилище Тенгри - пещеру с плоским камнем, и нарисованным на нем солнцеголовым человечком. Пьяный в стельку Гунн выгнал из пещеры гида и начал долбить камень кулаками, крича все известные ему ругательства. В конце концов он упал и потерял сознание... после чего привиделся ему сон...

*Старик с небольшим посохом сидел на этом самом камне и, улыбаясь, смотрел на пьяного казаха. "Чего пришел, бала?" - ласково сказал он. Олжас не обратил внимания, что его называли "бала" - то есть мальчишкой. Тряся руками, он прохрипел: "Детей... детей верните... прошу, не дайте умереть! За что?" Старик снова улыбнулся и огладил щетинистый подбородок: "Бала, так за грехи отцов всегда страдают дети. На тебя ТАМ-старик ткнул пальцем в потолок - уже сабли точат. Так не удивляйся, бала, что искры на детей падают" Олжас сморгнул. Олжас опешил: "Но как? Почему? И..." - он не договорил. Старик перебил его: "Бала, ты сам назвал себя Гунном и сам пошел по этому пути". После чего, снова ласково и одобряюще улыбнулся, и тронул Олжаса посохом по виску. Олжас проснулся...*

Проснулся в вытрезвителе - и первым, что он увидел на выходе - это отраженная в дождевой луже проплешина. На виске. Там, куда ткнул посохом старик....

Олжас свернул все преступные дела - по мере сил и возможностей начал выходить из этой сферы. После чего постепенно перевел большую часть своих денег в драгоценности и ценные бумаги - на предъявителя.

Нет, сразу чуда не произошло, и сыновья не поднялись с больничных коек - однако критический порог длиной в три дня был преодолен и состояние сыновей вошло в затяжную стадию.

Сыновья выжили.... С нехилым истощением организма, небольшой дистрофией - но все же. И они были очень удивлены, узнав, что их отец изменился....

Гунн стал Гунном в прямом смысле слова...

... - Деньги - это тлен. - согласно кивнул Батырбай - Но без них - никуда. Тем более сейчас. Олжас, скажи, почему ты ничего не делаешь?

- А что я могу сделать? - Гунн улыбнулся - У меня много денег. Даже очень много. А что мне они дают? Только относительную безопасность - заокеанские чиновники берут взятки точно так же как и наши, только больше. А так... я еще бессильнее многих. Мне не спрятаться.

И в этом он был прав. С началом оккупации на него пытались было зариться люди. Разные - большие и маленькие.... Помогали и деньги и знакомства. Именно поэтому миллионера, чьи сыновья живут в юртах и охотятся на лис дедовскими способами - стали считать просто чудачком. Одним из многих. Олжаса это вполне устраивало. С дурака спрос меньше.

Молча попивая сделанный своими руками кумыс, Гунн лениво думал... обо всем. Но больше - о положении в Казахстане. Ведь Гунн вполне имел возможность улететь куда-нибудь... хоть в ту же Австралию, да жить там припеваючи. Климат, конечно, не такой, но чем хуже? Ничем.

Но почему-то улетать никуда не хотелось... Даже больше - хотелось заплатить кому-нибудь, и сколько угодно, чтобы снова появился Назарбаев - чтобы собрали ополчение, чтобы оккупантам дали отпор.... Вот только некому платить. Некого собирать. Нечем вооружать....

Мысли Олжаса прервал нарастающий звук двигателя - и сухое шипение тормозов, за забором. В ворота судорожно застучали.

### Дер. Чистое. Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Вставайте, люди русские,  
Вставайте, люди вольные,  
За отчий дом, родимый край!  
Живым бойцам - почёт и честь,  
А мёртвым - слава вечная!  
На Святой Руси, на родной Руси  
Не бывать врагу!  
Поднимайся-встань, Мать Святая Русь!*

*Х/ф "Александр Невский"*

Проблема в том, что к ним привязываешься.

Верещаев имел в виду мальчишек. Своих мальчишек, как он их называл. Эдьку, Петьку, Димку, Юрку, Илюшку, Никитку. Это из старичков. А ещё Игорёк, ещё один Димка, и третий Димка, и тёзка-Олег, и Санёк, и Иринка, и Тома - это уже "здешние", прибившиеся... Своих нет - привязываешься к чужим. А потом оказывается, что - война, и история стара, как мир: ребёнок пройдёт, пролезет, пронырнёт там, где взрослому сразу хана.

Для себя Верещаев решил: как только наладится система агентуры - все эти разъезды и ходьба несовершеннолетних прекратятся. Хватит играть в пионеров-героев. Из "советского пантеона" - двадцати четырёх самых знаменитых пионеров-героев - погибли восемнадцать, Верещаев это хорошо помнил.

Но это он решил **для себя**. А умом понимал, что - нет. Не получится так. Да и какой смысл в этом, если детей не спрятать даже в тылу - нет его, этого тыла, хоть самого плохонького, голодного и холодного? И настанет день, когда ему придётся узнать о первом из погибших мальчишек. И чем тогда оправдывать себя? Или и не нужно никакое оправдание и всё так и должно быть в такое время?

Был уже третий час ночи, но он не спал. Сидел и вспоминал первого из отправленных...

...Петька был его учеником - в школе. В каком-то смысле - его крестником; четыре года назад... да, четыре... Верещаев вытащил Петьку и его брата, Димку, из воронежской беспризорщины - голодных, злых, никому не верящих - и уже почти поломанных, балансирующих на самом краешке, на тоненькой ниточке остатков мальчишеской гордости и храбрости. И опять ужаснулся - в тысячный раз! - сколько таких вот ребят - умных, талантливых! - пропадают на улицах "выбравшего демократию" государства. Но он никогда не считал, что сделал что-то необычное. Он просто так жил. Сколько раз над ним насмеялись! Какие слухи распускали про него... Как не верили, что тут нет никакой корысти. Считали дураком, провокатором, извращенцем...

#### **А он просто так жил.**

...Когда братья отправились с ним сюда, Верещаев удивился, если честно. Он не мог понять, чем заслужил такую верность. Да и не особо старался вникнуть, если честно - в последнее время появилось, буквально рухнуло, столько дел... Когда встал вопрос - Димка Ярцевский, князь, чтоб его, поставил этот вопрос ребром и на дыбы - кого отправлять выяснять проблему с накопительными лагерями для детей - он долго думал, перебирал, прикидывал. Тоже была ночь, точнее - поздний вечер, тёплый и тихий. Он долго бродил за околицей, пока не промок насквозь от вечерней росы, а из низин не пополз туман. Дав здорового кругая по холмам, Верещаев спустился в ложок, перебрёл его по мосту и остановился. Задание было тяжёлым (слова "смертельно опасное", "невыполнимое" он старался не употреблять, дистанцироваться от их смысла). Нужен был подросток - умный, ловкий, храбрый, с быстрой физической и психической реакцией, мотивированный... Таким условиям отвечали многие из его ребят. Но именно это и затрудняло выбор. Он не представлял себе, как будет приказывать такое. Ведь это... Своим ребятам Верещаев никогда не врал. Но сказать **такую** правду... отправить фактически **в никуда**?

Он досадливо помотал головой, прогоняя эти мысли. Хорошо командовать дивизией - можно давать любые задания, не видя в лицо тех, кем командуешь...

Верещаев прошёлся по мостку туда-сюда. Решительно пересёк его (чудились какие-то звуки), поднялся на склон и остановился.

На гранитном валуне - одном из тех, которые притащил сюда в незапамятные времена ледник - удобно сидели Петька Зубов и две девчонки из местных, его ровесницы. Рядом на камне стояли три пары кроссовок. Вся троица прерывисто хихикала и обменивалась какими-то обрывками реплик. Связдо говорить или просто связдо хихикать у них не получалось, так как Петька ухитрялся одновременно целовать взасос обеих и активно шарить руками под джинсовыми юбочками и в вырезах блузок. Девчонки в долгу не оставались. Ясно было, что все трое в восторге.

Мда, подумал Верещаев. Интересно. Вот и вся война - кому она сдалась, когда тут **такое**?

Выждав, пока всё это безобразия перейдёт в активную фазу раздевания, Верещаев подло и рассчитано хмыкнул.

- Ой! - хором пискнули девчонки и прыснули в темноту, на ходу пересмеиваясь и пытаясь привести себя в порядок. Через две секунду одна вернулась, подхватила кроссовки и, выдав: "Извинитееее!" - канула в ночь окончательно.

- Уй! - вякнул Петька, стремительно краснея и застёгивая штаны. - Уй-а!!! - издал он негодующий вопль и подскочил, дёргая "молнию" обратно.

- Что такое? - ласково осведомился Верещаев.

- Прищемил, блин, - плаксиво ответил Петька. - Больно же!

- Представляю, - согласился Верещаев.

- Это из беженцев девчонки, - зачем-то пояснил Петька, забираясь на камень с ногами.

- И давно у тебя с ними? - поинтересовался Верещаев. Петька сделал честные глаза:

- Только сегодня познакомились. Мы с дядей Игорем дом там чинили... - он неопределённо махнул рукой. - А они помогали.

- А теперь ты им решил помочь стать мамами? - уточнил Верещаев. Петька пожал плечами:

- А чего?

- Да в том-то и дело, что я не против... - Верещаев сел на край глыбы.

**И всё решил именно в этот момент...**

...Петька выслушал Верещаева спокойно, только немного побледнел - стало видно в темноте.

- Страшно? - спросил Верещаев. Петька помотал головой и искренне ответил:

- Нет. Просто... волнуюсь.

- Пойдёшь? - вздохнул писатель-разведчик. - Я не приказываю, ты не думай...

- Пойду, - ответил тихо мальчишка.

- Не ходи, - попросил вдруг Верещаев. - Не вернёшься.

Петька промолчал. Молчал и Верещаев, и туман полз из низины длинными осторожными языками, светился в темноте, замирал, крутился спиралью, полз снова... В той стороне, где был Воронеж, царил темнота - наверное, опять вырубили электричество, его подавали теперь по пять-десять часов в день. Потом за спинами людей хрустнула ветка и послышалось унылое: "Сплюууу... сплюууу..." - совы-сплюшки - и Петька повернулся на камне:

- Помните, - сказал он тихо, - как там пелось? "**Мой стяг был выше вражьих стягов на целый миг!**"? Вот так.

- Ты романтик, мальчик, - ответил Верещаев и ссутулился.

- Нет, - возразил Петька почти холодно. - Я помню, как это - грязь и холодно спать в переходе, Ольгерд... - он назвал своего бывшего учителя по имени. - А теперь подумай сам - могу ли я хотеть, чтобы вся страна стала таким переходом... заплёванным и в рекламных объявлениях, на которые глядишь - и от тоски хочется выть.

Верещаев прикрыл лицо руками. Мальчишка пересел ближе и продолжал:

- Я пойду. И я постараюсь вернуться. Я очень постараюсь.

- Очень малы шансы, - глухо ответил Верещаев. - Очень долгий путь. И очень нужно сделать это. Очень, Петь... **Очень.**

- Русские играют только с малыми шансами, иначе скучно, - ответил Петька и шкодливо улыбнулся в тридцать два зуба в ответ на взгляд отнявшего руки от лица взрослого мужчины. - Я пойду и вернусь. И я узнаю, что там и как. Может, нескоро, но я вернусь, Ольгерд... - он встал на камне и протянул руку к слабо светящемуся небу. Сказал вдруг просто и без пафоса, как о естественном: - Я бессмертен. Разве нет?..

...Я не знаю, подумал Верещаев хмуро, играя на столе карандашом. Я не знаю. Я не знаю даже, жив ли ты. Я каждый раз, отправляя кого-нибудь, не знаю, жив ли он. Или она. Но твой путь особый - несколько тысяч километров по стране, где всё рушится и валится и для многих ты - цель. А в конце пути - лагерь, из которого ещё надо будет выбраться **потом.**

В штабной избе сидели Ярцевский, Ментило, Прохоров, Земсков и Верещаев. Федосов был на патрулировании, Пешкалёв ещё не вернулся из своей загадочной московской поездки. Кроме этих пяти человек тут же присутствовал Шукаев - мэр Воронежа приехал ещё с утра, ничего никому не объяснил кроме Ярцевского - и теперь пришёл на совет, как будто так и надо.

Говорил Ярцевский. Почти всё из сказанного им Верещаев знал, потому что именно его люди - дети и взрослые - добыли эти сведения за последние две недели. В голове безостановочно и нелепо крутилась строфа из песни Щербакова:

*...Помнишь кофейню в Сохо?*

*Конечно, помню - да толку что?*

*Рыба, мне очень плохо.*

*Мне даже хуже, чем только что...*

- и с ней ничего нельзя было поделаться, не вытолкнуть из мозга...ский. почти ак вского - и ев - мэром своей загадочной поездки.

- Итак, что выявлено? - говорил Ярцевский. - Во-первых, это ликвидация остатков промышленности, кроме добычи сырья. Как основание подаётся, что промышленность у нас "грязная". В принципе, любой труд руками - даже школьная мастерская - попадают под негласный или гласный запрет. Во-вторых, передача под управление ООН портов любого транспорта, почти всех месторождений полезных ископаемых, запасов пресной воды и леса и так далее - вплоть до запрета русским там появляться иначе как в качестве рабочей силы; постройка селтльментов для иностранных специалистов. В третьих - территориальный развал России, новая "раздача суверенитетов". В четвёртых - охота на детей, на души и физическая - комендантский час с 8 вечера до 7 утра, в случае его нарушения - санкции вплоть до "изъятия ребёнка из семьи как не справляющейся с обязанностями по воспитанию человека нового общества", обязательные экзамены по психологии и английскому языку для родителей. Лагеря по вывозу детей созданы здесь... здесь... здесь, здесь и здесь... - он черкал по большой карте, занимавшей половину стола, - их наполняемость в общем - до пяти миллионов мест. Вот тут, тут и тут созданы концентрационные лагеря для неугодных новой власти, наполняемость - до трёх миллионов мест. Остановить окончательный распад России на два-три десятка "княжеств" мы не в силах, такова реальность. Это тёмные места. Светлые - что все программы, в которых нужно хоть какое-то участие местных, пробуксовывают со страшной силой. Фактически запустить их можно только силой - но собственных сил у нового правительства нет, а оккупанты не рвутся помогать решать внутренние проблемы - они своё получили. Кого набрали на службу? Откровенных ворюг или бездарных молокососов, выращенных "в борисняке" или "в путинке". Или - чаще - сочетание и того и другого. В принципе, я думаю, через годик все программы просто забуксуют окончательно, и наши благодетели плюнут на русский народ, ограничив своё пребывание теми же селтльментами и экономическими зонами.

- Вариант Африки? - хмуро спросил Ментилю.

- Да, но с одним "но". Русские - не негры. Я почти уверен, что в этих условиях все наши дремлющие качества проснутся сами собой, - твёрдо сказал Дмитрий.

На Ярцевского поглядели все сразу, только Верещаев играл карандашом. А Ярцевский продолжал:

- Задача-минимум. Опираясь на указанные ранее пункты базирования - здесь, здесь, здесь, здесь и здесь - взять под контроль территории в Воронежской, Тамбовской и Саратовской областях. Губернаторов у соседей просто ликвидировать, на их место по возможности поставить наших людей, если невозможно - пусть лучше пустуют места. Вести дальше работу по агитации переселения в сельскую местность; за последние три недели из городов в воронежских краях ушло до 200 тысяч человек. Тишком, но неуклонно. ООН этому не препятствует.

- Идиоты, - хмыкнул Земсков.

- Нет, не идиоты. Просто они не в силах понять, что происходит и им кажется, что русский народ просто смирился... Далее и последнее - заставить пришельцев держаться только в зелёной зоне и селтльментах. Там их не трогать. Но и оттуда их не выпускать. Причём акции маскировать, как и ранее, под бытовуху и бандитские разборки.

- По моим данным, сейчас в наших местах не меньше пяти-шести тысяч человек готовы сопротивляться активно, с оружием в руках, - сказал Верещаев, стукнув торцом карандаша по столу. Повторил это снова и снова, потом бросил карандаш.

- Организуем в деревнях отряды самообороны, - предложил Ментилю. - Под тем соусом - что против самих себя. А в деревни, что в глухих местах, никто за объяснениями и не приедет.

- Не приедет, - подтвердил Шукаев. - Вообще, молодые люди, насчёт губернаторов можете не оболащаться, власти у нас почти никакой. И вообще... - повторился он и задумался.

мался. Все ждали. Шукаев явно решил: - И вообще мой прогноз такой, что скоро власти на территории России настанет конец как факту. Людям она практически не нужна, ООН тоже может без неё обойтись. Так что... - он не договорил и снова умолк, думая о чём-то своём - явно нерадостном.

- Основной внутренней проблемой является катастрофическая нехватка средств, - продолжал Ярцевский. - Денег у нас почти нет. А какие есть - в любой момент могут... что там такое?!

В смежном помещении послышался шум - и в комнату вошёл Федосов. Он был щетинист, мокр, грязен и устал, но широко улыбался.

- С патрулирования? - оживился Ярцевский. - Между прочим, этот полковник, которого твои ребята привели...

- К чёрту полковника, - проникновенно ответил Федосов и грохнул на пол свой рюкзак. Именно грохнул, хотя рюкзак выглядел практически пустым. Пол гулко ухнул. Федосов присел, раздёрнул завязки. Оглядел всех. И вытолкнул на пол брусок золотистого металла.

- Это что - золото? - спросил неверяще Прохоров.

- Нет, это я кусок свинца выкрасил - приколоться, - не без яда ответил Федосов, вставая. - Этого добра у нас теперь - порядка тысячи тонн. И ещё кое-что есть.

В общей тишине стало слышно, как на улице орёт Арт:

- Сахар! Са-хар, блинннн! Крысу покормили, вы?!

### **Разные люди Республика Тюркских Народов**

Иван никогда не понимал, что батька с мамкой забыли в ауле. Нет, формально, конечно, деревня... но неформально аул - это понятно и идиоту.

Хотя, надо сказать, что жилось тут неплохо - во всяком случае, Иван Сергеев, 13-ти лет отроду, вполне был доволен жизнью. Да, разнообразия мало, степь - но речка рядом, земля хорошая... да и скакали ли вы когда-нибудь на коне во весь опор? Когда за километр видна одинокая травинка на горизонте, и ни единой преграды - только ты и конь... нет? Тогда вы многое потеряли - и не надо хаять степь.

В школу, конечно, приходилось ездить в ближайший поселок Алабас, но сейчас лето, каникулы, и вообще....

Итак - Ваня сидел на небольшой коряге, что удачно выполняла функции трамплина над речкой, и смотрелся в... ну, сказать, что в зеркально гладкую поверхность воды - значит соврать - ведь неподалеку купались несколько друзей Ивана. Но все таки это не мешало речке выполнять функции зеркала. Итак - 13-ти летний отрок с любопытством обозревал себя. Светлые, даже очень, короткие волосы. Ясные голубые глаза. Узкий нос. На фоне не слишком большой упитанности тела, это делало Ивана похожим на какого-нибудь маленького принца из книжки. Ну или на пай-мальчика. С виду.

На самом же деле, такую бестию надо было еще поискать! Драчливый, задорный.... Хотя, это скорее всего, он подчёрпнул от общения с казахским населением - и нельзя сказать что это плохие качества.

Итак, продолжим.

- Ванька, ныряй! - смуглый Жандос, кинул загрёбённый со дна реки комок ила в Ивана.

Тот увернулся, подскочил - и, разбежавшись, прыгнул с коряги.

- Уе-е-е-е-е-с! Получи! - упав животом на воду, светловолосый мгновенно нырнул глубже и спешно нащупал и дернул ногу казаха.

- Ах ты....

Потихоньку купание переросло в шуточную потасовку, в которой уже участвовали все. Пятеро человек - включая двух уже описанных мальчишек.



И пока они дерутся (а после этого еще и, ругаясь, отмываются от липкого ила), надо рассказать о семье Ивана и вообще о деревне Алоевка .

Когда-то давно, еще во времена СССР, жила в деревне семья Сергеевых. Семен Сергеев - ветеран Великой Отечественной, Мария Сергеева - его жена и Федор Сергеев - дитя этого брака. Поздний, к слову говоря, ребенок.

Нельзя сказать, что деревня была такой уж развитой и большой - но школа, клуб и магазин там имелись. В общем, неплохо жилось, что тут сказать?

Продолжим. Федор вырос, хорошо окончил школу. И уехал в город - учиться. На астронома. Его всегда привлекали звезды. И несмотря на то, что его родители были более прагматичны (шел бы в техникум - да оставался в деревне!), они не стали ему мешать. А что такого? Возможности есть - желание есть... флаг в руки сынок!

И, возможно, он бы доучился - но наступили смутные времена, великую державу СССР разорвали на куски. Причем не столько враги внешние, сколько внутренние....

Институт был закрыт - ибо разорился. Федор, помыкавшись еще в городе, устроился в техникум - и стал слесарем, после чего уехал в родной поселок. Наверное, это было и к лучшему, ибо, несмотря на "неказистую" с точки зрения городских, работу, Федор все-таки нашел свое счастье. Женится, вел хозяйство. Потом родился сын....

К тому времени деревенская школа была закрыта. Но, благо, до поселка было недалеко - поэтому стремительно росший Иван Федорович Сергеев получал неплохое даже в демократические времена, образование. Ибо в Казахстане - многие части этой системы взяты от "тоталитарного" СССР...

...Уже отмывшийся (с трудом!) от липкого ила, Иван вышел на берег и наскоро начал растираться полотенцем.

- Ты чего, Ванек? - крикнул с середины речки, мелкий (как по росту так и по возрасту) Жанболат.

- Домой иду! - так же громко ответил натягивающий на себя старые штаны Иван.

- А че так?

- Дрова пилить надо!

И, с трудом одев на мокрое тело майку, он сунул ноги в тапки-сланцы, помахал рукой друзьям (увернувшись попутно от куска ила), и не спеша потопал к хорошо видимым домам.

О чем может думать деревенский мальчишка 13 лет? О девчонках - ну куда же без них-то? О работе - ну-у-удно, поскорей бы закончить. О каникулах - шли бы подольше....

Не о наркотиках - а зачем? Не о "сексуальной свободе" - а что в этом хорошего... да и что это вообще такое? Не о недавней бомбежке... - побомбили-прекратили... ничего не изменилось - по крайней мере сейчас.

Недалеко от деревни Ивану пришлось сделать крюк - стадо обогнуть. Да и не хотелось лишний раз видеться со стариком Серкебаевым... умный старик. Иногда интересные вещи рассказывает. Но строгий такой - чуть что, сразу за хворостину!

Под воздействием этих воспоминаний, у мальчишки зазудело... в общем зазудело то место, которое с темных времен используется родителями, как объект наказания ремнем. В этом случае - хворостиной и от старика. Дело в том, что он умудрялся выращивать на диво вкусный крыжовник....

Не утруждая себе открытием калитки (попросту перелезая через нее), Иван почесал ногой бок разлегшейся на солнышке собаки Кутьки и зашел в дом.

- Ма-а-а-ам?

Ответа не последовало.

Иван пожал плечами и пошел к холодильнику. В принципе, отсутствие мамы было даже к лучшему - можно руки не мыть... все равно же пачкаться? Из холодильника он достал кувшин с молоком и уже порезанный хлеб в пакете. Взял один кусок - налил полную кружку. С аппетитом выпил молоко, вприкуску с ломтем. И пошел работать.

Как уже говорилось, Иван не зашел помыть руки (на что свято надеялась слегка наивная его мама), и поэтому не увидел записку "Ваня, помойся, оденься в чистое и сиди дома!! Отдыхай!! Это очень важно!!!".

Но не будем.

Вообще - наш герой прекрасно понимал, что вся работа по дому идет ему на пользу, рос он отлично - и сила была неплохая для его лет.... Но все-таки, скучно работать, когда друзья купаются на речке - играют в "казаков-разбойников" и вообще занимаются всякими интересными делами....

- Постараюсь допилить до вечера... - буркнул Иван доставая подвешенную под потолком сарая ножовку. - А то не дай бог не успеть....

Вечером планировалось пойти в степь на всю ночь - печь картошку, пить "черный" кумыс (пьянит как пиво - с трудом удалось достать) и играть в карты (что не одобрялось родителями). Ну а что в этом такого? Кто не делал что-либо в этом роде?

Скоро заболели руки - Иван пилил обоими попеременно. Все-таки физическая работа укрепляет....

Первым делом, наш герой решил распилить гнилые доски, которые остались от разобранного старого туалета. Потом уже - ветки деревьев. В самом конце же - здоровенное бревно сантиметров 50 в диаметре - которое сначала надо было распилить, а потом порубить на чурочки.

В общем, совокупность жаркого дня, пыли, летящих опилок и прочего мусора, сделали свое грязное, в прямом смысле слова, дело. К моменту начала распиливания бревна, Иван был похож на провалявшегося в грязной канаве алкаша. Потный, грязный, дышит тяжело и с натугой... разве что водкой не несет.

Бревно как назло оказалось хорошим - поэтому за 10 минут, Иван распилит всего лишь жалкую половину первой части.

- Ффух... - было очень трудно разлепить покрасневшие от натуги пальцы, однако это удалось. Легкое упражнение, сжать-разжать кулаки - и все прошло.

Внезапно ушей мальчика достиг мягкий гул мотора и тихий звук тормозов возле ворот. Тоненько взлаяла Кутька. В ворота стукнули.

- Иван открой! - голос явно принадлежал маме

- Бегу! - ответил ей тот, удивляясь тому, что она на машине. Откуда? Кто подвез?

Над воротами была видна серого цвета крыша джипа незнакомой мальчику марки. Так же виднелась верхушка песочного цвета каски.

Иван загнал Кутьку в конуру, резко открыл ворота и тут же смутился - на грязного, потного и неприятно пахнувшего мальчишку уставилось аж пять пар глаз.

Первая пара принадлежала собственно маме мальчика - невысокой, примерно метр семьдесят, с очень светлыми волосами, серыми глазами, и мягкими, жестковатыми лишь к глазам, чертами лица.

Обладательница второй пары была мулаткой - с коричневыми волосами, глазами цвета очень крепкого чая и неестественно пухлыми губами, с небольшой родинкой над ними. Ростом она была еще ниже мамы, примерно на полголовы.

Три остальные пары глаз принадлежали трем солдатам, похожим на надутые куклы - их толстила форма, такую же Иван видел в кино. Лиц было не разглядеть - даже на руках были перчатки.

Мулатка посмотрела на мальчика брезгливо и как-то... как на товар. Или на мелочь, не достойную внимания Ее Величества.

- Ш-што мы ст-тоим? - тягуче с акцентом процедила она и первой вошла в дом. За ней пошли двое солдат (аккуратно держа дистанцию за мамой Ивана и им самим), один - видимо, водитель - остался у джипа.

- Ма-ам... а кто это? - шепотом спросил Иван

- Т-с-с... Ты почему записку не прочел? - так же шепотком ответила она

- Да что я... ну спешил ну... ну...

- Тихо! Надеюсь, все пройдет хорошо....

Что хорошо - как хорошо - Иван не понял. Но спросить не решился, мама выглядела очень встревоженной.

Зашли домой... мулатка пробежалась глазами по разбросанным старым кроссовкам Ивана и достала из небольшой сумочки планшетики и карандаш. Черкнула что-то на планшетики.

Идя мимо кухни, так же цепко и быстро увидела крошки хлеба на столе и стакан из под молока со следами грязных пальцев на нем. Снова черкнула в планшетики.

Зашла в зал, в другом начале которого стоял не новый телевизор "LG" на небольшой подставочке. Сразу от подставочки, начинался старый, но красивый и чистый ковер. У стены стоял стол и два кресла - напротив них, у другой стены располагался диван.

Снова несколько чирков в планшетики.

- Малтшик, сядь тут. Миссис, начнем.

Двое солдат чинно вошли в зал - один остался с Иваном, а второй вышел вслед за его мамой и мулаткой с планшетиком.

Оставшийся в зале солдат молчал, иногда лениво встряхивая ногами.

Первым не выдержал Иван:

- Дяденька, а что это у вас за автомат? Я такой в фильмах видел, и в "Контр Страйке" когда в городе был, интересно....

Тот даже не шелохнулся в ответ - по бледным щекам стекали капельки пота, руки судорожно сжали легкий, похожий на странную игрушку, автомат.

Иван хмыкнул и пожал плечами - ну не хочешь разговаривать - так не надо.... В соседней комнате слышался частый мамин говор - и ленивый акцент мулатки... мальчик не прислушивался к этим разговорам - дела родителей это дела родителей.

Было душно - как-никак окна были закрыты, к духоте примешивался неприятный запах пота, того, чем чистят ботинки, солдатской формы.... Иван спрыгнул с дивана - и пошел на кухню, попить.

- Stop! - солдат резко схватил того за плечо - и толкнул к дивану. - Sit.

- Чего? Да я пить хочу!

В ответ лишь дернулся автомат - его дуло стало указывать на тот же диван.

- Да вы чего блин, одурели что ли? Ма-а-а-ам!

Как назло, еще три дня назад Ванькиного отца зачем-то отправили в Алабас - Иван не знал, зачем - да отец и не распространялся - сказал пару слов маме и уехал.

- Ваня, пожалуйста, посиди молча, так надо!..

... - Пошшалуй все, - мулатка снова черкнула что-то в планшетики...

- Так что? - Сергеева Виктория Алексеевна, мама Ивана, сама не заметила, как ее ладони сжались в кулачки, пальцы побелели от натуги - Что вы решили?..

... Вообще это была долгая история.

Виктория Алексеевна работала зам. директора клуба - ну и, негласно, конечно, секретарем. С момента переименования Казахстана в РТН - ее уже больше пяти раз вызывали в районный акимат - по всяким вопросам. Очень много раз приходилось заполнять новомодные анкеты, начиная от тем "Ваша работа" и кончая темами "Ваши сексуальные предпочтения" - уж такой откровенности воспитанная еще при СССР Виктория не понимала. И даже пару раз отказывалась заполнять анкеты (иногда доходило до криков), однако как-то раз близкая ее подруга, уже прошедшая все анкетирование, потихоньку шепнула Виктории: "Да ты не кобенься - от этого же зависит отношение к тебе и к детям....". Пришлось проглотить обиду - и покорно заполнять все....

И вот один раз после очередного вызова в акимат - ей всучили в сопровождение трех солдат и эту мулатку - мисс Роситу Амадрилос. Объяснялось это проверкой дома и семьи - подходит ли она ребенку и хорошо ли ему живется.... В этом вопросе бунтовать Виктория не смогла. Опасно. Для настоящей женщины - дети дороже жизни. Стоит ли судить ее за банальную осторожность?

... - Шшто я решила? Пока ешше не все. Я долшна поговорить с ребенком. Но ф лю-бом случае, я приму меры лишь для его пользы.

Каверзный ответ. **Методы совести - и методы закона - чаще всего враждуют....**

...Иван сидел в зале, как будто лом проглотил.

- Ма-а-а-м, я пить хочу.... - тихо сказал он, глядя на маму

- Потерпи немножечко, сейчас тетя задаст тебе несколько вопросов - и все будет в порядке.

Мальчик вопросительно и с любопытством уставился на мулатку.

- Малтшик, ответь, потшему ты так волнуешься?

- Пить хочу как бы.... - ответил Иван, который в самом деле волновался - знаком это-го было добавление "как бы" где надо и где нет.

- А потшему ты хочешь пить?

- Ну как бы устал, работал много, да и вообще....

- Работал?! Тфоя мама заставляла тебя работать?! - мисс Росита внимательно посмот-рела на стоящую в полном ауте Викторию

Иван внезапно понял, что это очень важно, и от его ответа зависит многое.

- Да нет, что вы! - робко улыбнулся он - Это интересно. Типа зарядки или физиче-ских упражнений!

- Но все же, для этого существуют спортзалы! Хотя какие тут... - она снова пару раз черкнула в планшетке - А как и чшем ты питаешься?

- Как чем? - удивленно моргнул мальчик - Едой! Чем же еще?

- Ты не понял, малтшик. Хорошо ли или плохо? Вкусно ли или нет?

Вмешалась, собственно говоря, мама:

- Да что вы себе позволяете?! Мой сын нормально питается и нормально себя чув-ствует!

- Вы на него давите. Пожалуйста - выйдите в другую комнату.

Мулатка бросила солдату пару фраз на английском - и тот молча вывел упирающую-ся Викторию в комнату Ивана.

Разговор продолжился.

- Теперь ты можешь говорить правду малтшик. Все в порядке! Говори! - в глазах инспекторши загорелся непонятный огонек фанатизма и... неприязни, что ли?

- Какую правду? - Иван отодвинулся. - Я не понимаю, о чем вы...

- Не ври! Мошно подумать будто я не видела!

Женщина заходила по комнате, нервно оправляя волосы:

- Куча грязной посуды! - начала зачитывать из планшетики - Грязный, как свинья, ре-бенок! Куча работы, которую ты делаешь, как раб! У тебя даже нет компьютера! Да и само это место... - она презрительно плюнула на пол, - ...это не дом!

- Да как вы смеете!! - Иван резко подскочил, оказавшись почти что лицом к лицу с разъяренной женщиной. - Это мой дом и мне тут хорошо!! Какая куча грязной посуды - там всего один стакан! Грязный я потому, что не хотел мыть руки и работал! А компью-тера нет, потому что не в нем счастье! И почему вы плюете на пол?!

Никогда не кричавший на взрослых мальчик пустил петуха, буквально пропищав по-следнюю фразу. Мулатка приняла это за неуверенность.

- Да ты не знаешь, што такое счастье! И ты все еще боишься... нитшего - это фре-менно. Пойдем со мной! - она цепко схватила Ивана за руку.

- Да не хочу я!!

В ответ тот резко дернул рукой, и, сам того не желая, увлек женщину на диван. Бо-лезненно ткнувшись головой в подушки, ты вскрикнула. Солдат точным, тренированным движением, саданул мальчика по затылку. Тот обмяк.

- The idiot! - воскликнула мулатка, вставая с дивана - It to you not Arabs and black! This guy is more expensive than you! On it the order has already arrived, and it is necessary that it was in the excellent form! Drag it in the car!\*

- Sorry, miss... \*\*

Из другой комнаты, откуда доносились звуки борьбы, вскоре раздался щелчок наручников, и резкий, с хрипотцой, голос второго солдата.

- Miss, and this woman?\*\*\*

- Too in the car!\*\*\*\*

...Старик Серкебаев, внимательно смотрел на незнакомую машину, опираясь на вилы - сено кидал.

Этот джип он увидел, когда вел стадо назад, в деревню. В машине сидел и ритмично дергал головой какой-то парень, в незнакомой военной форме.

Спрашивать у него что и как - Серкебаев предусмотрительно не стал, однако, помечточку сделал - раз в 5 минут, регулярно обозревать, что новенького. А то мало ли...

В доме напротив играли на гитаре и распивали пиво, несколько молодых парней, один из них тоже лениво посматривал на джип, держа в руке бутылку дешевого "Карагандинского".

С треском, резко, открылась дверь дома. Первым вышел один из солдат, крепко держа за плечо пацана, с помутнелыми глазами.

Второй, важно прошествовала какая-то женщина, в коричневой юбке, такого же цвета пиджаке, и белой блузке.

Третьим вышел такой же солдат - правда, он уже держал отчаянно вырывающуюся женщину, в наручниках. Одной рукой держа ее, второй он зажимал ей рот.

Парни напряглись. Серкебаев медленно подошел к собачьей будке, держа вилы так, чтобы они оставались скрытыми забором.

- Ау! - вскрикнул солдат, когда женщина, которую, он держал, умудрилась прокусить плотную перчатку.

- Помогите же, чего вы смотрите!!! У меня сына забирают!! Помогите!!

Ее тоже ударили по затылку, и она, подобно своему сыну, потеряла сознание. Но вот этим все не закончилось....

...Росите Амадрилос, инспектору по делам несовершеннолетних, уже приходилось изымать детей. Много где... хотя в основном - в русских городах. В загадочный Казахстан ее перевели совсем недавно.

Ей доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие, граничащее почти с сексуальным наслаждением, чувствовать себя выше их. Выше тех, чьи судьбы она вершит. По крайней мере, она так считала.

Однако сейчас события развивались совсем по иному...

...Время как будто замедлилось. Вот просто замедлилось - и все.

Иван вроде бы ощущал и руки, и ноги, и странно гудящую голову... однако сделать ничего не мог. Как будто в клетку поместили.

Крик мамы долетел до ушей. Иван дернулся... по крайней мере ему так показалось. Дернулся, чтобы бить, кусать, рвать - пусть из последних сил, пусть убьют, пусть делают, что хотят но НАДО....

Не понадобилось.

Из-за невысокого деревянного забора вылетела полупустая бутылка с пивом.

Трах!

Нос солдату, держащему мальчика, расквасило основательно - носовую перегородку разломило пополам - вследствие чего получилась картина "Перенесенный сифилис".

Иван, уже вознамерившийся напасть на второго солдата, упал и потерял сознание.

Щелкнул затвор М4.

- Пух! Пух! Пух! - деловито кашлянул автомат.

Кинувший бутылку парень упал, зажимая место, где чиркнула пуля. Остальные две улетели мимо. Солдат взял на мушку забор, за которым прятались три парня и стал выжидать... долго они не высидят - факт. Ринутся. А потом уже их можно легко почикать... по-

том благодарность от командира части перед строем, может даже отпуск на родину - как уже достал этот Казахстан!

В бой вступил старый конь, который, как известно, не портит борозды. Старый конь - это старик Серкебаев. На боку в этой экипировке брони не было.... Вилы с легкой натугой вошли в тело, мягко спружинили обо что-то плотное.

Вот тебе путевка в дальние края, неизвестный солдат - сам виноват. Чужая земля - чужие законы...

...Старик деловито чистил вилы кусочком сена. Раненого парня занесли в дом, однако один из той компании остался и оживленно что-то говорил женщине, указывая на машину. Мальчик все еще лежал без сознания.

Договорились - парень деловито затащил мальчишку в салон, а сам сел за руль. Женщина обреченно вздохнула - села на переднее сиденье - хуже уже не будет.... Да, хуже уже не будет...

...А где-то неподалеку бежал по направлению базы усевший удрать водитель машины...

### Разные люди. Воронеж. Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Бей врага, где попало!  
Бей врага, чем попало!  
Много их пало - но всё-таки мало!  
Мало их пало,  
Надо ещё -  
ещё,  
ещё!  
Надо ещё!*

*Леонид Утёсов.*

- Верните дочку... Христом-богом прошу...

Бэлла Асхатовна невольно поморщилась. Опять **эта**. Гурбер не помнила фамилии этой русской дуры, назойливой в своей тупости и бесцветной, как моль. Даже странно, что у этих замотанных грошовой работой, нищим домом и мужьями-пьяницами существ, почти не похожих на людей, рождаются такие красивые дети. Нет, она, Бэлла Асхатовна Гурбер, делает святое дело, спасая эту красоту от превращения в... в **такое**. Красота - тоже товар. И преступно им распоряжаться так тупо.

Гурбер, захлопнув дверцу машины, кивнула охраннику-водителю, на миг задержалась, брезгливо оглядела эту пародию на женщину - неухоженные волосы, морщины, дешёвая одежда... И дочь её тоже превратилась бы в такое же... а, вспомнила - Долгина. Люда Долгина, восемь лет, отправлена... куда - не вспоминается, да это и не важно. Ей точно будет **там** лучше, чем **здесь**. Тем не менее Бэлла Асхатовна нашла в себе силы на широкую улыбку - на улице были люди, кажется, кто-то из городских корреспондентов (хотя последнее время эта братия растеряла назойливость и как-то подрастееялась - кое-кто из звёзд по слухам жаловался, что даже скандал заказать стало нельзя толком):

- Я уже объясняла вам, госпожа Долгина - вы не в силах содержать вашу дочь достойно, как подобает содержать ребёнка. Вы должны радоваться - ваша девочка найдёт настоящее счастье, увидит настоящую жизнь...

- Верни дочку... верни... - вновь послышался безнадежный шёпот. Серые, с покрасневшими белком глаза женщины смотрели тоскливо и неотрывно.

- Вы ничего не хотите понимать! - сорвалась Гурбер. - Как можно быть такой ограниченной и...

- Не вернёшь дочку? - пошевелились сухие губы.

Бэлла Асхатовна повернулась, чтобы войти в здание.

Взлетевший над головой женщины топорик для рубки мяса вонзился в спину Гурбер. Со страшным криком та рванулась и побежала, но ноги подкосились, и Бэлла Асхатовна боком упала на тротуар, заскребла его ухоженными ногтями, недоумённо скуля. Подскочив к ней раньше, чем опомнились шофёр и охранник, Долгина ударила Бэлла Асхатовну между грудей, ругаясь матом, выломала алое полотно из грудины. Гурбер заикала, изо рта появился большой багровый пузырь, ноги в трёхсотдолларовых чулках (туфли слетели) заколотили по асфальту. Долгина ударила ещё раз, в голову - неудачно, снеся правую щёку с ухом.

- Это за дочку тебе... - прошептала Долгина, замахиваясь снова. Гурбер повернулась на живот и, булькая, поползла, оставляя за собой след из крови и дерьма. - Нет. Куда? - спокойно, даже отрешённо как-то, спросила Долгина и нанесла ещё один удар - в затылок - за секунду до того, как пуля опомнившегося охранника попала ей под левую лопатку. - Люда, доча, - вздохнула женщина, падая поперёк всё ещё дёргающейся чиновницы.

Люди вокруг стояли молча. Охранник продолжал целиться. И лишь через долгие несколько секунд кто-то закричал:

- Убилиииииииииииииииииии!!!

\* \* \*

Домой Тимка возвращался утром. Он очень устал и еле брёл по улице, бездумно наблюдая, как ветер - утренний, уже почти осенний - таскает тут и там клочья разного мусора, в последнее время потихоньку заполнявшего город. Больше всего хотелось добраться до своей комнаты, лечь и не вставать часов восемь. Конечно, хорошо бы помыться перед этим... но последнее время горячей воды не было совсем, да и холодную давали с такими перерывами, что во многих домах впрок наполняли ванны - вовсе не для того, чтобы мыться.

Прошлую ночь они все семеро отлёживались в коллекторе недалеко от авиазавода - почти там, забросали самодельными гранатами грузовик миссии. Лисья хитрость помогла - искать их рядом с местом теракта никто не стал. Но за ночь мальчишки намёрзлись на холодных трубах и не выспались. Тимка тоскливо подумал, что ещё полгода назад, не приди он ночевать, родители подняли бы тааааакуую бучу... а сейчас - нет. Сейчас им всё равно. И от этой мысли холод внутри сворачивался в тугой ком и подпрыгивал к горлу...

...В подъезде внизу ещё две квартиры оказались брошены. Двери уже взломаны, внутри пусто. Тимка прошёл мимо (лифт висел между этажами - света явно нет) и долго-долго взбирался на пятый этаж. Открыл дверь своим ключом и открыл рот - сказать по старой привычке: "Я дома!" - но не сказал. Зачем? С кухни слышался голос отца:

- Ты не вейся, чёоооорный вороооон...

Майор Филяев пил все последние месяцы напролёт - с того момента, как распустили его часть. Тимка не был уверен: а знаете ли он, что его сын больше не кадет? Мать сперва пыталась удерживать отца... но уже с месяц пила вместе с ним. Тимка как мог заботился о родителях, потихоньку менял и распродал вещи... Ни брезгливости, ни ненависти - подтирая за ними, затаскивая в постель, глядя на нечеловеческие пропитые лица - он не испытывал. Только острую жалость и дикую всепоглощающую тоску - тоску, которая рассеивалась лишь в моменты, когда он по ночам стрелял или поджигал. Ему вспоминался парень, который дал им первое оружие - и с ним хоть какой-то смысл в жизни. Для бывшего кадета Тимки Филяева щемящая любовь к родителям и ненависть к тем, кто сломал его семью и мечту, стали смыслом жизни.

Впрочем, сейчас он и об этом не думал. Только поморщился, сковыривая с ног кроссовки. Сунулся в кухню - в холодильнике было пусто, совсем. Нет, поспать надо...

В своей комнате он поддерживал порядок - как учили в кадетке. И даже центр не поменял пока - впрочем, вся электроника была никому не нужна, свет давали всё реже. На стене - не в шкафу как раньше, когда он приходил домой на выходные - висел кадетский мундир.

Тимка коротко вздохнул, подошёл к мундиру, уткнулся в сукно. Закрыв глаза. От мундира пахло, как раньше пахло от отца, когда он приходил со службы - и Тимка обхватывал его руками (а иногда и ногами) и с наслаждением вдыхал этот запах. Запах защищал ото всех бед на свете.

А теперь Тимка остался один на один с этими бедами. С тем, что из двухсот ребят корпуса только семеро нашли в себе силы сопротивляться. Остальные рассыпались по городу сухими брошенными зёрнами, которым уже не прорасти... А двоих... двоих Тимка видел вчера у "Спартака". Они снимались какому-то мужику, говорившему с ними из окна длинного автомобиля. Тимка стоял и смотрел вслед машине, когда пацаны уже сели - и авто отъехало...

Ещё немного - и Тимка заплакал бы. Но ему помешал стук в дверь. Ясно было, что никто не подойдёт, никто даже не услышит. Мальчишка вздохнул и поплёлся в прихожую. Посмотрел в глазок - на площадке переминался участковый Сергейчев. Его весь двор звал "дядя Стёпа" - он на самом деле был Степан и на самом деле был хорошим человеком. И даже когда он переделся в новую форму - хуже не стал, только по вечерам его часто стали видеть пьяным - когда он поднимался в свою квартиру.

- Здравствуйте... - мальчишка открыл...

...Внутри мгновенно вломились двое - негр и белый, в голубых касках, с нашивками в виде американского флага на одной руке, с белыми повязками, украшенными буквами МР - на другой.

Мальчишка понял всё моментально. Ему хватило доли секунды, чтобы подумать обо всём сразу.

За ним.

Откуда узнали?!

К ним нельзя - заставят говорить!

Сдам ребят!

Поворот - больше мыслей не было - и Тимка метнулся по коридору в свою комнату - туда, где ярким голубым прямоугольником светило окно, за которым были пять этажей. Он знал, что главное - не думать и не останавливаться - пробить стекло телом - и...

...Пришедшие за ним были опытны. Мальчишка пробежал всего два шага - сшибла, навалилась пахнущая дезодорантом, потом, чужой формой тяжесть, распластала. Тимка дёрнулся, закусил губу и всё-таки заплакал - от злости, ужаса и бессилия. Вывернув голову, увидел Сергейчева и сказал, всхлипывая:

- Эх вы... предатель...

Участковый закрыл глаза рукой и вышел, стукнувшись о косяк.

Над ним перебросились несколькими фразами. Запястья больно и узко стянуло что-то тугое. Тимку подняли на ноги - вздёрнули за руки, он промолчал, вытерепел боль, понимая, что это цветочки.

И...

... - А хули тут делается?

Отец - в грязной майке, в трусах - стоял в дверях кухни. Покачивался, потирал опухшее лицо лапой - невысокий, похожий на Винни-Пуха чем-то. Мать не вышла - наверное, упиалась в ноль...

- Хули делается, спрашиваю? - повторил вопрос майор Филяев. - Хули моему сыну руки крутят у меня в квартире? Хули кто такие, ептыть, а? - он качнулся.

Американцы снова перебросились парой слов - и белый, шагнув вперёд, лениво - и в то же время быстро, без замаха, но сильно - ударил отца в пах дубинкой-тонфой.

Дальнейшее Тимка запомнил какими-то обрывками.



Удивлённый голос отца:

- Еб...ть-копать, чего-о-о-о?!

Яркая кровавая полоса - её лицом оставляет сползающий по стене американец.

Взмах негра.

Его голова - с выпученными глазами и вываленным языком - под мышкой у отца.

Филяев-старший крутил негру руку с дубинкой - тот не успел применить упрятанный в рукоять тазер - и спокойно говорил:

- Отдааай...

Хруст. Ноги в мощных начищенных ботинках выбили смешную дробь. Негр выскользнул из-под мышки офицера мешком.

- Ху! - пятка майора Филяева (теряя тапочек) врезалась в солнечное начавшему было подниматься белому, и тот тяжело лёг под стену.

Филяев икнул и огляделся снова. Потом присел рядом с сыном. Посопел. Сказал сипло:

- Дай руки развяжу...

- Папкаааа... - попросил Тимка. - Папка, ну не пей больше... не пей, мне знаешь как страшно одному?! - закричал он и ткнулся в майку отца.

- Не буду... не буду... - бормотал Филяев, неловко глядя сына по волосам и спине. - Ну Тимка, не буду... завяжу, раз такие дела... руки дай, сынка, руки, ну? - он порезал сдёрганым с пояса негра "кей-баром" жестокую пластиковую струну. Тимка успокаивался, только вздрагивал время от времени длинной судорогой и крепче стискивал отца. - Тимка... за что тебя?

- А... - Тимка отвалился от отца, сел к стене, посмотрел на разрезанные в кровь запястья. Сказал устало: - За разное... Убийства... теракты... мы с пацанами. Пацаны! - он вскочил, но отец дёрнул его обратно.

- Сядь-ка... - он неверяще посмотрел на сына. - Вы?!

- Мы, папка, - ответил Тимка тихо, но уже спокойно и твёрдо.

- Пацаны.. - прошептал Филяев и рывком встал. Он не был больше пьян. И не казался Вини-Пухом. - Ну раз такое дело... раз пацаны... - он помотал головой, дёрнул себя за волосы, снова помотал головой. - Значит, всё-таки вые...м мы их в конце концов, если пацаны... Вот что, - он кивнул. - Уходить надо. Я за матерью, соберёмся. Ты - беги по пацанам. Если родаки у них захотят - бери и их. И вместе с ними выбирайтесь на нашу дачу - но не на саму, а рядом. Вечером, в восемь, там встретимся. Быстро давай, у этих, - он кивнул на трупы, - связь наверняка, сейчас спохватятся.

- Пап, - Тимка вскочил. - Пап, пожалуйста... мундир мой... возьми.

- Возьму, сын, - кивнул Филяев-старший. - А ты давай скорей.

Тимка резко выдохнул и кивнул...

...Их приехало не двое. Четверо.

Дядя Стёпа умирал около газона, сидя спиной к оградке. Глаза участкового были спокойными и светлыми, рука, сжимавшая "макар", лежала на коленях. Из "хаммера" свешивался американец с раздробленным выстрелом в упор лицом. Второй - с зажатой в кулаке "береттой" - корчился у колёс, как полураздавленный червяк, скрёбся, умирая, в асфальт пальцами свободной руки, словно просил открыть ворота в ад поскорее - уйти от земной боли. Хрипела и свистела рация.

- Дядя Стёпа... - Тимка притормозил и упал на колени возле мента. Грудь участкового была прострелена в трёх местах, но глядел он по-прежнему чисто и даже улыбнулся:

- Тимка, - сказал он, и слова на губах обернулись кровью, яркой и алой. - Моих заберите с собой. Их не простят. А мне поделом. Я... - он кашлянул и уронил голову на грудь. Упал на асфальт пистолет - как-то очень мягко, почти бесшумно.

Тимка посмотрел на окна бетонного дворового колодца. На одном шевельнулась занавеска. Всё. Больше ни единого шевеления. Тимка оскалился и опустил глаза.

Мальчишка поднял курносый "макар". Помедлил миг. Поднёс оружие к губам и поцеловал, а потом, коснувшись ран на серой форме пальцами, провёл ими - окровавленными - по оружию.

- Каждая капля - смерть гада, - сказал он без патетики. Просто сказал. И встал, засовывая оружие за ремень джинсов. Он больше не собирался прятаться.

Это был его город. Его земля.

За ребятами потом. А сейчас - надо заскочить к Сергейчеву. Лишь бы его бабы не начали выть... Времени было мало.

Очень и очень мало.

## "Гунн" Республика Тюркских Народов

*"С чего начинается Родина?"*

*М. Матусовский*

...Услышав резкий визг тормозящих шин, Олжас лениво зевнул и начал подниматься с кошмы. Как бы не соглашаясь с таким медленным развитием событий, за массивным забором раздалась звонкая канонада из гудков.

Гунн поморщился и одним махом встал на ноги.

- Кого там шайтан принес?... - надо сказать, что выглядел он как минимум странно.

Красный бархатный халат, с вышитыми народными узорами, не был запахнут. А потому открывал белому свету драные спортивные трико Рита и майку такой же марки, слегка попачканную землей и зелеными разводами травы.

Из юрты высунулась голова Батырбая. Вслед за головой показалась шея а потом и все тело - в отличие от своего работодателя, тот одевался более опрятно. Точнее будет сказать, что одевался-то он точно так же - вот только пачкался меньше.

Гунн подошел к воротам, лениво дернул пальцем задвижку - и потянул ручку на себя. Смазанные петли отлично делали свое дело - калитка (только по названию - а по виду бронированная дверь) открылась почти бесшумно.

Глаза Олжаса округлились сами собой, того, что он увидел - собственно, увидеть он не ожидал.

- Ну здравствуй. Почему на американском джипе? Что надо?

Молодой парень-казах, с темной, почти черной кожей, на которой почти не были видны короткие черные усики над верхней губой, быстро - чисто по казахской манере - выпалил:

- Потом-потом скорее ворота открой пожалуйста!

Олжас не то что бы удивился, но все-таки обычно он хотя бы предупреждал....

- Батырбай! - однако друзьям, даже бывшим, надо доверять - Открой ворота!

Ворота были еще хлеще калитки. Высокие - метра под три. И соответственно тяжелые - автоматику на них Гунн не ставил, так надежнее. Не взломают... да и просто - безопаснее.

Джип, мягко рыкнув двигателем и зашелестев шинами, въехал во двор - Батырбай закрыл ворота. Мельком окинув взглядом слабо затонированные стекла, Олжас заметил на заднем сидении машины два силуэта. Это было уже интересно.

- Приветствую - теперь уже окончательно заглушив двигатель, парень подошел к хозяину дома - Надеюсь, я тебе не помешал?

- Не помешал. - Олжас сохранял на лице выражение вселенского пофигизма и скуки - И чего же ты хотел, "дружище" ты мой?

Парень дернул щекой и очень сухо ответил:

- Лично я - ничего. Мне от тебя... - он поморщился и словно выплюнул, - ..."дружище", не нужно ровным счетом ничерта....

- Тогда чего приперся? - очень грубо перебил его Олжас

- Повторю - мне от тебя не нужно ничего. Но вот тем, кто в машине - твоя помощь пригодилась бы...

- А я не альтруист и становиться им не желаю, Марат.

Косящий в машину взглядом Олжас наконец более точно разглядел два силуэта.

Один - безусловно женский - склонивший голову на грудь. Плачет? Нет... грудь вздымается ровно и спокойно.

Второй разглядеть было сложнее - он лежал. Головой на коленях у женского силуэта... может, сын?

- Не альтруист, значит?

- Нет.

- Отлично! - кивнул головой парень - Далеко до ближайшей американской базы? А то я этих двух людей - увез буквально из под ареста. Уж жутко понадобились они новым хозяевам страны... не знаю, зачем! - он тяжело перевел дух - А так им больше деваться некуда - лучше я отвезу их туда, пока они спят. Легче так будет - понимаешь?

Марат тяжело ступая пошел к машине, не замечая укоризненного хмыка Батырбая и одновременно какого-то... воистину **человеческого** взгляда Олжаса.

- Стой. Помоги Батырбаю перенести их в дом.

Наверное, женщина настолько устала, что спала мертвым сном - и не проснулась даже от того, что ее довольно грубо взяли на руки. Мальчишка же на вид был очень бледен, в лице не было ни кровинки.

Занеся мальчика в дом, Марат вышел назад и подошел к машине.

- Что будешь делать?

- Лично я? Ничего. - Олжас сохранял все такое же скучающее выражение у себя на лице - А вот ты сядешь за руль машины, и уедешь к ближайшему городу. Там ее бросишь - и приедешь сюда же, на такси.

- Я не при...

- Марат, ты очевидно не понял, - в круглом, смуглом лице, проявились нотки... нет, не стали. Чего-то иного. Властительности и гордости, наверное... - Это не просьба. Это приказ. Надо же кому-то объяснить тем двоим, почему они у меня?

Парень немного подумал, и кивнул.

- Ладно. Хотя мать-то знает... но все же будет лучше, если я буду рядом, ты прав.

Одним махом открыв дверь джипа, он быстро завел мотор - и, резко стартанув, вылетел за так и не закрывшиеся ворота - после чего прямым ходом поехал в степь, по направлению к городу.

\* \* \*

Марат он и есть Марат. Никаких "погремух" или "погонял" у него, будучи еще в бригаде, Гунна не было. Наверное потому, что он был как это ни странно - "идейным" бандитом. Ну, или не идейным - более точно будет сказать, верным.

Как пес.

Или как волк.

Особо ценить этого щупловатого парня Гунн начал после одного примечательного случая. Всё как обычно - "не хвались что силен - повстречаешь сильнее". От Олжаса, нажившего на зад проблем, мягко и ненавязчиво поубегал почти весь контингент. Ну кому надо умирать за какого-то Гунна (который в те времена только начинал победоносный подъем наверх)?! Остался лишь Марат, который на все вопросы изумленного "бригадира": "Зачем?" и "Почему?" - отмалчивался или отвечал на ломаном русском языке: "Мужчины друзей не бросают!".

Он не бросил.

Спроси Олжаса - он бы затруднился сказать - когда Марат перешел ему в разряд друзей? Может быть, именно поэтому Гунн не стал применять к нему "штрафов" - когда тот так же молча и сухо бросил бригаду. Тогда, Олжас начал подниматься вверх - и малой кровью это было нерешаемо. Марату это претило - кроме того, жутко разругавшись на эту тему с Гунном, он дал слово, что лучше сдохнет, чем переступит порог его дома - где бы тот не находился.

И вот - обещание было нарушено.

Для очень принципиального казаха это было как солью на рану. Хотя, надо сказать, что Марат тоже изменился за то время... и кое-какие из принципов серьезно изменились. Но суть не в том.

... "Суть прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти\*" - глядя на GPS навигатор, словами из одной любимой книги подумал Марат

Действительно - со сменой правительства он много раз думал о самоубийстве. Нет, не из-за потери работы - или "тонкой душевной организации". Просто в каждом человеке есть стержень - и когда он ломается, то жить незачем. С оккупацией Казахстана "стержень" Марата не то чтобы надломился - но стал другим.

Оказалось, что очень неприятно видеть, как родную страну насилуют оккупанты.

Оказалось, что предыдущий президент был не так уж и плох... можно даже сказать - так уж и неплох.

И самое-то главное - оказалось, что жить со всем этим как-то трудно. Нет, не в том смысле, что притесняют или еще что - просто какое-то давление на душе, как червячок - долбит и долбит, давит и давит....

... "Теперь. Поверните. Налево" - монотонным, хотя и приятным женским голосом сказал GPS-навигатор.

На то самое лево простиралось шоссе. Недалеко стоял дорожный щит -

## **Караганда - 5**

## **Karaganda - 5**

Значит, пять километров. Немного - но можно о многом подумать. Хотя... о чем? Это действительно непонятно.

Почему поддержал друга, решившего кинуть в солдата бутылкой - почему не убежал. Почему ни с того ни с сего взялся отвезти двух совершенно незнакомых людей к человеку, в чей дом поклялся не заходить? Почему?

А может просто нельзя было иначе?

\* \* \*

Умный Олжас не зря приказал отогнать машину к городу - в ней (как и во всей технике оккупантов) стоял радиомаячок. Да и не такая уж она ценная, эта самая машина, чтобы ее оставлять.

Женщина, которую все-таки пришлось разбудить, сначала испуганно и как-то затравленно взглянула на незнакомое ей лицо. Но парадокс - она удивительно быстро поверила спокойным объяснениям Гунна. Кто знает, почему - может, он казался ей надежным.

Надо сказать, что Олжас совсем не удивился этой истории с насильственным захватом пацана.

- А чему Вы удивляетесь, Виктория? Неужели Вы до сих пор не поняли всей подоплеки нового правительства?

Ответом послужил удивленный взгляд.

- Я Вас не понимаю. Хочу понять, и даже есть повод, чтобы понять, но...

- Все просто, - Олжас нецивилизованно стоял к гостю спиной, заваривая чай - дело проходило на кухне, - говоря прямо, вы... точнее, ваш сын - это товар.

- Что?!

- Конструктор "Лего" - только для реальных людей. Я не удивлюсь, если Иван стоит ничуть не меньше, чем все это, - Гунн обвел рукой комнату, имея в виду особняк

Взяв предложенную чашку горячего чая, мать Ивана положила туда две ложечки сахара, тщательно размешала - и отхлебнула сладкой жидкости.

- Но почему именно мой сын?

- Знаете, - Олжас сахара не клал вообще, - знаете, тут дело замешано аж с нескольких тарелок - объяснений надолго хватит.

- А все же?

- Основной аспект - это, конечно, экология. Прекрасное состояние вашего сына - никаких бигмаков, успокоительного горстями, как в просвещенной Европе.... Возвращен, так сказать, на природе - крепкий и здоровый.

- Вы, конечно, извините, если мои слова покажутся вам злыми, - Виктория поставила горячий стакан, - но точно так же растят каждого третьего ребенка-казаха! Почему к ним не ездят - а ездят ко мне?

- Это совсем другой разговор, и совсем другая, жестокая тема.... Я могу сказать только одно - не стоило вам пускаться к себе их.

- А я могла не пустить? - Виктория приподняла бровь

Олжас сам не заметил, как он сжал в руках толстую керамическую кружку:

- А я не знаю... Я просто не знаю! Они говорят, что блюдут закон - но **ИХ** закон, важный лишь только для них и им подобных. Они говорят, что они желают нам добра - но на самом деле они только и делают, что сосут из моей... - казах перехватил удивленный взгляд Виктории - да, **моей страны** соки.... Это трудно видеть, знать, что можешь что-то делать, но не делаешь.

- А почему не делаете? Если, как вы говорите, можете делать?

- Я заметен, - он вздохнул. - Даже слишком. Один "акт альтруизма" - подобный вашему случаю, и у меня сразу найдут кучу нарушений и преступлений. После чего я умру от туберкулеза в какой-нибудь тюремной камере.... А я не хочу. У меня тоже есть семья - и она мне тоже дорога.

- Я вас понимаю. Слушайте, - Виктория отставила чашку, заинтересованно посмотрев на казаха - А почему вы сказали перегнать ту машину к городу?

- А почему вас это интересует?

- Ну... просто... интересно стало.

Олжас задумчиво хмыкнул:

- Все просто. Считается, что лучше всего спрятаться можно только в городе. Якобы романтика бетонных коробок, спрятаться можно в одной из них...

- А разве не так?

- Не так. Город - это тысячи глаз. И увидеть тебя может любой. Этого вполне может быть достаточно.

- Быть может... Ладно... Спасибо вам. Надо бы сына проведать...

- Пожалуйста, пойдемте, - лениво пожал плечами Олжас.

И встал со стула.

Спящего Ивана положили в одной из полупустующих комнат, в которой стояли шкафы с запыленными книгами, да старая кровать. Как ни странно, мальчишка не спал - его застали лежащим на животе с согнутыми ногами. Перед ним лежала раскрытая книга, средних таких размеров.

- Что читаешь? - Олжас окликнул не заметившего вошедших мальчика.

Тот вздрогнул и резко обернулся, в голубых глазах промелькнуло нечто среднее между страхом и подозрительностью. Однако когда он увидел маму - все тут же улеглось.

- Стихи какие-то....  
- Покажи. - Гунн взял протянутую книжку.  
Обложка была изрядно порвана - автора и название разглядеть не удалось. Однако, пробежавшись взглядом по первой странице, Олжас хмыкнул.  
- Я возьму?  
- Она же ваша.... - тихо ответил Иван.

\* \* \*

Марат приехал лишь к вечеру. Иван и его мама уже давно спали, и дом казался пустым.

Встретивший Марата Олжас проводил его в свой кабинет и усадил в кресло. Тот же удивленно скользнул взглядом по раскрытой обшарпанной книжице, явно выбивавшейся из общего вида. Разглядеть он смог лишь жирную строчку в начале страницы:

***М.Матусовский***

- Так что, Марат... - как-то мечтательно начал разговор Олжас. - С чего все-таки начинается Родина?

**Петька Зубов, Сашка Коваленко. Граница Республики Тюркских Народов и Российской Конфедерации Независимых Народов.**

*- Мама, мне страшно, -  
Словно котенок  
Спрятал лицо и забылся, как это нелепо...*

*- Мамочка, мама, -  
Шепчет мальчишка.  
Злобный асфальт разрывает последний ботинок,*

*- Мама, я замерзаю, -  
Смотрит с тоской подросток.  
- Эти холодные зимы безжалостны к тем, кто без крова.*

*- Мама, моя дорогая,  
Все так серьезно.  
Деньги всем правят, и для меня не нашлось корки хлеба...*

*Дж. Вильерс. Зов.*

Когда начинала работать программа "Обрети дом" - никто из чиновников миссии не мог себе представить всех тех трудностей, с которыми столкнётся её исполнение. Огромная территория, которую предстояло "освоить", казалась щедрой, обильной и незащищенной, барыши - несомненными и потрясающими масштабностью. Но...

Во-первых, местные русские назначенцы - без которых ничего нельзя было сделать, так как специалистов по России (настоящих, а не важно надувающих губы после окончания "курсов" и отбытия "командировок") оказалось до смешного мало и почти всех их сгребли военные - были вороваты настолько, что приходили в ужас даже закалённые работой в Африке ООНовские "зубры". Российские чиновники крали всё - крали бесстыдно,

открыто и нагло, превращая бюджет программы в огрызок из десяти-пятнадцати процентов от выделенного ООН. Но и этими процентами распорядиться толком никто не мог - или не умел, или не хотел. Вороватость и некомпетентность этих существ (**людьми** их назвать было трудно) потрясала заезжих специалистов, которые и сами были не прочь положить в карман тысячу-другую долларов или евро и заниматься отписками вместо работы. Но всё же **должно** иметь края!

Россиянско-чиновничья душа, бушующая на просторе, краёв не имела и знать их не хотела.

Во-вторых, контингент на построссийском пространстве оказался чудовищно тяжёл для работы. И эта тяжесть носила некий ирреальный характер. Молодые чиновники, ехавшие в дикие русские земли с купленными за свой счёт дорогими бронжилетами и шлемами, быстро их забрасывали - тут нужны были мотки запасных нервов, а этого добра не производили даже лучшие компании по нанотехнологиям.

Легче всего изымались дети у кавказцев. Ну, правда, сначала гордые джигиты, привыкшие к тому, что россиянская власть под них прогибается сплошь и рядом, попытались себя так же вести и с эмиссарами ООН. Но после того как "заблудившиеся" самолёты пару раз уронили на особо наглые селения вакуумные бомбы, кое-куда гарнизонами поставили турок (кавказцев презиравших до крайности и смотревших на них как на своих исконных рабов), а кое-где разрешили "оторваться" казачьей ООНовской дивизии - обитатели подмандантных территорий сделались шёлковыми и по первому свистку тащили сами хоть девушек в бордели, хоть детей на вывоз - ещё и упрасивали взять. То есть, вернулись в своё привычное состояние трусливых рабов, из которого их долго и глупо выволакивали излишне добрые русские...

С русскими тоже не было особых проблем. Почти не было. Ну... не везде были. А те, что были, старательно и умело замалчивались. В целом русские родители отдавали детей с тупой покорностью, а сами либо спивались, либо кончали с собой. Основные проблемы начинались потом - уже с самими детьми.

Русские детишки были не такие наглые и шумные, как, например, арабчата, даже казались скорей тихими и робкими. Но подлянки, которые они устраивали, отличались невинной изощрённостью. Самым распространённым был фокус "развести на слёзках". На него чаще всего шли беспризорники, которые никому не верили вообще - сдавались людям из комитета, пускали слёзы и сопли, выли, что хотят в Западный Рай... а получив кое-какое барахло, а главное - армейские пайки - линяли толпами, непостижимым образом просачиваясь сквозь охрану и растворялись на просторах "построссиянии". С ребятами, изъятыми из семей, было намного меньше проблем... обычно, но зато никогда нельзя было предугадать, что и когда они выкинут. Были случаи чего угодно - там мальчишка сунул голову в двери грузового лифта и удавился, а там - каким-то образом похитил у охранника пистолет и открыл стрельбу. Уроки, выученные в мусульманских странах, не помогали. Немного "поученный" овчарками или ботинками солдат свирепый и фанатичный юный исламист мгновенно превращался в послушную протоплазму и на миротворцев смотрел, как на всесильных злых богов. Русские как правило изначально не давали повода для такого обращения - не кричали "слава России!", хлопали испуганными глазами, послушно со всем соглашались... а потом бежали или нападали на охранников, причём зачастую безо всякого видимого повода. По статистике из каждых десяти русских детей, оказывавшихся в руках ООНовцев, семеро совершали попытки побега, из них четверо - удачные.

Поэтому времена беспечных рейсовых автобусов и пересыльных барачков со стенами из листов пластика быстренько отошли в прошлое. "Материал" пришлось снабжать несъёмными браслетами-маячками и содержать под охраной в глухих металлических боксах на специально отведённой территории. Многие операции, не требовавшие непременно вывоза за пределы территории, тоже стали производить на месте. Охрана не расставалась с оружием даже в отхожем месте и во сне. И самое главное - не такими уж частыми и были нападения... а вот успокоиться, расслабиться - никак не получалось. Ни у кого.

В результате имевшие отношение к программе заезжие чиновники спивались дешёвым и забористым русским самогоном, превращались в махровейших извращенцев, нетерпимых на работе даже по либеральным меркам - или взяточников истинно русского размаха. Некоторые стрелялись, другие писали дикие оппортунистские статьи о крахе политики Запада в России в оппозиционные газеты, а некоторая часть - и это было самое дикое - начинала сочувствовать русским и прямо мешать программе.

Нараставшее неопределённое, но ясное ощущение **чего-то не того** ширилось в среде работавших на постсоветском пространстве чиновников ООН разных рангов, видов и окрасок. Хотя, что самое глупое и почти смешное - никто толком не мог сказать, откуда исходит будущая опасность.

Это было только **ощущение**. Но оно пронизывало всю жизнь и всю работу ООНовских специалистов. И никуда от этого было не деться.

\* \* \*

Сашка лежал на кровати и смотрел в "тыл" второго яруса, где дрых Петька. До подъёма оставалось ещё с полчаса, хотя подъём никого особо не колыхал. Но через полчаса после подъёма - завтрак, а на него опаздывать не рекомендовалось, потому что раздача работала только пятнадцать минут и закрывалась наглухо, стучи не стучи.

Сашка вздохнул. Ему было тоскливо и страшно. Блок N21 недалеко от какой-то Сарани (Сашка её и е видел толком) предназначался на вывоз на плантации в Бразилии, это все знали и этого никто не скрывал... но с этим самым вывозом (или с самой Бразилией, что ли?) что-то не заладилось, и сто мальчишек в возрасте 12-16 лет одуревали в помещении, над которым под потолком по открытому балкончику - грямс-грямс-грямс - раз в десять минут днём и ночью громыхал охранник-надзиратель. За завтраком раздавали транквилизаторы - никакого контроля не было, их можно было хоть на пол бросать. Но многие их наоборот - жрали по несколько штук, с того же пола и подбирая. Так было легче переносить муторное безделье и тоску - валяйся себе на кровати без мыслей... Сашка тоже как-то попробовал, но Петька отволол его в сортир и силой влил в глотку кружку мыльной воды - под гогот ребят.

Сашка вздохнул. Он временами вспоминал родителей (и плакал по ночам в подушку, не видя ничего странного в этом - в блоке так плакали многие), дёргающееся лицо, горячие слова Мишки, родной Воронеж... И мучился какой-то неясной виной, даже кулаки сжимались от неосознанного желания что-то делать, куда-то бежать... Он и за Петькой пошёл поэтому. А странный пацан повёл себя ещё более странно - взял и идиотски попался в облаву ООНовцев. Правда, честно предупредил Сашка, что собирается делать, и Сашка, вспомнив тогда опять-таки Мишку, едва не сбежал... но в последний момент испугался, Петька всё-таки был какой-то опорой в жутко изменившемся мире. Да и любопытство разбирало - уж больно странно он себя вёл.

Об этом своём решении Сашка потом пожалел много раз. Пожалел, когда их везли в поезде - тошнотворно долго, десять дней, с какими-то остановками. Пожалел, когда понял, **куда** и **зачем** их привезли. Петька на все истеричные вопросы попутчика только насвистывал, улыбался, а то и напевал всякое-разное. Он вообще был компанейский парень и как-то так получилось, что многочисленные разборки, учиняемые быстро осатаневшими - ещё в поезде - от скуки мальчишками между собой ни его, ни Сашки не коснулись. Сашка никогда не был "домашним мальчиком", но, замирая от жути, себе честно признался - он бы не смог "удержаться на плаву". Те, кто посильней и понаглей, вытворяли с остальными такие вещи, что у Сашки волосы дыбом становились, когда он представлял себя на месте жертв. За десять дней в поезде он от увиденного просто припух... Кстати, и заступаться за пострадавших Петька не собирался - жил себе и жил. Кстати, со стороны могло показаться, что Петьке просто всё равно - таких было вообще-то несколько человек. А



вблизи он подпускал только Сашку - и Коваленко нет-нет да и улавливал: нет, это не **всё равно**. Другое что-то. А что?

В лагере стало спокойней. Охрана все попытки драк или издевательств пресекала стрельбой тазерами - большинству буйных достаточно оказалось один раз посмотреть, как дёргается на полу, пуская пену, обмоченный "супермен" с прикушенным языком - и они притихали прочно. Но тут было другое - пожалуй, более страшное, чем в том поезде...

...Сашка прерывисто вздохнул. Когда он узнал, что на территории лагеря действуют трансплантологический центр, банк крови и полуофициальная порностудия под вывеской "модельного агентства" - он похолодел. Кстати Петька тоже испугался, причём сильно - виду не подал совершенно, но губы посерели даже. Но ребята туда не попали - то ли возрастом не вышли, то ли рожей, то ли медицинскими показателями. Сразу после прибытия в лагерь их позагоняли в душ, дали вымыться вволю, а по выходу оттуда мальчишки попали в руки комиссии, которая учиняла детальный медосмотр с заполнением карточек. (Мальчишки назвали - и наверное не они одни - чужие данные и под ними попали в базу данных лагеря - но группу крови и прочее не скроешь...) После медосмотра каждому вкачали десяток прививок (трое из барака умерли в ту же ночь, да и остальным было скверно), выдали комплекты одежды (двое серого цвета трусов, лёгкие штаны и куртку со светящимися номерами на груди и спине, плюс одни спортивные тапки), побрили волосы на теле и голове и защёлкнули у каждого на правом запястье тонкую пластиковую змейку. И отправили в один из двухсот блоков, обнесённых примитивной колючей проволокой с вышками. Впрочем, эта проволока и эти вышки были как бы не лишними - это стало ясно позже.

В таком виде они сидели в блоке уже двенадцать дней - на трёхразовом питании (безвкусном, как картон), душ и туалет за выгородками, выходить запрещено, только в столовку сектора - строем и под охраной. Делать было до такой степени нечего, что от тоски мальчишки буквально выли и, пожалуй, согласились бы на любые перемены. Тазеры охраны уже в первые дни присмирили всех. Из развлечений остались самодельные карты и долгие разговоры. "А я... а у нас.... а мы..." Странно было говорить о своей прошлой жизни, страшно - думать о будущем, тоскливо - жить в настоящем. Говорили временами и о побегах, но как бежать - не знал никто, да и большинство ребят в блоке были беспризорниками и пришли чуть ли не добровольно - страшно сделалось только теперь. А вот повесились двое - то ли их откачали, то ли нет, охрана быстро обнаружила сиуцид и утащила болтающиеся на ходу тела пацанов из блока; больше их не видели.

Наверху пошевелились, резко свесились ноги - и вниз совершенно бесшумно ссыпался Петька. Увидел, что Сашка не спит, сел на край его кровати и подмигнул:

- Не спится?

Он был весёлый и совершенно не заспанный. И почему-то при виде Петьки Сашка сел. Сел и подобрался - молча, глядя Петьке прямо в глаза. Тот поднял бровь и усмехнулся:

- Ты чего встопорщился?

- Я тут не могу больше, - тихо ответил Сашка. - Они моих родителей увезли и, наверное, убили. А я тут сижу и жду, когда отправят на них ишачить.

- Сань, - сказал Петька как ни в чём не бывало, - ты с женщинами спал когда-нибудь? Сашка поперхнулся, посмотрел дико. Потом опасливо поджал ноги:

- Нееее...

- А хочешь?

- Нееее... - проблеял Сашка.

- А сбежать хочешь отсюда? - Петька взялся руками за опору верхней койки.

- Да, - вырвалось у Сашки раньше, чем он хоть о чём-то подумал. - А как?

Петька подмигнул ещё раз и ловко запрыгнул на "второй этаж" - до прохода охранника оставалось всего несколько минут.

Почему-то Сашка думал, что врачаха окажется немолодой и некрасивой. Но она была стройная, блондинистая, симпатичная и на вид лет тридцати, не больше. Разве что рот какой-то неприятный - слишком большой. И глаза - явно ненормальные. С Петькой они поцеловались врасос (Сашка опустил глаза, смотреть было противно и в то же время мышцы напряглись по всему телу), потом врачаха - впервые от блока - внимательно посмотрела на Сашку:

- Симпатичный мальчик, - улыбнулась она и взерошила Сашке волосы. - Я никогда ещё не делала этого с двумя мальчиками сразу, - откровенно добавила она, жестом приглашая мальчишек из приёмного покоя в дверь между двух шкафов.

Она говорила по-русски бегло и правильно, но с каким-то странным произношением. Петька ещё в бараке сказал Сашке, что Ильза диВаско "в своё время" стажировалась в Москве, где и переквалифицировалась из лесбиянки (которой стала ещё в школе в США) в любительницу мальчиков-подростков.

За дверью оказалась личная комната - довольно аскетично обставленная, но с большой кроватью. Петька стащил тапки, по-хозяйски плюхнулся на кровать. Ильза присела рядом, поманила Сашку:

- Ну что ты, иди сюда... Хотя Питер говорил, что ты ещё совсем невинный... - она не совладала с голосом, сорвалась на страстный хрип, но улыбку сохранила и протянула к Сашке руку. - Иди, иди, мы начнём с маленького... какая там у тебя штучка, покажи тётке Ильзе...

В следующую секунду Петька, сев в кровати, свернул диВаско шею. Коротким сильным движением рук. Что-то мокро лопнуло, как будто переломили морковку. Ноги врачахи дёрнулись, она громко пукнула - и Петька уложил её на кровать.

- Ну, тут всё и обратно дороги нет, - Петька встал. - А еб...ся она так себе, без огонька. Порченная кровь... Сань, не стой, нам надо действовать.

- Ты её... - Санька отступил на шаг.

- Убил, убил, - буднично подтвердил Петька. Он вытащил Сашку в соседнюю комнату, заходил, открывая шкафы, что-то вынимая... На стол полетели щипчики, лейкопластырь, какая-то тонкая проволока. - Сань, ну?! - Петька на ходу залепил мальчишке по щекам. - Садись сюда, живо! Вот тут держи!

Петька действовал быстро и точно, как автомат. Он подрезал щипчиками оболочку браслета в двух местах, обнажив жилки проводов. Молниеносно и умело подсоединил к ним проволоку - широкой дугой - и после этого вырезал из браслетов куски - сперва из своего, потом из Сашкиного. Снял браслеты.

- Сигнал будет идти отсюда, - сказал он, бросая браслеты на стол, - а кувыркались мы с ней все три раза до утра... И сейчас никто не почешется. Быстро включи комп и найди на рабочем столе зиповку "Slaves".

Сашка повиновался ошалело - компьютер был ему знаком, и, садясь за стол, мальчишка испытал странное ощущение: он дома, он играет в контру, и сейчас... Но тут Петька выругался по поводу пистолета - и ощущение пропало.

- Вот она... - прошептал Сашка. Петька кинул ему флэшку:

- Туда скачай. Скопируй, не тащи совсем! - и резко повернулся всем телом. - Блин, дверь... - прошептал Петька, белея.

Дверь открылась. В неё вошёл, закрывая следом за собой, охранник - американец с ООНовскими нашивками, в голубом берете, с пистолетом, тазером, ножом и дубинкой на поясе.

- Мисс диВас... - начал он. И увидел наконец, что в приёмной - русские мальчишки.

Надо сказать, что реакция у охранника была молниеносной. Он прыгнул к Петьке, который, пригнувшись, как рысёнок перед броском, стоял между дверью и столом, за ко-

торым замер Сашка. В руке Петька держал длинный осколок невесть когда схваченной и разбитой мензурки...

...Петька всегда терпеть не мог и не умел драться кулаками. Он освоил, конечно, полдюжины приёмов самозащиты, которые были обязательными, но относился к "размахиванию конечностями", как к причудливой глупости. Причин тут было несколько.

Во-первых, Петька был просто-напросто невысокого роста и достаточно хрупкий. Его лет ему никогда не давали. Но, хоть и во-первых, это было вовсе не главным. Главным было то, что говорил Верещаев - человек, словам которого Петька верил, как ревностный христианин верит Библии. А Верещаев сам признавал только вооружённые руки. "А на крайний случай, - говорил он, - в оружие можно превратить что угодно." И демонстрировал.

А Петька был едва ли не самым ревностным в этом деле его учеником. И не упускал случая оттачивать и демонстрировать своё умение. Кроме того, несмотря на мальчишескую внешность, Зубов-старший был решителен, напорист и храбр.

Вне всякого сомнения, охранник был старше, выше, тяжелее Петьки - просто не имело смысла сравнивать. Охранник был вооружён. Охранник умел драться.

Вот только Петьку всё это не колебало. И драться он не собирался - он собирался убить противника.

Первый удар зажатой в руке обломком стекла Петька нанёс в правую руку - протянутую к нему, выше локтя - и резко обломил стекло, оставляя кончик в ране. Второй удар пришёлся в левое бедро, под подсумок - и снова стекло с хрустом сломалось. От дикой боли, причинённой оставшимися в теле кусками стекла при попытке двинуться, охранник открыл рот - и из него полилась кровь; выхватив из ножен на поясе штык-нож, Петька двумя взмахами - снизу вверх и сверху вниз - перерезал американцу сонную артерию и яремную вену, а потом вогнал штык снизу вверх под челюсть - сквозь рот, язык и нёбо - в мозг.

Глаза охранника затрепетали, завращались - и он, так и не издав ни единого звука, повалился на руки мальчишки.

- Готов, - буднично сказал Петька, с натугой, но мягко опуская труп на пол. - Теперь нам в случае чего полный пипец, Сань. Но с другой стороны... - он извлёк из кобуры мертвеца (по полу растекалась густая вишнёвая лужа) "беретту", проверил патрон.

- Зачем ты меня с собой-то взял? - тихо спросил Сашка, машинально отключая и вынимая флэшку - закачка закончилась.

- Пожалел, - прямо ответил Петька. Подошёл, выключил комп, флэшку забрал и спрятал - ловко, непонятно, куда - Ты бы пропал. Оцени сам.

Сашка заткнулся, сопя. Потом отрывисто спросил:

- И всё-таки. Кто ты?

- Я, Сань, разведчик, - совершенно обыденно отозвался Петька и зевнул. - Разведчик одной... ну, скажем так, патриотической организации, а больше тебе пока и знать не надо.

- **Наш** разведчик?! - Сашка поперхнулся. - А я думал, что...

- Что мы типа разбиты? - уточнил Петька. - Разбиты. Вдребезги. Ну и хер ли? Сегодня разбиты, завтра в Берлин входим, и я впереди на танке. Хочешь на танке в Вашингтон вкатиться?

- Ххххххххочу, - обалдело кивнул Санька.

- Значит, вкатишься, если по дороге не убьют, - заключил Петька. - А теперь кончай трёп, нам ещё отсюда выбираться и до города добираться. А мы лысые и в этих робах - просто праздник.

- Как мы... отсюда-то? - Сашка больше не боялся и не удивлялся, слишком много всего произошло, слишком страшно было ему...

- Ногами, - отрезал Петька. Но потом усмехнулся: - На проходной охрана всю ночь дрыхнет. Из барак-то никому не выйти. Но из-за этого долбоё...а. - он кивнул на за-

резанного, - у нас не шесть часов, как я думал, а с час, не больше. Снимай нахрен куртку, нечего надписями светить.

И пошёл в соседнюю комнату - за тапками.

### **Ярослав Найменов Республика Тюркских Народов**

А на базе, действительно был аврал. Нет - пожалуй даже вот так вот - АВРАЛ.

Не знаю, к счастью это, или к горю - но я пришел на работу аккурат к началу всей этой чудной истории.

А началось все с какого-то осмотра - или инспекции, то ли ребенка кто-то мучил, то ли ребенок кого-то мучил.... В общем, во время этой самой инспекции, некой мисс Р. Амадрилос пробили голову, одному из солдат сопровождения основательно сломали нос. Второму солдату повезло гораздо меньше - точнее вообще не повезло - его проткнули вилами. Был еще один конвойный - точнее водитель, вот он-то и прибежал на базу, чтоб поднять тревогу. Кстати, куда делась собственно машина - загадка.

Суть всего переполоха и аврала была еще в том, что большинства контингента базы на местах не было - по причинам, мне неизвестным, и поэтому сразу начать перехват американцы не смогли. Другие же точно такие базы были настолько далеко, что запрашивать помощь у них было просто глупо.

Работы было совсем немного. Даже мало. Так, перетаскать пару ящиков с непонятным содержимым на склад - да пошляться по базе до конца рабочего дня. Уходить, даже если все уже закончено, категорически запрещалось - сразу засчитывался прогул. Мда... дурдом.

Перетаскав те самые ящики, я пошел поискать друзей... ну, или просто кого-нибудь, с кем можно поболтать.... Странно. Не было никого.

Обычно, раза два примерно в месяц, сюда приезжали автобусы, похожие на тот, который был в первый раз - вот только теперь за ними сидели уже строго... ну, если говорить политкорректно - "представители угнетаемых в прошлом народностей". Если неполиткорректно - то всяко-разные дети гор, сыны степей, и пасынки сопок.... Честно говоря - я не знаю, как именно их угнетали, наверное, тут очень подойдет одна хохма - "Злобные русские варвары врываются в кишлаки и аулы, оставляя после себя поганые университеты, больницы, и школы".

Но надо сказать меня интересовало сейчас не это. И во время таскания ящиков, и во время своего уютного сиживания у стены я думал в основном о прочитанных мною книгах. "Охотник", "Дневник Тернера", "Еврейский вопрос глазами американца" - книги американских националистов было легко найти. И думалось мне много чего.... Да, взгляды там были несколько однобокие, злые (не в обычном своем смысле), и тяжеловесные.... Но по моему мнению - они были правильны. "Дневник Тернера" мне по крайней мере очень понравился - в нем прекрасно показывает взгляд уже оформившегося человека, человека с полновесными взглядами. Единственное что - мне, понявшему несовершенство моих мировоззрений и знаний о том, "куда ветер дует", было пока что эти взгляды не понять. Точнее не столько не понять, сколько не принять. Мне был чужд настолько радикальный национализм. Знаете - я прекрасно понимал ненависть МакДоналда к неграм - ибо сколько я их не видел, нормальных людей среди них не было. К евреям - тут я еще не оформился, не до конца понял. К остальным народам - не мог. Ну как мне, имевшему в друзьях татар и казахов, можно было принять взгляд полного вырезания всего не-белого населения? Хотя, надо сказать, что я понял одну вещь. Национализм - не такая уж плохая штука. Во всяком случае, в случае негров. Или нигров - как я стал их называть.

Кстати о них - их нападки на рабочих базы (таких как я) участились. Что-то надо было делать....

Мои чудные размышления прервал Мишка, бывший на базе кем-то вроде "подай-принеси", для русскоязычных рабочих. По-пиндосски шпарил - будь здоров. Завяжи мне глаза - и дай послушать голос Мишки, я совсем не был бы уверен, что это именно он - акцент копировать умел мастерски.

- Привет, Яр. Тебя в штаб - и быстро.

- Нахрена?

- Расстреливать будут! - попытался схохмить он

Я молча посмотрел на него и устало буркнул:

- Не смешно.

- Ладно, ладно. Полы мыть в подвале, ну в коридорчике... а то почти никого нету на базе...

- Блин... а чего я-то? Что - никого другого не было?

- Если честно, сказали звать кого угодно. Но нашел я только тебя... - Мишка виновато потупился

Я вздохнул и поднялся на ноги. Все равно делать больше нечего.

- Где именно мыть хоть?

- Да в подвале, в медчасти. Там кто-то поднос с кровью уронил... весь пол заляпан. Засохло... трудно тебе будет.

- Не трави блин душу! - я слегка приуныл, вот уж только этого не хватало!

Но как по пословице - взялся за гуж, не говори, что не дюж. Пришлось идти.

Тряпку, ведро и швабру - выдал незнакомый мне рядовой. Нет, не в том смысле, что не знакомый вообще. В лицо - и более менее лично, я знал всех на базе, солдат было не так уж и много. Более-менее поболтать - типа "как дела - как жизнь?" - мог всего с парой-тройкой людей, которые с грехом пополам говорили по-русски и отличались нормальным характером. Остальные для меня были просто - болванчики с наклеенными лицами. Надменные, и все такое.

А вот спустившись в подвал - я горестно вздохнул. Говоря, что весь пол заляпан - Мишка ничуть не преувеличивал. Действительно был заляпан ВЕСЬ пол. Ну, или почти весь. Причем кое-где кровь уже порядком засохла, и ее можно было только соскоблить.

- Это сколько ж крови на подносе-то было... - бурчал я, вымачивая тряпку в воде и наматывая ее на швабру.

Кстати, о ней - тут от нее пользы было мало. Почти сразу же мне пришлось закатывать штаны и мыть полы руками. Отскабливать. Поэтому дело продвигалось значительно медленнее, чем мне хотелось бы, да и пачкался я прямо пропорционально вымытому полу.

Коридорчик, что я мыл - был небольшой. Метра четыре - ну или пять, максимум. В ширину - метра полтора. По обоим сторонам располагалось по две двери. Что было в двух с левой стороны - я не знал, двери были плотные, железные, без отверстий. В двух правых, с какими-то пластиковыми и прозрачными дверями - медчасть. Пару раз таскал туда коробки с медикаментами.

Никого кроме меня, в коридорчике и медчасти не было, поэтому я совершенно спокойно крыл по родичам, вплоть до девятого колена офицерье базы. Негромко конечно....

- Так вас растак, чтоб вас в аду черти без вазелина драли.... - это было после того, как я обнаружил, что отличные и крепкие джинсы, купленные мною недавно, уже полностью не отстирать. Даже хозяйственным мылом. Выкидывать такую хорошую вещь я, конечно, не стану, но коситься будут....

Тряпка уже больше размазывала, а не отскабливала кровь, да и вода больше напоминала декорацию для фильма ужасов в стиле "Ганнибал" - не хватало только плавающих ошметков мяса. Недомытыми оставалась еще примерно третья часть коридора, и поэтому я решил пойти вылить воду и хорошенько прополоскать тряпку. Вот только перед этим оттереть во-о-о-он ту пару присохших лужиц возле железной двери....

...Я не знаю, что подвигло меня заглянуть под дверь, но я туда заглянул. Сначала поневоле, а потом, заинтересовавшись, уже добровольно.

То, что я там увидел - напоминало по себе мешок с чем-то. Мешок был размером примерно метра полтора или больше. Не очень объемный.

А еще он дышал.

Пару раз тихо стукнув костяшками пальцев в дверь, я приник к ней ухом. Тишина и молчание. Хриплое, с присвистом, но слабое, дыхание еле-еле слышалось.

Звук костяшек, встретившихся с металлом двери, во второй раз был чуть более громким. И снова тишина в ответ. Мою настойчивость я мог объяснить довольно легко - никого не запирают просто так. Ну и любопытство - куда ж без него-то?

- Пс-с-с! Эй! - свистяще шепнул я и снова пару раз стукнул в дверь

"Мешок" пошевелился, и слабо спросил:

- Кто?.. - голос был слаб. Но казахский акцент в нем был явственен - даже очень.

- Хрен в кожаном пальто... а ты кто? - отложив тряпку, я еще сильнее прижался к щели, видимости не прибавилось.

- Не знаю... парень, дай пожрать... - "мешок", тяжело охая, повернулся ко мне лицом.

Знаете, первое, что мне бросилось в глаза, это кожа облазившая с опухших и кровоточащих губ. А так... ну я много видел битых рож. Эта была точно такой же.

Черты этого лица я, пожалуй, смог бы описать всего одним словом - один большой синяк.

- Э-э-э? - ничего более осмысленного от меня не проследовало.

- Пожра-а-а-ать....

Быстро запустив руку в узкий карман джинсов, я достал оттуда батончик "Сникерса", один из тех, что были мною прихватизированы на складе. Но вот беда - в щель он не пролазил. Сняв с батончика обертку, я тщательно надавил на него ладонью - после этих действий протолкнуть его в конце концов удалось....

Этого казаха я запомню на всю свою жизнь. Я никогда не забуду, как он, рыча и пачкая руки тающим шоколадом, пожирал этот батончик.



**Ярослав Найменов**

**Республика Тюркских Народов**

А на базе, действительно был аврал. Нет - пожалуй даже вот так вот - АВРАЛ.

Не знаю, к счастью это, или к горю - но я пришел на работу аккуратно к началу всей этой чудной истории.

А началось все с какого-то осмотра - или инспекции, то ли ребенка кто-то мучил, то ли ребенок кого-то мучил.... В общем, во время этой самой инспекции, некой мисс Р. Амадрилос пробили голову, одному из солдат сопровождения основательно сломали нос. Второму солдату повезло гораздо меньше - точнее вообще не повезло - его проткнули вилами. Был еще один конвойный - точнее водитель, вот он-то и прибежал на базу, чтоб поднять тревогу. Кстати, куда делась собственно машина - загадка.

Суть всего переполюха и аврала была еще в том, что большинства контингента базы на местах не было - по причинам, мне неизвестным, и поэтому сразу начать перехват американцы не смогли. Другие же точно такие базы были настолько далеко, что запрашивать помощь у них было просто глупо.

Работы было совсем немного. Даже мало. Так, перетаскать пару ящиков с непонятным содержимым на склад - да пошляться по базе до конца рабочего дня. Уходить, даже если все уже закончено, категорически запрещалось - сразу засчитывался прогул. Мда... дурдом.

Перетаскав те самые ящики, я пошел поискать друзей... ну, или просто кого-нибудь, с кем можно поболтать.... Странно. Не было никого.

Обычно, раза два примерно в месяц, сюда приезжали автобусы, похожие на тот, который был в первый раз - вот только теперь за ними сидели уже строго... ну, если говорить политкорректно - "представители угнетаемых в прошлом народностей". Если неполиткорректно - то всяко-разные дети гор, сыны степей, и пасынки сопок.... Честно говоря - я не знаю, как именно их угнетали, наверное, тут очень подойдет одна хохма: "Злобные русские варвары врываются в кишлаки и аулы, оставляя после себя поганые университеты, больницы и школы".

Но надо сказать меня интересовало сейчас не это. И во время таскания ящиков, и во время своего уютного сиживания у стены я думал в основном о прочитанных мною книгах. "Охотник", "Дневник Тернера", "Еврейский вопрос глазами американца" - книги американских националистов было легко найти. И думалось мне много чего.... Да, взгляды там были несколько однобокие, злые (не в обычном своем смысле), и тяжеловесные.... Но по моему мнению - они были правильны. "Дневник Тернера" мне по крайней мере очень понравился - в нем прекрасно показывает взгляд уже оформившегося человека, человека с полновесными взглядами. Единственное что - мне, понявшему несовершенство моих мировоззрений и знаний о том, "куда ветер дует", было пока что эти взгляды не понять. Точнее не столько не понять, сколько не принять. Мне был чужд настолько радикальный национализм. Знаете - я прекрасно понимал ненависть МакДоналда к неграм - ибо сколько я их не видел, нормальных людей среди них не было. К евреям - тут я еще не оформился, не до конца понял. К остальным народам - не мог. Ну как мне, имевшему в друзьях татар и казахов, можно было принять взгляд полного вырезания всего не-белого населения? Хотя, надо сказать, что я понял одну вещь. Национализм - не такая уж плохая штука. Во всяком случае, в случае негров. Или нигров - как я стал их называть.

Кстати о них - их нападки на рабочих базы (таких как я) участились. Что-то надо было делать....

Мои чудные размышления прервал Мишка, бывший на базе кем-то вроде "подай-принеси", для русскоязычных рабочих. По-пиндосски шпарил - будь здоров. Завяжи мне глаза - и дай послушать голос Мишки, я совсем не был бы уверен, что это именно он - акцент копировать умел мастерски.

- Привет, Яр. Тебя в штаб - и быстро.

- Нахрена?

- Расстреливать будут! - попытался схохмить он

Я молча посмотрел на него и устало буркнул:

- Не смешно.

- Ладно, ладно. Полы мыть в подвале, ну в коридорчике... а то почти никого нету на базе...

- Блин... а чего я то? Что - никого другого не было?

- Если честно, сказали звать кого угодно. Но нашел я только тебя... - Мишка виновато потупился

Я вздохнул и поднялся на ноги. Все равно делать больше нечего.

- Где именно мыть хоть?

- Да в подвале, в медчасти. Там кто-то поднос с кровью уронил... весь пол заляпан. Засохло... трудно тебе будет.

- Не трави блин душу! - я слегка приуныл, вот уж только этого не хватало!

Но как по пословице - взялся за гуж, не говори, что не дюж. Пришлось идти.

Тряпку, ведро и швабру - выдал незнакомый мне рядовой. Нет, не в том смысле, что не знакомый вообще. В лицо - и более менее лично, я знал всех на базе, солдат было не так уж и много. Более-менее поболтать - типа "как дела - как жизнь?" - мог всего с парой-тройкой людей, которые с грехом пополам говорили по-русски и отличались нормальным характером. Остальные для меня были просто - болванчики с наклеенными лицами. Надменные, и все такое.

А вот спустившись в подвал - я горестно вздохнул. Говоря, что весь пол заляпан - Мишка ничуть не преувеличивал. Действительно был заляпан ВЕСЬ пол. Ну, или почти весь. Причем кое-где кровь уже порядком засохла, и ее можно было только соскоблить.

- Это сколько ж крови на подносе-то было... - бурчал я, вымачивая тряпку в воде и наматывая ее на швабру.

Кстати, о ней - тут от нее пользы было мало. Почти сразу же мне пришлось закатывать штаны и мыть полы руками. Отскабливать. Поэтому дело продвигалось значительно медленнее, чем мне хотелось бы, да и пачкался я прямо пропорционально вымытому полу.

Коридорчик, что я мыл - был небольшой. Метра четыре - ну или пять, максимум. В ширину - метра полтора. По обоим сторонам располагалось по две двери. Что было в двух с левой стороны - я не знал, двери были плотные, железные, без отверстий. В двух правых, с какими-то пластиковыми и прозрачными дверями - медчасть. Пару раз таскал туда коробки с медикаментами.

Никого кроме меня, в коридорчике и медчасти не было, поэтому я совершенно спокойно крыл по родичам, вплоть до девятого колена офицерье базы. Негромко конечно....

- Так вас растак, чтоб вас в аду черти без вазелина драли.... - это было после того, как я обнаружил, что отличные и крепкие джинсы, купленные мною недавно, уже полностью не отстирать. Даже хозяйственным мылом. Выкидывать такую хорошую вещь я, конечно, не стану, но коситься будут....

Тряпка уже больше размазывала, а не отскабливала кровь, да и вода больше напоминала декорацию для фильма ужасов в стиле "Ганнибал" - не хватало только плавающих ошметков мяса. Недомытыми оставалась еще примерно третья часть коридора, и поэтому я решил пойти вылить воду и хорошенько прополоскать тряпку. Вот только перед этим оттереть во-о-о-он ту пару присохших лужиц возле железной двери....

...Я не знаю, что подвигло меня заглянуть под дверь, но я туда заглянул. Сначала поневоле, а потом, заинтересовавшись, уже добровольно.

То, что я там увидел - напоминало по себе мешок с чем-то. Мешок был размером примерно метра полтора или больше. Не очень объемный.

А еще он дышал.

Пару раз тихо стукнув костяшками пальцев в дверь, я приник к ней ухом. Тишина и молчание. Хриплое, с присвистом, но слабое, дыхание еле-еле слышалось.

Звук костяшек, встретившихся с металлом двери, во второй раз был чуть более громким. И снова тишина в ответ. Мою настойчивость я мог объяснить довольно легко - никого не запирают просто так. Ну и любопытство - куда ж без него-то?



- Пс-с-с! Эй! - свистяще шепнул я и снова пару раз стукнул в дверь "Мешок" пошевелился, и слабо спросил:  
- Кто?.. - голос был слаб. Но казахский акцент в нем был явственен - даже очень.  
- Хрен в кожаном пальто... а ты кто? - отложив тряпку, я еще сильнее прижался к щели, видимости не прибавилось.  
- Не знаю... парень, дай пожрать... - "мешок", тяжело охая, повернулся ко мне лицом. Знаете, первое, что мне бросилось в глаза, это кожа облазившая с опухших и кровоточащих губ. А так... ну я много видел битых рож. Эта была точно такой же.  
Черты этого лица я, пожалуй, смог бы описать всего одним словом - один большой синяк.  
- Э-э-э? - ничего более осмысленного от меня не проследовало.  
- Пожра-а-а-ать....  
Быстро запустив руку в узкий карман джинсов, я достал оттуда батончик "Сникерса", один из тех, что были мною прихватизированы на складе. Но вот беда - в щель он не пролез. Сняв с батончика обертку, я тщательно надавил на него ладонью - после этих действий протолкнуть его в конце концов удалось....  
Этого казаха я запомню на всю свою жизнь. Я никогда не забуду, как он, рыча и пачкая руки тающим шоколадом, пожирал этот батончик.

## Тамбов и окрестности

### Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Нам рот заливали  
Кипящим свинцом...  
"Отрекись!" - ревели...*

Русский человек никогда особо не верил официальной пропаганде.

Никогда - но перед "сменой власти" недоверие достигло пика и превратилось в откровенное отторжение любых инициатив власти, смешанное с насмешкой. Насмешку вызывал суровый вид молчаливого (на деле - косноязычного и тупого) президента, насмешку вызывали помпезные и на глазах разваливавшиеся "нацпроекты", которыми власть неумело маскировала вывоз из страны огромных бабок в чайни грядущего - и наступившего - краха привычной жизни и раздела России оккупантами... Наверное, вздумай эта власть на самом деле мобилизовать людей на защиту Отечества - и это вызвало бы смех, и не более. Она - власть - сквернила и смрадила всё, к чему прикасалась, потому что разлагающийся на ходу труп не может не обгаживать то, с чем контактирует...

Одной из немногих пиар-удач власти стало создание архетипичного образа скинхеда. Как это ни смешно, но именно это - получилось. Оболганный русский мальчишка превратился в отвратительного бритого громилу, воняющего пивом, непрестанно орущего "хыльхилер!" и караулящего в подъездах "нищазных тыктыкских деватчек", чтобы свернуть им нежную смуглую шейку. В немалой степени поспособствовала созданию этого образа гопота, охотно снимавшаяся в пропагандистских роликах в роли "мерзких скинов" за сто рублей на нос и флягу пива на компашку.

У среднего русского скина с этим образом общего было не более, чем у таможенника Верещагина с его братьями начала двадцать первого века - вороватыми, жадными, но к месту и не к месту велеречиво брякающими "мне за державу обидно!"

Средний скинхед был инстинктивно сообразителен, но удручающе малограмотен во всех отношениях - от русского языка до теории ведения уличного боя. Жизнь просто-напросто не способствовала получению знаний, а к живительному (во многих отношениях) источнику Интернета скинхед подключиться нередко просто не мог, потому что либо

рос в неполной семье, либо его родители (чаще всего бывшие работяги, лишившиеся работы в связи с очередной "модернизацией") бухали в унисон и беспробудно - и денег просто не хватало на жизнь. Что в том варианте, что в этом. Обладал он и природными храбростью и верностью "своим", но чаще всего неразвитыми, зачаточными. О Гитлере знал, что это был хороший мужик, потому что убивал евреев, о России - что её угнетают хачи и евреи (хотя как соотносить эти несоотносимые вещи - не знал, да и не задумывался над такими мелочами). Налысо почти никто из них не стригся, не носил и бомберов с белыми шнурками (просто потому, что они слишком дорого стоили). Назвать скинхеда дегенератом мог только тот, кто не был знаком с контингентом элитных школ - малолетней нерушью, наркотами, извращенцами, прогнатистами, полудаунами и просто денежными бездельниками. К наркотикам - даже лёгким - скинхед не подходил близко "по идейным причинам". Дратся с "хачами" считал своим долгом, но никогда не поднял бы руку на малолетку или малолетка, заслужи они это хоть сто раз - потому что уличное воспитание диктовало: "Малолетки неприкосновенны". В скинхеды чаще всего приходил после оскорблений, издевательств, побоев со стороны типичных представителей "маленьких, но гордых народов", а то и убийств или изнасилований друзей или родственников, совершённых теми же "гордыми" скотами. Худощавый, русый, с колючими и беспомощными серыми глазами одинокого волчонка, средний скинхед считал службу в армии единственным долгом государству, который нужно было реально отдавать - "потому что все мужики должны служить", хотя и этот святой долг давно превратился в нелепую профанацию. Недоверчивость и злость сочетались в нём с тоской по каким-то мирам и вещам, для которых в скудном лексиконе он не мог найти названий и которые ярко и властно приходили лишь в снах - снах, объяснить которые он тоже не мог, да и не посмел бы...

...Шестнадцатилетний Вовка Семеров был типичным скинхедом вот уже три года.

Впрочем, когда сменилась власть, их тамбовская ячейка притухла почти сразу. Они просто не знали, как реагировать на события и что делать, никакой опыт в прошлом не подсказывал выходов. Да и сводился этот опыт к простому выходу: "Пошли, набъём е...ще хачикам!" Но бить е...ще крепким парням с винтовками и рациями, которые патрулировали город на джипах, или даже не расстававшимся с автоматами евсюкам<sup>11</sup> было как-то... Кое-кто правда заговорил сначала о партизанах, но как за это взяться и что делать в этой роли - никто толком не знал, да и из оружия в ячейке было только холодное, да два тщательно и гордо сберегаемых в одном из подвалов двуствольных ружья 16-го калибра, за гроши добытые в одной из деревень у бабулек. Патрон к ним почти не было.

Если честно, Вовка и на сбор-то не ходил уже почти месяц - приходилось крутиться, чтобы добыть еду себе и матери, которая осталась без работы на рынке (её хозяин-дагестанец, в целом мужик более-менее нормальный, что-то не поделил со своими же, и они незамысловато шлёпнули его на мостике через Студенец, а потом уже их за какой-то хрен изрешетили у знаменитого Т-34 курды, которых в свою очередь тут же прикончил густой очередью из "браунинга" - видимо, просто со страху, а может, со зла или даже просто так - как раз проезжавший мимо польский патруль). Получалось так себе, но хоть голодными Семеровы не сидели. Те же поляки с базы на территории бывшего училища связи оказались мужики вполне себе ничего и охотно меняли что угодно на самый дерьмовый самогон или просто покупали его за еврики...

Только по вечерам Вовка пугался своей комнатки и думал: и что же теперь, дальше так и будет **всегда**?!

...Когда в родном подъезде его вдруг рванули за плечо и отбросили к стене, сперва он подумал, что это гопники - их развелось сверх всякой меры - и, прижав локоть к животу, размахнулся для ответного удара вслепую, рывкнув: "Бля, оборзели через край?!" - но получил сильнейший удар по руке, потом - в колено, потом - уже когда согнулся - в шею -

---

<sup>11</sup> Евсюки - прозвище конфедеративных ментов, "в честь" майора Евсюкова, устроившего ещё во времена РФ бойню в супермаркете

и увидел форму евсюков, за которыми маячил офицер UNFRF - с брезгливым лицом и непонятным чёрно-сине-белым флажком на рукаве формы.

- Дяденьки, вы чего-о-о?! - заорал Вовка, падая на пол и сжимаясь. Его несколько раз беззлобно пнули, потом офицер-иностранец спросил:

- Это он? - без акцента, равнодушно. Вовка приподнял голову:

- Дяденьки, я не делал ничего... - он проследил взглядом отлетевшую к стене сорванную с него барсетку, в которой были деньги и недавно полученное удостоверение личности - ею даже никто не заинтересовался.

- Он самый, Семеров Владимир, - подтвердил один из евсюков. - Забираем?

- Сапирайтте, - кивнул офицер. - Дфоййе со мной, путем опечатывать квартиру.

"Как опечатывать квартиру?! А как же мама?!" Вовка попытался вскочить, но получил ещё один удар - в затылок - и очнулся только когда его уже тащили волоком к стоявшему во дворе грузовику. Мир качался, и парню запомнилась лишь сидевшая на лавочке бабулька, которая несколько раз жаловалась на него ментам ещё при прежней власти. Сейчас она замерла с приоткрытым ртом, держа в левой сухонькой ручке надкусанный ломоть хлеба, и в её глазах был растерянный страх. Был ли ещё кто-то вокруг - Вовка не мог понять, очень кружилась голова.

Потом его зашвырнули в грузовик - открытый "Урал" - грохнули бортом, и машина сразу дёрнулась с места. В кузове было полно, набитком, мальчишек, Вовке молча помогли подняться. Всех вокруг Семеров более-менее знал, но конкретно из его компании скинов тут был только Тимка, один из младших, пришедший в скины перед самой оккупацией после того, как его несколько раз прямо около школы избила компания курдов. Тимка протолкался к Вовке и встал рядом, хлопая глазами недоумённо:

- Чего они? - спросил он. - Меня прямо с кровати сдёрнули, дверь выбили... я даже мамке не сказал ничего... она на рынке...

- А моя где? - вырвалось у Вовки самое главное, самое мучительное, и он закусил губу, обернулся, провожая глазами свой дом - тот уплывал, покачивался, и окно в комнате Вовки было распахнуто. Парень сделал движение к борту - и увидел, что слева и справа едут два открытых УАЗика, в которых за пулемётами сидели всё те же евсюки, но нерусские явно.

Мальчишки были растеряны и перепуганы. Некоторым, как и Тимке, даже не дали толком одеться. Кто-то тяжело дышал, даже всхлипывал. Кто-то всё время спрашивал: "А куда? Слышь, пацаны, а куда?" Большинство просто держались за борта, ёжились от осеннего холода - многие были одеты совсем легко - озирались - как будто их везли по совершенно незнакомым местам. Вовка тоже поймал себя на том, что провожает взглядом вывеску Veeline - ту самую, под которой он часто встречался с Катюхой - и **не может понять, что на ней написано**. Как будто она на иностранном языке... а, но она же и правда на иностранном языке... Он долго смотрел вслед этой вывеске.

- В ментовку, что ли? - прошептал Тимка. Ему никто не ответил.

Грузовик выехал за город и бодро покатил по рассказовской трассе, набирая скорость. Потянулись слева-справа леса; недалеко от котовской трассы "Урал" свернул и заболтался по разбитой песчаной дороге-просёлку. Мальчишки хватались за борта и друг за друга, по-прежнему немо озирались, замолчали все, даже самые настойчивые в вопросах. Вовка слепо смотрел, как прыгает мимо редкий ельничек - пока не услышал крик одного из ребят, стоявших у переднего края кузова:

- Пацаны, нас же расстреливать привезли! Нас же... - голос оборвался как-то удивлённо...

...Пулемёты - штук пять, на треногах - стояли в двух десятках шагов от края старого песчаного карьера. Подальше - несколько машин. Возле пулемётов ходили и стояли люди - в форме евсюков. Отдельной группкой держались несколько офицеров миссии.

Грузовик остановился, взрыл песок, мальчишек опять резко мотнуло, положило друг на друга. Они начали подниматься, и тут со стуком откинулся задний борт, послышался крик команды:

- П...те наружу, ну?!

Ребята начали прыгивать на изрытый песок. Только теперь Вовка заметил сбоку - на песке у ельничка - кучи одежды. Несколько евсюков под командой черноусого горбоносого майора, который весело скалил зубы, с матом начали пихать мальчишек к этой одежде. Ребята не шли. Молча не шли, упирались. Вовка упирался вместе со всеми и не понимал происходящего. Тимка цеплялся за его локоть и, кажется, плакал.

- Чего толкаете?! - нелепо крикнул кто-то. Нелепо, тонко и жалобно.

- А ну пошли раздеваться! - заорал черноусый почти без акцента и дал поперх голов мальчишек длинную очередь из укороченного калаша, перехватив его с бедра.

Раздался стонущий животный крик - крик непонимания и испуга. Мальчишки - кто быстрее, кто медленнее - стали перемещаться к одежде, но сами начали раздеваться только после ещё нескольких очередей поперх голов, переглядываясь и вздрагивая, медленно, словно ждали, что сейчас кто-нибудь отменит этот приказ. Почти все зачем-то аккуратно складывали одежду и обувь. Ставя свои кроссовки, Вовка с каким-то тихим ужасом понял, что видит всё-всё очень чётко, до мельчайших песчинок и каких-то белёсых волосков на травинке. Потом он подумал, что вот сейчас можно прыгнуть в ельник и... он - он прыгнул и убежал. Убежал в мыслях, остро пережил чувство свободы... и очнулся, когда понял, что тяжело загребаёт ледяной влажный песок босыми ногами в направлении края карьера. Почему-то совсем не было холодно, наоборот - голова горела, а остальное тело не ощущалось, было словно шарик с гелием, плыло по воздуху.

Подгоняемые пинками и ударами прикладов, мальчишки, нелепо спеша, выстроились на краю оврага. Вовка медленно оглянулся через плечо и увидел внизу...

Он сразу отвернулся и попытался сглотнуть. Не получалось - глоток застрял где-то под горлом и заставлял икать.

- Вован, Вовчик, Вовка, - прошептал Тимка. - Вовка, это чего?

Преодолевая вязкое сопротивление воздуха, Вовка обернулся и сглотнул. Пулемёты в двадцати шагах перезаряжали. С лязгом и каким-то металлическим журчанием. Вовка не знал, что это за пулемёты, и ему вдруг стало страшно обидно за это незнание. За крайний пулемёт развалисто уселся толстый мордатый евсюк. Он курил, глядя на пацанов водянистыми глазами в белёсых ресницах - глазами откормленной свиньи. Ещё несколько евсюков уже рылось в мальчишеских вещах, по-хозяйски набивая разной фигнёй большие рюкзаки.

- Вовчик, что это?! - тормозил его Тимка. - Вовчик, за что нас?! Воооовчииик! - и вдруг крикнул: - Маааа!!! - рванулся из строя, подальше от края - черноусый пнул мальчишку в живот и засмеялся, когда тот отлетел к остальным и скорчился.

Кто-то в шеренге заплакал. Ещё кто-то отчаянно крикнул:

- Не надо, вы что, не надо!

Вовка помог Тимке подняться. Тот был с синевой и шевелил губами.

- Не надо, не стреляйте! Ну пожалуйста! - кричал кто-то. Ещё чей-то голос буркнул:

- Заткнись ты, ну...

- Ну что, арийцы? - спросил черноусый. - Давайте, делайте так! - он выкинул руку вверх: - Слава России! - и засмеялся. - Ну давайте! Молитесь, свиньи, что смерть лёгкая будет... Готово там? - он отошёл в сторону, поглядев на пулемёты. - Давайте, валите этих свиней.

Плакали двое или трое. Почти все остальные тупо смотрели перед собой непонимающими взглядами. Вовка тоже поймал себя на том, что смотрит в ближайший ствол и не может оторваться. Толклись обрывки мыслей - надо повернуться и прыгнуть... упадёшь с такой высоты - костей не соберёшь... а какой жёлтый песок... в такой осенний день - и такой яркий песок... а мама, что с мамой?!.

- Ну не надо, ну не надо же! - твердил чей-то голос. - Ну пожалуйста - не надо! Ну пожалуйста, ну не убивайте меня, ну не надо! Дяденьки, не надооо!!!

- Суки! - вдруг крикнул кто-то. - Суки е...ные, хачьё сраное, мало мы вас мочили! Всё равно наша возьмёт! Всё равно наша возьмёт, пацаны, не бойтесь! Пацаны, слава России! Паца...

Пламя на конце пулемёта было неожиданно беззвучным - и мгновенно заполнило весь мир...

...Вовка пришёл в себя от ночного холода. Он закашлялся, начал задыхаться, потом сплюнул со стоном в сторону что-то густое - и дышать стало легче. Не шевелились ноги - в диковатом свете луны, делавшем всё вокруг одинаковым, Вовка не сразу понял, что перёрк них лежит кто-то.

Болела грудь - тупо и как-то глубоко. Вовка заскрёбся руками, кое-как повернулся, охнул от боли... и уткнулся взглядом в недоумённые серебряные глаза Тимки, лежащего слева. Нижняя губа Тимки жалобно отвисла, и Вовка спросил:

- Ты чего? - а потом понял, что Тимка мёртв. Убит. Расстрелян. И он, Вовка, тоже расстрелян, но почему-то жив.

Мёртвые были вокруг - не меньше двух сотен трупов в два слоя, пацаны по 12-17 лет. Отдельной кучкой - чуть в стороне и сверху - лежали десятка два мальчишек со связанными за спиной руками, их, наверное, привезли позже остальных и расстреляли последними. Луна освещала чёрным тельняшки на них, и Вовка не сразу понял - и от луны, и от того, что мозг работал тяжело, с болью - что это никакие не тельняшки, а вырезанные у пацанов на груди и животе узкие полоски, спецом **похожие** на тельняшки.

Вовке стало страшно. Он понимал, что это нелепо, что бояться уже нечего. Но оставаться среди голых трупов, сваленных, как манекены возле магазина, он не мог. Он заплакал, со стоном оттолкнул парня, придавившего ноги, и пополз. Пополз, харкая кровью, взрывая ледяной песок, схваченный морозом - пополз, сам не зная куда. Не как спасающийся человек - как животное, маленький раненый зверёк, который уносит свою смертельную боль **никуда** - просто подальше от охотников, от того места, где его настигла пуля... Мыслей не было. Совсем, никаких. Был ледяной песок, ледяной воздух (странно сжигавший рот, горло, лёгкие...) - и ледяная тяжесть луны на голых плечах и спине.

И - мёртвые взгляды вслед.

В ночном, наполненном светом луны и уже почти зимним морозом, заброшенном песчаном карьере посреди разодранной в клочья России полз в никуда раненый, кашляющий кровью и плачущий русский мальчик.

**...В тот день в окрестностях Тамбова было расстреляно больше семи тысяч русских мальчишек в возрасте 10-17 лет, свезённых со всей области. Большинство из них принадлежало в прошлом к многочисленным и беспомощным "националистическим движениям" и в этом качестве "попали на карандаш" милиции, архивы которой полностью достались новой власти. Но среди расстрелянных были зачастую и их младшие братья ("чтобы остановить распространение националистической заразы"), и немало мальчишек, просто схваченных на улицах за "излишне славянскую" внешность. Вместе с ними были расстреляны несколько десятков кадетов из корпуса при Рязанском училище ВДВ, пытавшихся в начале оккупации оказать вооружённое сопротивление - перевезённые в Тамбов, они на протяжении нескольких месяцев подвергались бесцельным пыткам и издевательствам, после чего их приговорили к расстрелу...**

В ходе таких же акций на территории бывшей РФ за четыре осенних дня было убито не менее 47 тысяч детей, подростков и юношей. Сколько было убито девушек и девочек - точно неизвестно; почти все они перед смертью были изнасилованы, трупы их позже пропали. Среди расстрелянных мальчиков уцелели несколько десятков человек, позже рассказавших обо всех обстоятельствах одного из чудовищных актов геноцида русского народа...

...На секунду Вовке показалось, что он всё-таки умер.

Около него - уткнувшегося в песчаный скат сбоку тропинки и с трудом приходившего в сознание - присел на корточки аккуратный старик с тростью в руке. Похожий из-за неё на грибника, по осени забредшего в лес за подосиновиками-опятами и прочей фигнёй. Даже синий ватник на старике казался элегантным, как форма или старинный смокинг. В глазах старика был спокойный интерес, а на плече висела американская винтовка М16 - её Вовка знал хорошо.

Вовка не удивился. Он больше ничему не мог удивляться. Кроме того, он понимал, что умирает - и был рад только тому, что умирает не в одиночестве.

Мальчишка улыбнулся старику и закрыл глаза...

...Тепло одетый невысокий мальчик лет 10-12 подогнал ближе к кустам расхлябистую, но не скрипевшую подводу, в которую была запряжена небольшая рыжая лошадевка, уютно дышавшая парком. Куртка мальчика - великоватый верх от армейского бушлата - была перепоясана офицерским ремнём, на котором висела кобура "макара".

- Дед Артур, - позвал он негромко, вглядываясь в путаницу обманчивого лунного света и чёрных глубоких теней. - Дееед... ой!

Старик вышел из кустов бесшумно, положил руку на плечо мальчика:

- Толик, - сказал он спокойно, - давай-ка вот туда ближе. И расстели там одеяло на сене. Кое-что надо погрузить. Я сейчас буду. И вот ещё что... - он без объяснений вытащил из кармана бушлатного верха мальчишки небольшой цифровой фотик и так же бесшумно, как появился, канул в кусты и исчез в тенях - растворился.

- Ага, понял, - кивнул мальчик. И, дёрнув вожжами, чмокнул губами - уже привычно: - Уц, пшла!

## Гунн

### Республика Тюркских Народов

Это была странная идея. Психанутая. Идиотская. Наивно-мечтательная.

Но слова "невыполнимая" здесь нет.

На эту идею Гунна сподвигли эти самые женщина с ребенком, которых притащил к нему Марат. Одним из начал Идеи, древней, как говно мамонта, и простой как сатиновые трусы - было приобретение квартиры в Караганде. Оформить ее на совершенно левое, может быть, давно умершее лицо (Марат божился что сейчас за деньги и не такое делают). И начать... начать нечто, что в данный момент классифицировалось как "Деятельность, направленная против гос.строения Республики Тюркских Народов" - ну или как-то так. От пятнадцати, и до пожизненного.

Если еще точнее - Гунн хотел спасти детей. Русских беспризорников. Тех, которых сейчас в РТН было очень много, которые натурально БЕЖАЛИ, как тараканы, откуда только можно было. Калмыкия, Алтай, Башкирия... Гордые народы, как водится, предпочли любимую ими политику, при которой во всех бедах (аж со времен Чингисхана) было принято винить исключительно русских. И многие из тех в ответ сопротивляться не могли. Кому-то было привычнее заливать горе водкой. Кто-то покорно следовал приказам - умирая, идя в "уютный" зиндан, или оказываясь на улице буквально с голым задом.

Но были и другие категории. Олжас называл их "Храбрые но глупые", и "Храбрые и умные".

- Понимаете, сейчас таких полно. Те, что глупые - они по старинке, в руку топор, в другую руку пузырь беленькой... Пузырь до дна - и вперед. В последнем рывке порвать задницу врагу... - Олжас, на столе перед которым стоял как раз упомянутый им "пузырь", залпом опрокинул в себя небольшую рюмашку и тут же закусил из открытой банки шпрот. - Давненько так не сидели, да, брат?... Так о чем я? Ах да! - шмыгнул носом. - А

есть "Храбрые и умные". Эти обычно стараются и врага убить, и сами выжить. Те, что по-радикальнее - те в партизаны идут - вон, слышал в новостях - щас таких много развелось в России. Те, что другие, те обычно добиваются хороших должностей и начинают гадить врагу уже с них. Порой удачно, смекаешь, да?

Человек, видевший Олжаса в году так 87-ом или 90-ом, и внезапно перенесшийся во времени в эту трешку, особых различий во внешности Гунна бы не нашел. Те же кроссовки. Светлые джинсы, легкая спортивная куртка темного цвета. Ну... в принципе все. Разве что более новое и качественное соответственно. Надо было отдать амерам должное - в магазинах появилась хорошая одежда.

Марат, одетый фактически так же, как Олжас (вместо кроссовок на нем были российские ботинки для промышленных работ - с железными носами), тоже выпил рюмку водки.

- И что предлагаешь? Как именно действовать?

- Просто. Даже очень. Я сделаю тебе новые документы - благо, есть связи. После чего постараюсь посадить тебя на хорошую должность в местном центре... как они там называется - те, что детей из страны вывозят?

- "Обрети дом".

- Точняк. Вот там и будешь сидеть... наверное, где-нибудь в учете списков детей или еще что... ну ты понял, в общем. Будешь собирать информацию - те, которые хотят ехать... - Олжас вздохнул. - Флаг и в жопу и вперед впереди автобуса. Те, которые оказывают сопротивление - списочки о них ты будешь поставлять нам...

- Кому нам? - удивился Марат

- Много кому. Работа предстоит трудная. В общем, будешь поставлять нам - и мы будем их оттуда вытаскивать.

- Как?!

- Я же говорю - работа трудная. Собственно, из всего сделанного у меня пока идея да квартира. Да еще вот завтра связываться со старыми знакомыми буду... завтра, да. Сегодня никак не могу. Пьянею! - Олжас прервался на высасывания из горла литровой бутылки "огненной воды", рюмка уже давно упала со стола.

- Прекращал бы... - Марат опасно глядел на Гунна, которого он видел таким всего пару раз, и то давным-давно

Олжас прервался и отставил бутылку:

- Не бойсь, все не выпью. На крайняк, вон, - кивнул в сторону пакета, где просвечивали контуры еще трех бутылок. - Правда, там уже коньяк и портвейн - время позднее, ничего другого не достал.

- Олжас, ты так пил последний раз, когда мы....

- Отвяжись. В том и суть. Я тхак... тьфу! - это он поперхнулся - Тьфу, блин! В том и суть! Я нормально не надирался ДВАДЦАТЬ ЛЕТ! А сейчас такое время, что грех не выпить - хотя бы один раз.... Так ты будешь, или я один?

Марат молча полез в пакет и достал оттуда бутылку.

- О. Семьдесят второй... - распечатал. - Ну давай!

Чокнувшись бутылками, они продолжили пить молча.

\* \* \*

А с утра, после опохмелки, началось.

Первым делом приобрели компьютер. С рук, конечно же. На уровне слухов бытовало мнение, что в новые, магазинные компы монтируют жучки и прочую ересь. Конечно, может это и слухи, более того - скорее всего это слухи, но береженого бог бережет.

Потом мебель. Тоже с рук. Но мало. Так - шкаф, диван, стол и еще немножко всякого необходимого. Стулья сперли из какого-то открытого кафе.

Согласно общепривитым канонам, ко всему прочему Гунн должен был приобрести еще оружие. Ящик гранат к примеру, вагон АКМ-ов, ну или на крайняк наган или ТТ. Од-

нако это был не фильм. Во-первых - это было не нужно. А во-вторых - слишком долго искать компетентного продавца. А так... финансы Олжаса позволяли вооружить небольшую армию. Начиная от обмундирования и кончая бронетехникой. А чего удивляться? Не всех богачей печатают в Forbes.

Потом Олжас отправил Марата в квартиру - устанавливать мебель и еду купить. А сам поехал по делам... Да, пожалуй, это можно назвать так...

...- Значит вот тебе от меня, в честь нашего старого знакомства и дружественных отношений... - в уединенном кабинете за столом сидели два человека. По одну сторону - цивильно, с иголки, одетый мужчина. По другую - уже знакомый нам Олжас. Только что от Олжаса в сторону мужчины перекочевала пухленькая пачка, но это были казахстанские тенге. - А вот это - чтобы не делать тебе проблем моей просьбой... - теперь перекочевала уже вторая пачка. Правда, чуть менее толстая - зато более зеленая.

- И что за просьба? - в голубых глазах мужчины, русского, судя по лицу, не промелькнуло ровным счетом ничего.

- Да просто понимаешь... Нужен пакет документов... Удостоверение, паспорт, разрешение на работу, диплом университета и трудовая книжка. Удостоверение, ну и, соответственно, паспорт, на мужчину лет так тридцати девяти... ну, вполне можно до сорока трех. Казах. Диплом - по секретариату. Конечно, понимаешь, что оценки в нем должны быть идеальными.

Русский кивнул.

Олжас улыбнулся и продолжил:

- Трудовая книжка. В ней приемлемый стаж, не знаю, какой там подойдет, и хорошие места работы. Конечно с благодарностями, премиями, и прочей муйней... но без подозрений чтобы. В общем, чтобы взяли хоть к президенту в администрацию. Осуществимо?

- Вполне. Не самая легкость, конечно, но и не невыполнимое задание. Оставь мне свой номер телефона, я с тобой свяжусь, как все закончу. И вот еще что... принеси мне фотографии этого твоего друга - для удостоверения, и вообще... ну понял, в общем.

Олжас снова улыбнулся:

- Хорошо, Саша. Записывай... - быстро продиктовав номер, он поднялся с мягкого стула и протянул через стол руку в рукопожатии. - Ну что, я пошел пожалуй. Дел, знаешь ли, полно...

Русский пожал протянутую руку и изобразил на лице некое подобие улыбки, первый раз за весь разговор:

- Гунн, погоди. А где ты пропадал все это время-то?

- Где-где... где я был - там больше нет!

- Ну блин... где бы ты не пропадал - ты не сильно изменился.

\* \* \*

Стопка учебников и самоучителей грохнула о советский стол. Грохнула настолько сильно, что подпрыгнула компьютерная мышь, до этого мигавшая красным светодиодом. Проапгрейженный четвертый пентиум вышел из спящего режима, явив синюю заставку. На коврик ядовито-зеленого цвета опустился красный купончик.

- И что это? - Марат, позевывая, поднялся с дивана и, протирая одной рукой еще слипшиеся со сна глаза, второй указал на книги и купончик.

- Самоучители английского. А это - оплаченный купон. Курсы того же английского языка. Вот еще второй, - Олжас достал из кармана спортивной куртки другой купон. Правда уже из картона, и еще он был серого цвета. - Курсы компьютерной грамотности.

- О как. Это ты себе, да? - безо всякой надежды спросил Марат

- Такой большой, а в сказки веришь... тебе родимый. Тебе. Будешь у меня учить все это, пока от зубов отскакивать не будет. Иначе тебя не возьмут туда, куда нам надо.

Марат поморщился:



- Пива купил? А то этот семьдесят второй, такая дрянь....

- Купил, купил. И не только пива. Много чего. Будем пить, пока можем - потом будет нельзя! - Олжас подмигнул другу и пошел на кухню. - И вот еще что! - он обернулся, облокотившись на шкаф. - Сходи сделай фотографии три на четыре. Бери сразу штук восемь-десять. Тратить будет куда!

Марат вздохнул и сел на диван. В голове рвались салюты, а во рту явно испытывали ядерное оружие. Грубо говоря, великое дело началось с похмелья...

...Шли дни - и пока кроме Олжаса и Марата в квартире не было больше никого. Первый дома бывал редко, утром и вечером. Пропадая днем, он возвращался либо неся с собой какие-то справки и бумажки, либо не неся ничего, но с выражением полнейшего ехидства на лице.

Второй - учился. У хороших преподавателей, как по английскому, так и по компьютерной грамотности. Все было настолько однообразно, что Марат уже начал было задумываться - а не забылась ли их затея?

Все это решил один случай...

...Произошло это тогда, когда два друга спустились в подземный переход. Куда и зачем шли - Марат уже не помнил. Хотя... если не помнил - значит, это было чем-то неважным.

Раньше, когда еще не было РТН, а был Казахстан, в переходе пахло сыростью и металлом. Сейчас же первым делом глазу открылась панорама расфуфыренных цыган, торговавших всем, чем только можно. Везде валялся мусор. Кроме того, жутко воняло.

- Ффу... - Марат сморщил нос - Ароматы-то какие....

Олжас не преминул ответить:

- Это еще что - сейчас еще начнут приставать. "Купи! Дай погадаю!" - и всякая такая же муть.

- Похоже, ты часто тут бываешь...

- Да уж приходится! Не то, что ты - сиднем сидишь на одном месте!

Переход делал Г-образный заворот и был довольно длинным. Поэтому как не иди - рано или поздно к двум казахам подошла цыганка:

- Джигиты, купит серьги? Хороший серьги, девушка твоя....

Гунн вяло отбрехнулся:

- Нет, не надо.

Цыганка либо была мирной - либо слишком усталой - но отстала она сразу же.

- Ну вот, - Марат ухмыльнулся уголком рта - А ты говорил... - и замолк.

Потому что набежала толпа. Грязные оборванные дети, клячащие "денежку, денежку дай, да!", чуть более старшие подростки, продающие вонючие лепешки и пирожки, молодые парни, предлагавшие те же серьги, цепочки и кольца....

- Пошли вон, чуреки драные! Бл...ди, мать вашу, ох...ели! - грязно ругаясь, Олжас растолкал толпу. Марат не отставал, как в ругани, так и в силе.

В спину казахам понесся отборный (самое главное - почти без акцента!) мат, на который они, как водится, не обращали внимания. Если бы не одна фраза, вполне безобидная, может быть - то все было бы вообще замечательно.

- Зажрались в своей Калбитии, мамбетня, мы вас всех еще повыживаем!!

Олжас сухо улыбнулся.

Олжас расслабленным шагом подошел к сказавшему это молодому парню.

Он резко двинул цыгана ногой в пах, после чего умелым захватом бросил его на загаженную землю перехода. Цыган упал на живот и что-то неразборчиво заорал. Все так же улыбаясь, Олжас примерился и, отойдя на два шага, прыгнул цыгану на шею....

Сто пятнадцать килограмм, округленно, конечно. Ноги слегка согнуты в прыжке - и распрямляются ближе к приземлению. То, что на ногах пружинящие кроссовки - не служит смягчающим фактором.

Молодой цыган, одетый в серые джинсы и кожаную коричневую куртку, дернул ногами... и все. Ничего больше.

ТИШИНА.

- Это - не Калбития. Мы - не мамбетня. Вас тварей, мы еще сами ТАК натянем, что через рот на три метра выйдет.

Степенным шагом Олжас подошел к Марату - и вместе они пошли дальше - к выходу.

- До поверхности идем шагом, выйдем - драпаем! - шепнул Гунн

И они шли. Что примечательно - вслед не бросился никто.

### Дер. Чистое.

#### Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Злое золото*

*Выходит заново*

*Из глуби вод.*

*Оно не за честь,*

*Оно не за страх.*

*Оно - за Самое Главное...*

*Дж.Р.Киплинг. Руны на Виландовом мече.*

- Послушайте, Филяев, - устало, но жёстко сказал Верещаев, в упор глядя на переминающегося перед ним бывшего майора. Сын Филяева Тимка стояла чуть сбоку-сзади отца и смотрел на Верещаева недобро. - Я второй и последний раз вас предупреждаю - если вы не вспомните, что вы офицер и не бросите пить - я вас выкину с нашей территории. Несмотря на ваше весьма достойное поведение в Воронеже. Выкину именно **вас**, ваша жена, которая взялась за ум, и ваш сын останутся.

- Как же, остался я без отца! - вызверился Тимка. Верещаев холодно перевёл взгляд на него, заставил замолчать (Тимка явно собирался продолжать, но теперь лишь выпустил воздух) и снова обратился к угрюмо глядящему в землю Филяеву-старшему:

- Вы моё предупреждение слышали и поняли, я думаю. Вы свободны, идите.

- Есть идти... - рука Филяева сделала было привычное движение, но он тут же её уронил и, не глядя ни на Верещаева, ни на сына, побрёл прочь. Мальчик, кусая губы, всё-таки обратился к Ольгерду:

- Вы не смеете так говорить с отцом, - тихо и гневно сказал он. - Вы...

- Тимофей, - на этот раз мягко прервал его Верещаев, - чтобы я так не говорил с отцом, ему нужно сделать очень простую вещь - перестать пить. Постарайся довести это до его сведения доходчивей, чем это получается у меня.

Повернувшись и заложив руки за спину, Верещаев зашагал прочь, чувствуя, что мальчишка смотрит ему вслед - сердито и растерянно...

...Полковник Лоутон поднялся, когда Верещаев спустился в подвал. И сел только когда на табурете устроился сам Верещаев.

- Вы ещё не начали копать подземный ход для побега? - поинтересовался он, оглядевшись. Обстановка в подвале была спартанской, но вполне жизнеспособной, даже вместо типичной параша стоял невесть откуда притащенный биотуалет. В конце концов, это как бы не первый раз со времён Первой Иракской - американский офицер такого ранга в плену. Да ещё так дурачки...

На стену над топчаном полковника чья-то шаловливая рука (Верещаев подозревал, что - кого-то из парней Федосова) привесила портрет Обамы. Каждый раз, когда Верещаев

спускался сюда, его подмывало спросить, что Лоутон думает о президенте-негре. Вот и сейчас - захотелось, но Верещаев переборол себя.

Лоутон был моложе Верещаева, типично такой англосаксонский. Внешность портил только всё ещё не сошедший со лба фиғналище от "резинки". Смотрел на Верещаева он устало и с досадой. Сперва орал, что его незаконно задерживают, называл всех бандитами и напоминал о конвенциях и прочей херне. Но с некоторых пор перестал - то ли устал, то ли дошла нелепость такого поведения. В плане сведений полковник оказался нулём - его буквально за день до плена перебросили из Чикаго с единственной целью - забрать у местных и отконвоировать в Вашингтон того ГРУшника, упокой... гм, интересно - кто?.. его душу.

Верещаев смотрел на полковника и думал, что у него жена и дети - сын девяти и дочь трёх лет. Им сообщили, что отец пропал без вести. Странно, но мысли не вызывали жалости. Злорадства - тоже не вызывали. Верещаев **просто их думал**.

- Скажите, вам нравится, что у вас президент - негр?

Вырвалось, блин...

- Пойдите... - в глазах полковника мелькнуло понимание. - Пойдите, вы сумасшедший?

- Увы - нет, - вздохнул Верещаев. - Сумасшедшим сейчас быть легко и даже почётно. Вот, например, в воронежских школах... где они ещё работают... даунов учат вместе с нормальными детьми. Почему нет?

- О чём вы? - потерянно спросил американец. Он говорил по-русски без акцента, но слишком правильно. За знание языков у них хорошо доплачивают, подумал Верещаев. - Вы сюда приходите почти каждый день. Ну хорошо, сначала вы меня допрашивали, пусть. Но вот уже чёртову уйму времени вы просто приходите, сидите тут сколько-то времени и задаёте нелепые вопросы или вообще разговариваете сами с собой! Согласитесь, что это...

- Хотите, чтобы вас расстреляли? - дружелюбно спросил Верещаев. Американец осекся и побледнел. - Угу. Не хотите... Я очень беспокоюсь за моих людей. Особенно за детей.

- За каких детей? - устало спросил американец. - Послушайте, если я военнопленный, то не могли бы вы разрешить мне прогулки, хотя бы полчаса в день.

- Вы не военнопленный, - покачал головой Верещаев. - Вы член незаконного вооружённого формирования, которое называет себя "армия Соединенных Штатов". Проще говоря, вы бандит.

Полковник тяжело вздохнул. Промолчал. Верещаев помолчал тоже. Потом заговорил:

- Понимаете, война ещё впереди. Война ещё впереди, а мой народ уже теряет людей. Множество людей каждый день. Они умирают от голода, кончают с собой, их убивают или угоняют в рабство... Скажите, Лоутон, кто дал вам право придти сюда и убивать нас? Только не говорите о приказе. Я не имею в виду вас лично, тем более, что вы никого не убили. Кто вам сказал, что мы нуждаемся в вашей помощи и в вашем руководстве? На каком основании вы делаете то, что делаете?

- На основании того, что вам лень даже выкинуть мусор в мусорную машину, - негромко ответил американец, - и вы гадите прямо около своих дворов.

- Вы решили нас осчастливить? - хмыкнул Верещаев. - Ну что ж... Я принимаю упрёк... Лоутон, вас ждёт семья. Что вы скажете, когда вашу жену и детей убьют в собственном доме? Вы когда-нибудь заглядывали за фасад собственной страны, полковник?

- О чём вы говорите? - полковник посмотрел исподлобья.

- Я спросил, нравится ли вам президент-негр, - Верещаев положил руку на колено. - Я спросил, нравятся ли вам миллионные орды существ, живущих на пособие. Они гадят не только возле своих домов, они гадят в своих квартирах, которые за них оплачивает ваше государство из вашего кармана. А по вечерам они выползают на улицы и смотрят в сторону огней благополучных районов, Лоутон. И жду только малейшей возможности,

чтобы... впрочем, - Верещаев встал; полковник наблюдал за ним неотрывно, - вы сами знаете, о ком я и чего они ждут. И знаете, что нам, русским, не достать до Америки. А эти существа - рядом с вашей семьёй. Вот сейчас. Именно в этот момент, когда вы сидите в этом чёртовом русском подвале и пытаетесь убедить себя - нет-нет, полковник, не меня - **СЕБЯ** - в справедливости вашей Великой Миссии В России. А я могу и не успеть спасти вашу семью. Мы, русские, часто спасаем других, но иногда и мы опаздываем...

- Честно слово, вы сумасшедший! - крикнул полковник, вскакивая.

- Тише, не надо кричать, - сказал Верещаев. - Любой психиатр вам скажет, что с сумасшедшими надо разговаривать тихо и увещевающе. А криком - сколько бы вы не орали - вам не заглушить своих мыслей, полковник. Пока - только о семье. Вы, американцы, редкостно несообразительны... Сядьте.

Лоутон сел - тяжело. Покрутил головой. Усмехнулся. Верещаев сказал благожелательно:

- У вас будут прогулки. С завтрашнего дня по полчаса. Правда, погода потихоньку начинает портиться - осень. Но пока ещё отличные вечера.

И вышел, тихонько насвистывая. Посмотрел на часы - ого, до "выездного совещания" у князя оставалось всего десять минут.

Надо было поторопиться.

\* \* \*

Дмитрий, Иван, Алексей и Ольгерд стояли вокруг нелепого, во все стороны выпирающего какими-то стержнями и плоскостями аппарата, вокруг которого суетился - не подобострастно, а просто взволнованно - тощий длинный мужчина неясных лет и размытого облика. Казалось, что четверых других мужчин он не замечает.

- Он собирается начинать? - буркнул Ментило. Ярцевский спокойно ответил:

- Лично я в этом ничего не понимаю. Ждём-с...

- Похоже, что и он тоже ничего в этом не понимает, - заметил бывший мент. Между тем длинный вытащил из выдвижного ящика стола полуметровую довольно тонкую ленту золота шириной в два пальца. Что-то бормоча, он заправил ленту в щель сбоку аппарата, дёрнул рубильник. Аппарат низким тоном загудел-запел. Тощий склонился над компьютерной клавиатурой, присобаченной с другого бока, защёлкал кнопками. Аппарат издал харкающий звук, даже качнулся... и в никелированный лоток с коротким ясным звоном начали равномерно - с промежутком в три секунды - падать золотые монеты. Ольгерд быстро нагнулся, взял одну и поднял на уровень глаз. Остальные придвинулись ближе.

Увесистый золотой диск - ровный и мерцающий особенным, харакетным для золота, сиянием - оказался тонко отчеканенной монетой. По чуть выпуклому ребру шла надпись: "Княжье золото. Русь. Один рубль. 20... год". На аверсе вздымались под стилизованным солнцем-вайгой (1.) хлебные колосья. На реверсе - надпись ОДИН РУБЛЬ и вздыбивший коня над скорчившимся рогатым и хвостатым демоном воин с копьём.

1..

- Пятнадцать грамм золота 999-й пробы... - пояснил Ярцевский. - Спасибо, Николай Данилович, - обратился он к худому человеку, - это отличная демонстрация.

Тот молча кивнул. Осенил себя крестом на икону в углу и опять завозился с аппаратом, словно бы перестав замечать остальных.

- Это и есть твой инженер? - спросил Ментило.

- Он и живёт здесь, - спокойно ответил Ярцевский. - Его привёз из Москвы Алексей, - Пешкалёв чуть заметно кивнул, глядя в сторону, не на монету. - Обычное дело. Работал главным инженером на монетном. А в начале всей этой истории чёрные убили у него всю

семью. Он подвинулся головой, а вот навыков не утратил. Считает, что работает по личному распоряжению господ бога на одоление супостатов. Я не против.

Слова Дмитрия были холодны, взвешены и циничны. И холодны были его глаза за стёклами очков, и улыбка на тонких губах под ровными усиками была холодной.

Мужчины гуськом вышли наружу из небольшого цеха. Построенный на краю леса и полностью скрытый кустами, термоплёнкой и масксетью, он тут же превратился в обычный холмик. Над окрестностями начинался осенний закат - сентябрьский, тихий, тёплый, золотой и алый.

- Должен сказать, что наш план с губернаторами провалился, - сцепив пальцы за спиной, Ярцевский покачивался с пятки на носок, глядя, как алые полосы бегут по водной глади. - Василий Григорьевич был прав, когда предупреждал о чём-то подобном, более не стоит и время тратить на рассаживание своих людей в эти опереточные кресла... Впереди страшная зима, товарищи... Не для нас конкретно - для России в целом. Самая страшная со времён Гражданской. Я думаю, речь пойдёт о миллионах погибших...

- Что делать с золотом? - спросил Ментило. - Оно в таком виде мертвый груз.

- Не совсем, - Ярцевский не поворачивался. - Но дело не в этом... Василий Григорьевич выходит в отставку по состоянию здоровья, на его место уже давно рвутся несколько... дебильчиков. А он вместе с семьёй уезжает в Германию... - князь помолчал и продолжал. - Шукаевы погибли в аварии где-нибудь в Баварии... Стихи получают - авария-Бавария... Ну а дальше в славной оффшорной стране остров Мэн возникнет фирмочка... ээээ... скажем... "Дрэгонз Лэнд". А управлять ею будет с солнечных островов Тихого Океана бизнесмен Шукевич. Природный хохол... - Ярцевский резко развернулся и грубо сказал: - Ну, что примолкли, граждане соратники? Василий Григорьевич сам предложил мне этот план. И мы ещё увидим, что будет дальше. А сейчас прошу в правление на большой и страшно важный совет - судя по всему, нашим колхозом наконец-то заинтересовались те, кому этим интересоваться совсем не нужно... и с этим надо что-то быстро делать.

## Ярослав Найменов

### Республика Тюркских Народов

Я так и не узнал, кем был тот мужик, которому я отдал батончик. Не надо думать, что попыток не было - что мог, я сделал. Но не получилось ровным счетом ничего. Ну только уточнилось - что этот тип один из тех, кто Амадрилос мочканул.

Конечно - особого обнародования не было. Многие знали, что эту инспекторшу закололи, но особого ажиотажа не поднимал никто - амеры умели завязывать язычки особорьяным трепачам. Им совсем не нужен был подрыв репутации - поэтому эта новость быстро перешла в разряд легенд. Вроде убили - а вроде и нет.

Жизнь продолжалась. Многие из моих друзей поразъехались кто куда, еще больше просто перестали со мной общаться. "Амерский подстилок!" - это был один из самых мягких эпитетов. Надо сказать, я не понимал, за что? На этой базе работали многие... хотя, может, и остальным так же не сладко? Но в конце концов я понял причину этого. Банальная зависть. Зависть даже не потому, что я там работал - в должности моей ничего завидного не было. И даже не в том, что я сумел кое-как устроиться, и обезопасить себя и маму.

Причина была в том - что этого я сумел добиться, ни к кому не подлизываясь и не сближаясь ни с кем - с кем я не хотел. Я просто работал, просто получал зарплату и некоторые льготы. Гораздо больше меня в дом приносила мама - со своим недоконченным высшим образованием она смогла сдать уже на полное высшее - и теперь работала врачом скорой помощи, а не фельдшером.

Близилась осень - и свободного времени у меня оставался целый год с лишком. Если бы не работа - я бы сдох от скуки. Хотя с работы мне все больше и больше хотелось уйти. Если раньше туда просто возили детей - и они оттуда драпали как вода из дырявого корыта - то теперь база стала уже не перевалочным пунктом, а нечто большим. Все чаще я видел, как в уединенные бараки уводят девочек и мальчиков. Еще чаще я видел как им дают какие-то колеса... это был риталин. Последствия - ходящие, подобно зомби из ужастика, пацаны и девчонки. Прием не был обязательным, но часто амеры делали так, что у них не было выбора, кроме как выпить эту гадость. Некоторые индивидуумы скапливали по сто, двести таблеток, и сжирали их сразу и зараз. Кому-то удавалось умирать - однако гораздо чаще этим "героям" профессионально и быстро промывали желудок. И все сначала.

Конечно, были и бунты, и побеги. Не могли не быть. Как я уже сказал - не все жрали риталин. Но побеги легко ликвидировались браслетами с жучками, правильно снять которые было невозможно. Бунты же подавлялись быстро и беспощадно.

Конечно, мне хотелось помочь. И иногда - я помогал. Передавал нечто более питательное, чем обычный паек, иногда сигареты - или еще что. К сожалению, на большее у меня не было возможностей...

...Мог ли я подумать, что вскорости у меня будет такая возможность? Не мог. Но об этом позже...

...Тот день ничем выдающимся не отличался. Я встал рано утром, как водится уже один - мама ушла на двоесуточную смену. Поставил себе что-то из имевшихся супов, взял пару пресных галет. Поев, я вышел во двор, проверить, что там и как, с недавних пор я частенько обнаруживал то измазанный краской забор, то разбитую об ворота бутылку с чем-нибудь вонючим, то еще какую пакость....

На базе же работы было много - привезли новую партию "переселенцев" из "Обрети шанс". Под надзором охраны с "демократизаторами" идущие через весь плац, в бараки, попарно, ровным рядком... на добровольное переселение это походило меньше всего. Я оглядел их лица, не улыбался почти никто. У тех же, чьи лица все-таки содержали улыбку - прямо было написано на лбу: "Обдолбался" - и улыбка была неискренней. Спиной я чувствовал, как сзади меня стоят такие же разнорабочие, молодые парни и взрослые мужики. Впереди тоже было немало народу.

И вдруг - молния. Молот на наковальню.

- Дяденьки, спасите! Помогите, я не хочу!!!

Где-то в середине идущих "переселенцев" заорала девчонка. Высоким, тонким голосом - лет так одиннадцати, не больше. Я не мог видеть, что там и как... да и не хотел.

- Вы сильные, вы можете!! Дяденьки, помогите!!

Это было противно. Нет, не крики, **противным было осознание того - что ты не можешь ничего сделать.** Тем временем к девчонке подошел охранник.

- Дяденьки!

- Жаткнишь, - и дал ей подзатыльник. Рукой, в грубой перчатке, прямо по детскому затылку. И все. Дальше была тишина и всхлипывания несчастной девочки.

Повернувшись и расталкивая толпу, я пошел, не глядя куда. Лишь бы подальше отсюда. На душе как будто лежала огромная и вонючая куча дерьма. И куда ни глянь - всюду слышится одно и то же: "Вы сильные, вы можете!! Дяденьки, помогите!!".

### Воронеж и Святоданиловский монастырь

### Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Своей волей гулял,  
Своей волей всё взял...*

*Былина IX века.*

Перевалочную базу на окраине Воронежа взорвали ранним утром, когда ещё только-только начинало рассветать.

Нет, конечно, это было слишком силь сказано - "взорвали базу". Взорвана была не база, а ограждение и один из кунгов охраны. Что там произошло на самом деле - было сложно определить. Генеральный комиссар ООН Паолизи спустил всех собак на военных. Его мало интересовали потери среди миротворцев, разрушенные здания и прочая ерунда. Куда важнее было то, что с базы исчез ценнейший товар, оплата за который уже была произведена на личный счёт Паолизи в одном из швейцарских банков. Как могли исчезнуть... м... в общем, как могла исчезнуть такая масса товара - Паолизи не понимал.

Больше всего на свете пронырливый и трусоватый, но очень хитрый итальянец, за время своей деятельности в экс-России сколотивший уже несколько десятков миллионов в евро, не любил что-то не понимать... Но для того, чтобы понять, ему пришлось бы перенестись в прошлое - в вечер перед той ночью, когда была взорвана база.

И даже если бы он мог это сделать и мог наблюдать то, что происходило - он бы не понял увиденного, как не понимает цветовой гаммы ахроматик...

\* \* \*

На окраине Воронежа, недалеко от пересечения улицы Перхоровича и Проспекта Патриотов (не так давно спешно переименованного в Проспект Покаяния), человек разговаривал с богом.

Было холодно (центральное отопление почти не работало), горела подвёрнутая для экономии керосиновая лампа, и в её желтоватом свете внимательные глаза человека смотрели во внимательные глаза бога на иконе.

Из своих двадцати восьми лет отец Георгий разговаривал с богом двадцать три. С первого посещения церкви. Он никому и никогда не говорил об этом, но общение с Господом было для молодого священника - а ныне расстриги, безработного, спасавшегося от ареста только тем, что его считали полусумасшедшим, и он этот имидж тщательно поддерживал - так вот, общение с Господом всегда было прямым. Он говорил - и Господь отзывался. Он спрашивал - и Господь отвечал.

Однажды - ещё в семинарии - он рассказал об этом ректору. И получил совет - очень вежливый, очень сочувственный - посетить психолога. Семинарист поблагодарил наставника, а про себя усмехнулся: зачем психолог тому, кто говорит с Богом?

Сегодня Бог не отвечал. Может быть, он не хотел говорить с человеком, который расстрижен, но продолжает считать себя священником, а по ночам поджигает гей-клубы и тычет заточкой в подворотнях в тех, кого считает врагами веры?

- Может быть, я ошибаюсь, Господи? - негромко спросил отец Георгий и сплёл на краю светового пятна на столе пальцы в прочный замок. - *Встал Бог в сонме Богов, среди Богов произнёс речь...* Господи, ты жив?

Он сказал это - и не успел испугаться кошунственности своих слов, потому что услышал стук во входную дверь. Негромкий и отчётливый стук.

Это могли быть оккупанты, решившие наконец взять расстригу. Могли быть бандиты из диаспор, которые за последний месяц убили в Воронеже более трёхсот человек только за то, что они открыто говорили о своём православии. Могли быть, наконец, просто гопники, голодные и злые. И ещё это мог быть кто-то, пришедший за Словом Божиим.

Поэтому отец Георгий поступил, как всегда - просто подошёл и открыл дверь...

...Мальчишку, стоявшего на пороге, он не сразу узнал. А когда узнал, то охнул:

- Сеня?!

- Отец Георгий... - мальчишка переступил раздрызганными кроссовками. - Можно я... войду?

- Да конечно! - священник втащил внутрь ночного гостя (ощутив, что тот дрожит - на мальчишке была только тонкая джинсовка и спортивные штаны), хорошо знакомого по

церковному приюту, который священнику удалось удачно эвакуировать в самом начале оккупации. - Что ты тут делаешь, ты же в...

- Я оттуда сбежал, - мальчик, попав в относительное тепло, зашмыгал носом, но от порога так и не отходил и поглядывал неуверенно, робко и в то же время с каким-то вызовом.

- Зачему?! - священник всплеснул руками. - Раздевайся, я сейчас воду согрею, ты же грязный весь... и дрожишь! Зачем ты сбежал, горе?

- Партизан искать, - мальчишка всё-таки сделал несколько шагов. - Я не могу просто так... Сбежал и попался к этим... с перевалочной. Отец Георгий! - мальчишка вдруг встал на колени. - Отец Георгий, миленький! Помогите! Помогите!

Священник-расстрига замер с кувшином в руках, которым набирал воду из бочки в углу...

... - Значит, двести человек.

Сидевший напротив мальчик, державший обеими руками кружку с настоящим чаем и закутанный в подрясник, кивнул. Он рассказал всё и теперь ждал от отца Георгия... чего? Чуда ждал.

Двести человек, подготовленных к отправке в Турцию с перевалочной воронежской базы. Мальчики, не старше двенадцати лет. Не младше десяти. Когда Сеньке удалось сбежать, то он бросился к единственному взрослому человеку, которого знал в Воронеже. Которому верил.

С которым больше не говорил Бог. Потому что не знал, что сказать. Или вообще - умер.

- Вы можете? - прошептал мальчик. И в его шёпоте уже не было надежды. Он видел растраженность взрослого, видел его прячущийся взгляд... - Отец Георгий?

И тогда отец Георгий встал.

Встал, и его тень упала на икону, по краям которой зажёгся оклад, ранее казавшийся тусклым.

- Теперь запоминай, - отец Георгий внимательно посмотрел в глаза мальчишки. Тот подтянулся, отставил кружку с чаем, кивнул. - Сейчас ты поспишь. А потом я тебя одену потеплей, дам еды - и ты пойдёшь в деревню Чистое. Знаешь такую?

Мальчик кивнул. Добавил неуверенно:

- Но она же почти брошенная...

- Не перебивай. Дойдёшь - а дойти ты должен **обязательно**, запомни! - и поймёшь всё. Там отыщешь человека по имени Ольгерд. Он один такой - **Ольгерд**, имя запомни. Ему расскажешь всё, что мне. Всё в таких же подробностях. Ответишь на все его вопросы. И обязательно добавишь, что детей отец Георгий вывез в Святоданиловский монастырь и что... - священник помедлил, словно бы собираясь с духом, и продолжал решительно: - И скажешь ему, что детей оттуда надо забрать. Там они тоже пропадут, только позже и по-другому. Понял?

- Понял, - мальчишка не сводил со священника глаз. - В Чистом найти Ольгерда. Рассказать ему всё. И обязательно сказать, что наших надо забрать из Святоданиловского монастыря.

- Верно, - отец Георгий улыбнулся. - А теперь допивай чай и пару часов поспи. Я тебя разбужу, когда будет надо. Иди, ложись.

Мальчик сполз с табурета, побрёл к кровати, засыпая на ходу. Для него теперь всё было ясно - взрослые всё сделают и всех спасут. Эта детская вера была убийственной и, видимо, неискоренимой... даже если взрослые стали предателями. Предателями. Почти все.

Отец Георгий сел и стиснул кулаками виски.

Зачем нужны были русские мальчики в Турции, почему не младше десяти и не старше двенадцати лет, почему так много - двести - и с какой стати миссия ООН сотрудничает с турками вне их зоны ответственности "на югах" - отец Георгий, честно говоря, не заду-



мался. Если бы он сделал это и поделился с кем-то простыми выводами или хотя бы информацией - возможно, ему удалось бы слегка изменить историю.<sup>12</sup>

Но отец Георгий не собирался ничего менять. И думать мог теперь только об одном...

...Снаружи шёл осенний дождь, воронежский, холодный и мерзкий. Неподдалёку стреляли, где-то что-то горело - зарево на небе. По проспекту проехал, заунывно нудя сиреной и крутя прожектором, патруль. Подняв воротник пальто, отец Георгий ещё раз подёргал запертую дверь и сказал тихо:

- Помоги мне, Господи. А?

И быстро, крадучись, пошёл в темноту.

\* \* \*

- Поможешь?

Щупак ссутулился за столом. Молча. Он молчал долго, сидя в тени. Отца Георгия освещала керосинка, и её бронзовый чуть дрожащий свет делал прямо сидящего священника-расстригу похожим на образец старообрядческого письма. Его смешная козлиная борода торчала, как карающий меч.

Наконец бывший атаман тяжеловато поднялся, упершись ладонями в стол. Постоял так, не поднимая глаз, потом, грузно ступая, вышел в соседнюю комнату. Послышался его голос, потом - вскрик жены и бурчание: "Молчи, дура..." Щупак вернулся, следом за ним почти сразу проскочил из комнаты, на ходу застёгивая куртку, его младший сын. Под тихие, неразборчивые причитания жены - она сама так и не показалась - появились старшие сын и дочь, тоже вышли, но в другую дверь.

- Ну вот. Значит, пора. Сейчас ещё пятерых младший приведёт, - сказал Щупак. - Ты, я, мои двое, да пятеро - девять человек.. Я сказал - не вой! - повысил он голос, чуть обернувшись в сторону двери в спальню. - Собирайся давай, нам теперь тут оставаться нельзя будет... Жорка, ты куда? - это он спросил у священника.

- Домой добегу, отправлю гонца, - отец Георгий встал. - Где собираемся?

- Да тут, - Щупак прищурился. - К Ольгерду посылаешь? - священник кивнул, застёгивая пальто. - Он же нехристь. Язычник.

- Дурак ты, Юрочка, - печально сказал расстрига. - Хоть и старше меня, и казак, и атаман - а дураааак... Оружие на меня оставьте. Если есть. Я скоро.

- Найдём, - в спину ему пообещал атаман...

...Вооружена группа оказалась неплохо. У самого Щупака был АКМ с подствольником, "копанный" ТТ, пара ручных гранат РГД-5, "муха". У старшего сына - когда-то привезённый из Югославии Юрием Сергеевичем М70Б1 (фактически копия АКМ) и шесть РГ-42. У дочери - АКС-74, две немецких "колотушки" и "копанный" "вальтер" калибра 7,65.

Пришёл казачонок Андрей - сейчас полубеспризорный, его родителей в какой-то ссоре на улице две недели назад убили дагестанцы. У мальчишки оказался невесть как попавший в его руки М4 "кольт" с подствольником, плюс ПММ и три РГД-5. Его приятель Федька пришёл с отцом, реестровым казаком. У них у обоих были АКМС, по "копаному" "парабеллуму" и гранаты, две "лимонки" у Федьки, шесть РГО у его отца. Ещё прибыли двое бывших молодых казаков, ушедших из войска после того, как выгнали Щупака. У

---

<sup>12</sup> В лагеря на территории Турции по соглашению с кукловодами, стоявшими за спиной ООН, было вывезено более 30 тысяч мальчиков с территории России и Украины. Руководство Турции, претендовавшее уже тогда на роль абсолютного лидера мусульманства, предвидело большой конфликт мусульман с "азиатским миром" за опустевший Китай (см. текст книги - ч.2) и готовило из белых детей - более крепких, здоровых и сообразительных, чем мусульманские - малолетних "одноразовых" смертников. Подобные попытки, хотя и в меньших масштабах делались с детьми и из других европейских стран, где мусульманам удавалось хотя бы временно получить сколь-либо значимую власть. (см. там же) Подавляющее большинство детей погибло в боях.

одного был югославский же пулемёт М72АБ1 и опять-таки югославский ТТ плюс три РГ-42. У второго - АКМ и три "мухи". Патронов вполне хватало всем.

Они ждали во дворе заброшенной пятиэтажки - за домом Щупаков, сюда можно было попасть через лаз в заборе. Ждали, покуривая и негромко переговариваясь - не для обсуждения, всё уже было обсуждено, просто так.

- Грузовик жалко, - буркнул усатый, сухощавый, из одних жил скрученный невысокий казак. Щупак хмыкнул:

- Ты автобус свой готовь. Тебе с нами не идти, но твоё дело, может, поважней нашего... На ходу?

- На ходу... Двести человек - набью, как сельдей в бочку. Ладно, не подавятся. Дове- зу.

Казак Евгений Палыч был известен тем, что уже несколько раз вывозил детей с баз оккупантов - даже из Казахстана, а первые рейсы начал совершать вообще по своему по- чину, ни с кем не советуясь и не связавшись, с бывшим атаманом они встретились и разго- ворились позже. Щупак заметил ему ещё:

- Отвезёшь детей - и давай сам сюда. Технику свою бросай к нехорошей маме. Ухо- дить будем на конспиративки вместе с семьями. Чую я, скоро полыхнёт тут...

- Я всё ж таки ещё раз под Курск смотаюсь, - покачал головой Евгений Палыч. - Там завязка прочная, ребята ждут, много... А потом вас найду.

- Па, я с вами? - с надеждой спросил младший Щупак, подходя. Атаман мотнул голо- вой:

- С матерью пойдёшь. И не спорь, а то в лоб схлопочешь.

Тот надулся, но промолчал. Щупак мягче сказал:

- Мать побереги. А мы придём скоро.

Мальчишка обнял отца обеими руками, уткнулся головой ему в грудь. Потом сам от- толкнулся и быстро, бесшумно канул в ночь - как не было.

Подошёл отец Георгий. Он нёс выданный АКС-74 и выглядел спокойно-сосредото- ченным. Но всё-таки не смог сдержать удивления, когда Щупак сказал ему:

- Помолимся, что ли, батюшка?

И почти вскрикнул, услышав спокойно-разрешающий голос: "Ну давай, за дело."

\* \* \*

Последних детей в автобус впихивали и правда как сельдей в бочку. Опомнившаяся охрана вела уже густой, хотя и неприцельный огонь, выли сирены, метались лучи прожек- торов. Щупак, помогавший влезть на крышу автобуса раненому сыну, повернулся к веду- щему огонь из-за угла кунга священнику:

- Скорей, отправляемся! - в голосе атамана был неистребимый казачий юмор.

- С богом! - крикнул отец Георгий и махнул рукой так яростно, молча, резко, что **атаман разом понял всё**. Он ещё хотел крикнуть что-то, возразить, хоть и бесполезно это было... но застонал сын, рванулась машина, внутри закричали, заплакали - и последнее, что запомнил Юрий Сергеевич, было - яростный свет прожекторов, сошедшихся на фигу- ре в расхристанной рясе с занесённой рукой, бегущие сквозь холодное белое зарево чёр- ные получеловеческие силуэты - и крик отца Георгия, сильный, почти мелодичный: - Про- сти, Господи!

Потом за клубилось рыжее пламя, намертво перекрывая путь погоне - если о погоне могли помышлять те, кто уцелел...

\* \* \*

Последний раз Верещаев убивал в армии, в давнем начале 90-х. И это были не бои, а так - нелепые стычки, и стрелял он в тех, кто ничего ему не сделал, чьих проблем он не понимал и кто вряд ли мог понять его самого.

Совсем не то, что было сейчас.

На вывоз детей из монастыря послали группу "евсюков" из дагестанской диаспоры с тремя турецкими офицерами. Турки "рулили" "братьями-мусульманами", как нечистым и тупым скотом, и те "шуршали" без единого возражения. Сейчас четыре больших грузовика - пустующих - стояли в ряд на подъездной дороге, а возле запертых ворот монастыря торчали два УАЗика и "хаммер". Тоже пустые, если исключить пулемётчиков, бдительно развернувших два ДШК и "браунинг" в разные стороны - ну и водителей. Четыре "евсюка" и трое турок явно собирались высаживать ворота чем-то вроде сапёрного заряда. На колокольне истерично гудел колокол. Верещаев усмехнулся. Ага, набат. Вставайте, люди г'усские. Сейчас, прибежали к вам на помощь из соседней давно спившейся деревни, где осталось три калеки. Или ещё вот прям сей секунд ангелы спустятся и всех разгонят огненными мечами... Неужели правда верят в эту лабуду? Ещё бы по стенам с иконами прошлись...

В сотне метров от ворот лежали восемь человек - Ольгерд в их числе. Пологий длинный холм образовывал там двойной изгиб, поросший голым уже, но густым кустарником, надёжно маскировавшим группу. У троих были снайперки: две СВД и "мосинка", с которой Верещаев тренировался в любую свободную минуту всё последнее время. У троих других были РПГ-6, заряженные выстрелами МШВ. И - пара с ПКМ.

Лежали уже довольно долго, успели соскучиться и сейчас ждали первого выстрела.

Верещаев аккуратно пересел "по-егерски" и плотно устроил винтовку в руках. Приложился. Четырёхкратный прицел сразу сделал близким лицо пулемётчика в "хаммере" - типичное лицо горского хоря, злобного и жестокого в ощущении своей силы и своего превосходства.

Верещаев усмехнулся, плавно повёл оружие от губ ко лбу и одновременно нажал спуск...

...Двенадцатиграммовая пуля, летевшая со скоростью восемьсот метров в секунду, попала точно между бровей джигита как раз в тот момент, когда он сожалеющее думал о том, что в монастыре нет девок, а мальчика турки не дадут, трясутся над ними. Попав - передала в заполненный нехитрой скотской мыслью мозг три с половиной тысячи джоулей энергии и с приятным чувством исполненного долга вышла в основании черепа, пролетела ещё полсотни метров и мирно упала в грязь.

Голова пулемётчика брызнула алым и серым, и он сполз в люк - остались торчать в осеннее небо дёргающиеся руки со скрюченными пальцами. Впрочем, это никого особо не заинтересовало, так как в тот же миг были убиты двое других пулемётчиков, а через две секунды взорвались и все три джипа...

...Вторую пулю Верещаев посадил в пах успевшему обернуться турецкому офицеру - посадил с наслаждением и даже понаблюдал секунду, как гордый осман крутится около монастырских ворот, то сжимаясь в комок, то резко распрямляясь, а через ладони свищут неудержимые красные струйки. Третья - рука быстро и плавно перебрасывала затвор - угодила в кадык вскинувшему в броске к обочине автомат "евсюку", пробила позвоночник и уложила кавказца на месте.

А больше стрелять было не в кого. Лишь из кабины одного ЗИЛа медленно выпал и потёк кровью - по волосам и упавшим рукам - водила.

Четырнадцать оккупантов были убиты и три машины сожжены за четыре секунды. Было потрачено три МШВ и четырнадцать патрон 7,62x54. ПКМ-у работать не пришлось, а у Верещаева был самый плохой "счёт" - из-за турка, на которого он отвлёкся.

Но, если честно, его это не интересовало.

Из монастырских окон видели, как возле кустарника, только что брызгавшего свирепым огнём, возник среднего роста человек в не очень чистом камуфляже, мешковатом,

перетянутом ремнями, с непокрытой головой. Под левым погоном торчал берет, до подбородка поднималась толстая высокая горловина тёплого свитера. Положив на плечо ствол старую винтовку, человек неспешно пошёл к монастырю. Большая коричневая пистолетная кобура - как в фильмах про Гражданскую войну - покачивалась у него возле правого колена. Лавируя между трупами и машинами, горящими и целыми, человек подошёл к воротам, постучал в них ногой в высоком заляпанном грязью ботинке на шнурках и ремнях. Левая рука у него была в чёрной кожаной перчатке, правая перчатка торчала из-за борта камуфляжа.

- Открывайте, святые отцы, - негромко, но ясно сказал он, щури карие глаза в сеточке морщин по углам. Немолодой уже, совершенно обычный человек.

Ворота открылись...

...Отец Исидор, игумен монастыря, с достоинством указал гостю на накрытый стол. Верещаев не стал чиниться, сел, пододвинул тарелку с картошкой и зеленью, сказал:

- Людей надо накормить тоже. И детям соберите в дорогу.

- Да, дети... - игумен постоял, глядя на икону в углу. - Я распорядюсь, чтобы ваших людей накормили, конечно. Мы вам очень благодарны! Но дети... Куда вы их забираете? Зачем? Двести человек...

- Есть и куда, есть и зачем, - Ольгерд уже ел. - Спасибо, что приняли их, но, как видите, ваши стены - не защита.

- От опасностей мирских - возможно да, - задумчиво возразил отец Исидор. - Но страшной опасности духовные. И более надёжной защиты от них, чем стены монастыря, не найти.

Верещаев хрустнул солёным огурцом.

- Вы предлагаете оставить детей у вас до следующего визита гостей, который состоится ближе к вечеру? - уточнил он. Налил себе левой рукой кипятку в чашку с заваркой.

- Куда вы их хотите забрать? - вопросом ответил священник, слегка повысив голос. Верещаев посмотрел на него, как волк на говорящего кролика - недоумённо и даже с робостью. Потом усмехнулся:

- Воевать, батюшка. За нашу победу, как в одном кино сказано. Чтобы их больше не таскали за хомут сперва в концлагерь, потом в монастырь, потом из монастыря... А то так мы и не успеть можем. Уже много куда не успели.

- Вы знаете, - мягко и уже спокойно сказал священник, - я не признаю этой позиции: добро должно быть с кулаками. Добро должно быть с добротой. **С добротой**, понимаете?

- А вы знаете, я тоже не признаю этой позиции - насчёт кулаков, - сказал Верещаев спокойно. Отец Исидор посмотрел удивлённо - кажется, он ожидал возражений. - Добро должно быть не с кулаками... - Верещаев выдержал паузу, - ...добро должно быть с пулемётом. И должно уметь им пользоваться. Вот тогда не будет таких, как те, кого мы сегодня положили под стенами вашего монастыря - и кому наплевать на вашу доброту, отче, кому она смешна и безопасна, а значит - полезна! - в голосе Верещаева прорвалось на миг раздражение, но он явственно скрутил его и прочёл: -

А смысл Истории, в конечном -

В добротном действии одном:

Спокойно вышибать коленом

Добру не сдавшихся добром... Спасибо за чай, за картошку с огурчиками, батюшка. А детей мы у вас забираем. Вы не можете ни защитить их, ни научить ничему, кроме абстрактной жижицы. И не грозите мне карой бога и угрызениями совести, - почти скучным голосом опередил Верещаев гневно выпрямившегося священника. - Что до совести - я раздавил её сапогом уже давно - за беспомощную назойливость. О боге - мои боги старше и мудрей вашего. Если попытаете препятствовать - пристрелю вас прямо тут и накрою сверху иконой, чтобы было не скучно. Итак?

В тишине, наступившей за этим вопросом, раздался тугий щелчок. Это Ольгерд большим пальцем отбросил крышку кобуры "маузера".

\* \* \*

- Пойдём быстро, - Верещаев прошёлся перед строем, словно бы наугад ткнул в грудь мальчишки, другого... - Ты, ты, ты... ты, ты... - он отсчитал двадцать человек. - Назначаетесь командирами десятков, в которых стоите - направо от вас. Ваша задача - следить, чтобы никто не отстал, чтобы никто не жрал на марше продуктов, чтобы на привалах все осматривали ноги и не вздумали орать и жечь костры. Замечу что-то подобное - спрос будет с вас. Ясно всё?

Ещё не столь давно очень многие из этих мальчишек вполне могли - ощущая за собой родителей, "права", охрану возраста - схохмить или огрызнуться на командный тон постороннего взрослого. Во всяком случае - не избежать было вопросов типа "а куда мы?", "а кто вы?", "а чего я?" Но сейчас над строем лишь прошелестело:

- Да... понятно... есть... понял... угу, то есть ой, да... да... ага... я понял...

- Кто умеет пользоваться "калашами"? - задал следующий вопрос Верещаев. Поднялось несколько рук, неуверенно. - Так, эти ко мне, ждать около ворот. Остальные разбирают вон оттуда вещмешки и продукты по норме - три буханки хлеба на десяток, у старшего, каждому - по шесть "бомж-пакетов", по банке тушёнки и по три пакетика чая. Потом разбираем бутылки вон из той кучи, заливаем водой вон в той колонке - по десяткам. Кто залил - берут одеяла вон у того входа. Всё это пакуем в вещмешки и строимся. Десятники, проконтролировать, первый десяток слева пошёл.

Толпа задвигалась - неожиданно организованно, как под гипнозом. Послышались громкие окрики-полукоманды-полупросьбы. Поднявшие руки уже переминались у ворот, в которых ухмылялись приехавшие с Верещаевым бойцы, державшие в поводу коней.

- И вам хватит, - кивнул пожелавшим вооружиться Верещаев. - Два... три... пять. Хорошо. Значит так. За воротами есть "калаши". Идёте и приносите сюда по "калашу" и по лифчику... знаете, что это?.. с магазинами и прочей тряхомундией. Пошли, быстро!

Один из мальчишек влетел обратно почти сразу. Посмотрел ошалелыми глазами, икнул. Верещаев ткнул пальцем:

- Ко всем, марш.

Остальные четверо вошли почти одновременно. Одного покачивало, он нёс оружие на вытянутых руках, второй приткнулся к стене и вдруг начал блевать. Верещаев переждал, scomандовал:

- Влезли в лифчики, околочеловечки. Быстро, быстро лезем, как в школьные рюкзаки... Так. Около того, что надо. Оружие к осмотру! Я сказал - оружие к осмотру, долбаки малолетние! Вот так... Хорошо. Патроны подобрать, магазины дозарядить, примкнуть, взвести оружие и поставить на предохранитель... Тебе чего?

Конопатый мальчишка лет двенадцати, невесть когда успевший сбегать за ворота, держал в руках окровавленный "лифчик" и автомат.

- Я с ними хочу, - заявил он и мотнул головой в сторону вооружённых.

- Из чьего десятка? - поинтересовался, повысив голос, Ольгерд, и ударом в ухо сшиб подбежавшего заранее перепуганного десятника с ног. - Марш следить, пока у тебя все не разбежались! Встал, марш, быстро!.. Так, теперь с тобой, - он оглядел конопатого. - Можно с ними.

- Э, Ольгерд, - подошёл к Верещаеву один из его людей. - Тут ещё монахи... пятеро, молодые. С нами просят. И трое пацанов из местных послушников. Как?

- Как сам думаешь - берём, конечно, - буркнул Верещаев. - Давай, подгоняй их скорей! Выходить надо быстро, быстро уже!

И подумал, что скоро пойдёт снег, а Юрка как раз должен сегодня привести в Чистое очередной груз золота...

\* \* \*

Около дороги ещё стреляли, но это были отрывистые, отсечённые "трёхстрелки" американских M16, а значит - наверное, добивали раненых или просто палили для бодрости. Юрка слышал это как бы издалека.

Он лежал на животе среди сухих осенних камышей, качающихся мягкими метёлками на ветру, смотрел, как вечереет и в тихом ясном воздухе начинает сеяться снежок. Холодно не было, ну а тела ниже пояса он не ощущал вообще, хотя знал, что оно лежит в стылой болотной жиже. Ещё он знал, что скоро найдут и его - кровавый след, мятые и изломанные светлоголовые камышины... Поэтому в правой, работающей руке, он держал "бердыш", а обе оставшихся гранаты с выдернутыми кольцами сунул под грудь, и они там неудобно давили.

Юрке не было ни больно, ни страшно. Снег падал и падал, красивый, плавный, а выстрелов больше не было. Зато уже потрескивали камыши. Климин понимал, что подвёл своих. Подвёл самонадеянностью, решив проскочить ментовский блокпост с грузом. Он, конечно, не знал, что вместе с ментами там окажутся янки из UNFRF. Конвой смял и этих картонных вояк... но у янки всегда было хорошо со связью, и через десять минут на просёлке его накрыли вертушки, а потом выбросили вокруг ударные группы, у которых были сканеры, тепловизоры и до чёрта гранатомётов и пулемётов.

Сто пятьдесят килограммов золота, подумал Юрка. И семь человек, семь взрослых мужиков, которыми доверили командовать ему, семнадцатилетнему идиоту. Впрочем, он провёл пять караванов. И улыбался, когда Ольгерд говорил что-то вроде: "Не зазнавайся..."

Голоса. Совсем близко. Наверное, они уже видят его на экранах.

Он вспомнил маму, отчима, сводного брата Никитку. Отчётливо вспомнил, ясно так. Никитка как раз перед объездом Юрки собирался в очередное "здание" - Евгений Павлович должен был его зачем-то отвезти в Воронеж к отцу Георгию. Хорошо бы всё закончилось благополучно, мелкие так рискуют... Показалось Юрке даже, что он увидел своих... а когда сморгнул, то понял, что вокруг мягкая тьма, и это не стемнело окончательно, а просто он **не видит**. Юрка не знал, зачем заполз на болото, почему не остался у дороги, где его ранили и где погиб конвой. Золотые слитки тяжело падали в грязь... Узнают, нет? Поймут или нет? Хорошо бы приняли конвой за обычную бандитскую группу, где-то надывавшую золото... Вдруг вспомнились лица мальчишек-кадетов, которым он в Воронеже отдал оружие. "Всё равно у нас получится," - спокойно подумал юноша и попытался ощутить пистолет, но уже не было ни рук, ни вообще тела, а только... только... только...

И Юрка Климин перестал быть...

...Темнело медленно, и даже без подсветки было видно лежащего наполовину в чёрной поддёргивающейся ледком жиже, наполовину на мёрзлом и окровавленном берегу высокого белокурого парня с раздробленным пулями крестцом. Левая рука - в тёплой перчатке - была вытянута вдоль тела ладонью вверх, на неё уже напал снег. Правая - с прочно зажатым пистолетом - на отлёте в сторону. Подошедший вплотную осторожными шагами солдат - весь в углах диковинной амуниции, безликий - хотел толкнуть лежащего ногой, но шедший следом сержант его остановил:

- Стой, не дури. Видишь, он умер не сразу, почти наверняка сунул под себя гранату.

- Да? - рядовой присел, осторожно пошарил под трупом. - О чёрт, святая задница, точно! - он осторожно достал маленький кругляш, закусывая губу, вставил временную чеку. Подбросил гранату и повесил на плечевой ремень. Сержант между тем говорил по рации. - Похож на моего младшего брата, - задумчиво сказал рядовой. - Такой же длинный и белобрысый... Сержант, а я вот раньше на самом деле думал, что русские похожи на монголов...

- Надо было меньше смотреть телевизор, - посоветовал сержант. - Наши там допрашивают одного, взяли живым... Похоже, это всё-таки не банда, а партизаны...

- Я обалдел, когда увидел столько золота, - признался рядовой. - Честное слово, будь слитки поменьше, запрятал бы хоть один. Всё равно в тылу разворуют всё... Бррр, какая

же тут неуютная осень. Неудивительно, что эти русские все долбанутые. За что они хоть воюют?

- Если бы я знал, я сидел бы в Белом Доме, - отозвался сержант. - Может, им просто нравится воевать. Может, они нас ненавидят. У них вообще может быть всё, что хочешь. Армия сдалась без единого выстрела, а какие-то непонятно кто всё равно стреляют. Народ полоумных, хуже ирландцев.

- Говорят, в Ирландии какие-то серьёзные беспорядки, - вспомнил рядовой. - Что-то такое рассказывали вчера по CNN. В этом... Твистере.

- Ольстере, - поправил сержант. - Моя бабуля была из Ольстера. Совершенно чокнутая старушенция, как-то раз застрелила двух ниггеров, которые хотели её ограбить на улице - нет чтобы как все нормальные люди отдать пару двадцаток...

- Ха, так вы тоже малость полоумный? - усмехнулся рядовой.

- Будь я нормальным, я бы опять-таки сидел в Белом Доме, а не таскался по этой ледяной каше, - не обиделся сержант. - А вообще, - вдруг добавил он, - мне всё это дико обрыдло. Арабы и прочие хаджи - чёрт с ними, они всё равно не люди... эй, только не вздумай донести, что я веду расистские разговорчики... - рядовой клятвенно поднял два пальца. - Ты не видел, в какой грязи они живут, а я-то побывал в Кабуле и в Багдаде тоже... Дерьмо они и обречены прозябать в дерьме. Но тут у меня всё время какое-то странное ощущение... - сержант покрутил головой и замолчал. Рядовой, не дождавшись продолжения, вспомнил:

- Я в увольнительной был знаете где? В музее. Нет, честно, там, где старинные пушки у входа. Зашел ради смеха, кинул им там на входе двадцатку, всё равно не жалко... Там одна бабка знает английский, увязалась за мной ходить и объяснять. Оказывается, этот город, ну, Воронеж - он, мать твою, старше наших Штатов на полтора века! Я ушам не поверил, когда услышал!!! Когда уже уходил, туда завалились двое хаджи из местных, эти... ну... русские называют их *зверьки*... в общем, я не знаю. Завалились, чтобы поссать в холле... - рядовой хмыкнул. - Ну, дело житейское. Но мне почему-то не захотелось, чтобы они там ссали, и пришлось напирать им под хвост...

- Ну да ладно, - вздохнул сержант, - хватит разговоров. Давай-ка его обыщем как следует...

Он присел и перевернул тело умершего русского.

- Сержант, что это? - спросил рядовой, нагибаясь над выкатившимся под ноги предметом.

- Граната, сынок, - спокойно ответил сержант...

...На взрыв у края болота обернулись сразу все - кроме двух человек, стоявших возле перевёрнутой телеги.

\* \* \*

На лежащие на столе бруски золота генерал-лейтенант Твиндэм смотрел, как на мины. Его взгляд был таким, что комиссар Паолизи занервничал и взгляделся тоже. Ничего **такого**. Обычное золото высочайшей пробы...

- Доигрались, - тяжело произнёс Твиндэм и перевёл на итальянца взгляд, вызвавший у латинянина приступ генетического страха перед германцем. - Достукались. Твою мать, - это генерал сказал по-русски. - Вы, тупой пожиратель макарон, - Паолизи сделал оскорблённое лицо, - я говорил вам и всей вашей сраной администрации, что нельзя, понимаете, НЕЛЬЗЯ играть с русскими в эти игры?! "Ах, они отселяются на землю, ах, пускай!" - передразнил он кого-то. - В концлагеря их надо было отселить! В гетто! - он выругался и повторил: - Доигрались.

- Не понимаю, что вас так беспокоит... - с апломбом начал Паолизи. И осекся - в глазах генерала появилось чокнутое бешенство.

- Бессссссспокоиииттт? - протянул Твиндэм. - Меня беспокоит, вашу мать, что теперь я вижу все кусочки мозаики! В окрестностях города, в ваших пастроальных поселениях на земле, бородастых и лаптеносных - вы знаете, что такое лапоть, Паолизи? Это вы, чёрт побери! Так вот, в этих поселениях, судя по всему, собралась **армия**, а мы этого не заметили! - и генерал заорал, уже не сдерживаясь совершенно, двинул бруски по столу. - Вы лапоть! Взятчик, бабник и тупой русский лапоть! А я старый идиот, слепой идиот! Теперь мне всё ясно, всё!!! **Вы представляете, что они сделают на эти миллионы?** Думаете, купят виллу на Лазурном Берегу и смотаются туда? Чёрта с два. Они - не вы. Уже через пару недель нас прямо в этой резиденции будут обстреливать ракетами!!!

Он отвернулся от молчащего в недоумении Паолизи и что-то скомандовал адъютанту - стоявшему у карты с каменным лицом.

А Паолизи вдруг ощутил - тем самым седьмым чувством итальянского жулика, которое всегда ему помогало - что его присутствие срочно необходимо... в... в... да где угодно, только подальше отсюда!

- Не вздумайте улизнуть, - Твиндэм повернул к нему каменное лицо. - Отвечать будем вместе. И молитесь богу, Паолизи, чтобы отвечать нам пришлось всего лишь перед ООН. Это будет просто-напросто счастье. Невероятная удача.

И снова повернулся к включившему связь адъютанту.

### Воронеж и окрестности.

#### Российская Конфедерация Независимых Народов.

*Бой так бой -  
Разговор другой!  
Ну а биться мне -  
Не учиться у вас!*

*Былина XII века.*

Когда Верещаев вошёл к Ярцевскому, князь благополучно дрыхнул в обнимку с какой-то женщиной, которую Ольгерд видел разве что мельком. Худощавый, с усиками, ироничный, Дмитрий всегда пользовался успехом у женского пола и отчасти поэтому не обзавёлся семьёй, ценил независимость. Катастрофа, постигшая Россию, его привычек не изменила...

Верещаев поднял руку, собираясь опрокинуть на пол тяжёлый старинный стул, но Ярцевский, не открывая глаз и не меняя позы, предупредил:

- Не надо шуметь.

- Шума тут скоро будет достаточно, - Ольгерд сел. - Через двадцать минут из Воронежа на нас выступает колонна. По некоторым данным, юркин обоз не просто так пропал - видимо, кто-то попал в руки "миссионеров" и раскололся, Дима...

- Данные поподробней, - Ярцевский наконец открыл глаза, левой рукой закинув одеялом завозившуюся женщину. - Спокойней, радость моя, это мужские дела...

- Подробности хреновые, - ответил Верещаев. - Рота янковской лёгкой пехоты - девяносто человек, восемь "брэдлей", два "хаммера". Чваки - шестьдесят, на пяти "хаммерах". Евсюки - сорок, на шишиге и двух УАЗиках. Усиление - янки - два самоходных миномёта, 120-мм, 155-мм самоходная гаубица, с воздуха - две "мыльницы" с миниганами и НУРСами. Сейчас уже летит "предатор", на разведку.<sup>13</sup>

<sup>13</sup> Чваки - ЧВК, бойцы частных военных компаний. Шишига - грузовик ГАЗ-66. Мыльница - лёгкий вертолёт огневой поддержки типа ОН-6.



- Транспортных вертушек нет? - Ярцевский сел и зевнул. Верещаев покачал головой. Князь вдруг посмотрел на него злыми и весёлыми глазами: - Ну и отлично, Ольг. Сегодня ты увидишь, как мы их хороним. Все увидят, как мы их хороним. И не по мелочи.

- У нас сто сорок стволов, - заметил Верещаев. - Ну - успеют ещё с сотню подойти из окрестных починков. А самое тяжёлое оружие - РПГ.

- Сходи за Федосовым, - попросил Ярцевский. - Скажи ему, чтобы собрал экипажи. Так и скажи. Думаю, человек сто нам хватит. Не будем тревожить молодёжь и занятых работами.

- Дим... - начал Верещаев осторожно. И тогда Ярцевский вдруг заорал:

- Блядь, Ольг, не тормози, как целка в публичном доме! Иди - и выполняй, и вечером наши сопляки будут срать в их каски!!! Бегом!!!

Верещаев вспыхнул. Но потом взгляделся в глаза князя, помедлил... отсалютовал и быстро вышел.

Ярцевский засмеялся. Искренне и немного ненормально. А потом откинул одеяло:

- Думаю, мы успеем ещё раз, золотце...

\* \* \*

Колонна двигалась обычным порядком. То есть, впереди спецмашина ЧВК-шных минёров, потом - евсюки и снова ЧВК-шники. Дальше - половина янки, артиллерия и оставшиеся лёгкие пехотинцы. Вертолёты барражировали над колонной "восьмёркой", охватывая движущийся цилиндр высотой в полмили и диаметром в три мили.

Майор Бернсуэйд трясся в головном янковском "хаммере". Разбитый просёлок порядком подмёрз, автомобили подкидывало. Русская грязь разбивала шины колёсной техники вдрызг, а стоило зазеваться - клинила даже танковые гусеницы. Пулемётчиков мотало в люках. Каково было солдатам в "брэдли" - лучше было и не представлять. Майора раздражало происходящее. За последние два месяца он зачистил три деревни, жители которых претендовали на что-то большее, чем просто житьё на земле за счет натурхозяйства (это у командования сил UNFRF возражений не вызывало). И всегда проходило без осложнений. Ну да, ну была стрельба, были несколько убитых. Ну и что? Зачем гнать в ещё одну дикарскую деревню бронеколонну под прикрытием вертушек, да ещё и снабжать кодами вызова F-16 с авиабазы? И никаких объяснений... Майор был опытным солдатом и видел, что начальство явно мандражирует. С чего бы? И что там такого может быть? Он осмелился задать прямой вопрос - и получил очень вежливый и многословный ответ, в "выжатом" виде означавший: не лезь не в своё дело, солдафон. При воспоминании об этом майор злобно фыркнул и посмотрел на экран, где передвигались пятна засветок. В России тепловизоры работали отвратительно. Тут ВСЁ работало отвратительно, как будто техника заражалась от местных обитателей. Но экран как будто не показывал ничего угрожающего, как не показал ничего и предварительный облёт "прэдатора". В эфире переговаривались вертушки, и майор решил, что после окончания всего этого тупого дела вставит летунам фитиль со скипидаром - чтобы не...

- О господи, что это?! - в голосе старшего пилота было скорей изумление, чем испуг. Но уже в следующую секунду белая спираль поразила вертолёт в днище - белёсое, похожее на брюхо снулой рыбы, прямо в нарисованную морду Микки Мауса, точно в оскал дебилной диснячьей улыбки - и вертолёт разлетелся огненными брызгами. Секундой позже та же судьба постигла вторую машину, экипаж которой не успел даже пискнуть.

Подняв глаза от экрана, где таяли алые, белые и зелёные хлопья, майор вдруг увидел то, чего не видел раньше, увлечённый электронной картинкой и успокоительным шумом эфира. **Увидел реальность.**

Реальность заключалась в том, что его колонна сейчас вползла на участок лесной дороги, изогнутый широкой петлёй буквы "си". А точнее - на старую болотную дамбу. С глубоким кюветом слева и стометровой унылой болотиной слева.

- О господи, - повторил Бернсуэйд слова страшно и непонятно погибшего вертолётчика. - Заса...



...Две "тунгуски" стояли в трёх километрах от колонны, почти на окраине села, замаскированные строительной фольгой и ветками. Именно они сбили вертолёты и остались на позиции, хотя у каждой оставалось ещё по семь ракет - Ярцевский не хотел рисковать. Ещё четыре машины были укрыты за кюветом на пригорках в лесу - метров за сто от дороги. Между ними и за болотом - "на флангах буквы "си"" - россыпью лежали в поляризующих "логовах" дружинники, вооружённые в том числе гранатомётами и "шмелями". Но в их участии в первые секунды боя нужды не было.

Во вращающихся башнях четырёх "тунгусок" были установлены восемь 30-мм автоматических пушек 2А38. В следующие пять секунд они обрушили на колонну тысячу триста бронебойно-зажигательных снарядов.

По полсотни снарядов на каждую из машин колонны.

Две трети улетели мимо, превращая в бурелом осенний чахлый лесок за болотиной. Но и тех 10-25 снарядов, которые попали в каждую из машин, было вполне достаточно, чтобы на дороге не осталось ничего, даже отдалённо напоминавшего воинское подразделение. И без того слабая западная броня с бортов была ещё слабее. Снаряды огненными комьями влетали внутрь - вместе с кусками самой брони, ошмётками конструкций, обшивки, приборов, закреплённого на бортах снаряжения...

Через семь секунд после начала атаки негорящих машин на дороге не было. Через девять - взорвалась самоходная гаубица, чуть позже - шишига, которую так и не успели покинуть большинство евсюков. Остальные машины просто горели. Ни одна из авиационных скорострельных 25-миллиметровых пушек "брэдли", ни один хаммеровский "браунинг" или Мк19 - не стреляли. Стрелять из них было некому. Большинство стрелков были либо убиты наповал, либо корчились в горящих машинах с оторванными ногами. Первые выстрелы со стороны колонны - разрозненная пальба нескольких стволов - раздались только через пятнадцать секунд после начала разгрома.

И тогда голос подал товарищ Калашников - един во многих ипостасях. Тратить 30-миллиметровые снаряды на оставшихся в живых оккупантов и предателей не стоило...

...Майор Бернсуэйд, лёжа рядом с горящей машиной, кричал в микрофон:

- Код красный для шестнадцатого! Красный для шестнадцатого! - пока не увидел, как со стороны кривого, нелепого и страшного, как в фильме ужасов, серого леса за болотом приближается стремительный рыжий плевок. В стороне летели к колонне ещё два таких же. Бернсуэйд судорожно сжал гарнитуру, открыл рот... и через миг волна уплотнённого до твердости бетонной плиты воздуха - после взрыва первого из трёх выпущенных "шмелей" - размазала его о горящий остов командирского "хаммера", который мгновенно потух - пламя снесло, сбило и скомкало...

...Первый из двух вылетевших с авиабазы "фалконов" погиб в трёх километрах от места засады - "тунгуски" от села достали его на пределе возможностей, выпустив - для верности - десять ракет серией, по пять каждая. Зафиксировав облучение радаром зенитки, лётчик отстрелил целую порцию ловушек, совершил заученный манёвр - и получил-таки ракету в сопло. Правда, три остальные, "заходившие" на его самолёт, "отвлеклись", но ему

уже было всё равно. Исправно сработавшая катапульта пробила его телом несбросившийся колпак кабины, и через две минуты труп пилота упал на заброшенном колхозном выгоне буквально в десяти метрах от того места, где пятеро беженков из города варили поздние помёрзшие грибы для детей, кучкой спавших под ворохами досок и старого рубероида и шифера. На трупе женщины нашли пистолет, хороший нож, кое-какой НЗ, десять золотых английских соверенов, официальную записку на русском с просьбой "помочь пилоту сил ООН добраться до своих и получить вознаграждение" и фото семьи, которое тут же разорвали в десять рук с какой-то звериной яростью. Потом они стащили с лётчика комбинезон, тёплое бельё, а с похоронами возиться, конечно, не стали.

Второму пилоту - ведомому - повезло немногим больше. При виде того, что происходит вокруг, он неожиданно резко осознал, что с компьютерным тренажёром это не имеет ничего общего. Через секунду после того, как он с истеричным воплем ужаса жидко опорожнил кишечник в специальный памперс, ракета попала под левое крыло, и вошедший в кабину осколок дюрала чисто и безболезненно отрезал пилоту голову. То, что осталось от машины, грохнулось в старый затинный пруд возле заброшенной деревни...

...Ярцевский стоял на броне выехавшей к дороге "тунгуски". Маскировочная, рогатая от ракет, антенн и стволов, она была вызывающе украшена во весь лоб кривой чёрно-жёлто-белой полосой с золото-алой на чёрной полосе вайгой и гербом бронесил Княжества - кольчужным кулаком с зажатой палицей. Остальные машины к дороге не выезжали. Передвигавшиеся по дороге дружинники то и дело нагибались, запасая в серо-коричневые мешки из грубого рядна часы, коммуникаторы, прицелы и вообще всё, что представляло интерес для княжества в целом или для кого-то из дружинников в отдельности. Добывать было практически некого, только в болоте уже нечленораздельно вопили и ревели двое каким-то чудом добравшихся туда евсюков, протягивая к берегу руки и пытаясь выбраться из ледяной жижи, неспешно заглывавшей их. На них смотрели равнодушно - и немногие.

- Примерно так, - сказал Ярцевский и поглядел на часы. - Саня, пора, - сказал он негромко...

...Верещаев убрал с лица шарф и осмотрелся. Когда ему показали "тунгуски", он не поверил. "Тунгуски" какими-то неведомыми путями доставил Пешкалёв, равно как и офицерские экипажи - как раз этих людей Ольгерд видел, но принимал, естественно, просто за переселенцев, тем более, что офицеры приехали с семьями и в разное время. Сейчас Ольгерд находился в некоторой растерянности, через которую прорастал гнев. На его глазах шесть этих машин уничтожили два самолёта, два вертолёт, больше двадцати единиц техники и двести оккупантов - за какие-то две минуты. **Шесть машин**, всего **шесть!!!** Каждая из них стоила какие-то двести тысяч долларов. Ну, пусть полмиллиона. Пусть!!! Но ведь те яхты, клубы, гулянки, бессмысленные "нацпроекты", похожие на беготню обезглавленной курицы - перед сдачей власть дураков и подонков бухала на всё это **десятки миллионов!!!** И теперь мучился и умирал русский народ, становились рабами и игрушками русские дети и женщины, вымирал русский города, вывозились русские богатства, осквернялась сама русская земля, русская история, русская память... **из-за чего?** Из-за тупости и жадности кучки негодяев?! Сотни таких машин, сотни новых самолётов и вертолёт, сотни новых танков, десятки кораблей, десятки тысяч хорошо обученных солдат - не цыпят с тощими шейками и замученными глазами... всё это было украдено, и Россия осталась беззащитной, и само будущее её повисло на тонкой ниточке над жадно чавкающими слюнявыми пастьми чудовищных монстров... И кто же защищает Россию? Да вот же - её защищают адвокаты, учителя, менты, инженеры... **все, кто угодно** - кроме тех, кто трещал об этом и делал широкие жесты! И снова приходится воевать на своей земле...

Верещаев ощутил, как мышцы лица свело судорогой. В этот момент, попадись ему предвоенные "деятели" - он бы разорвал их в клочья голыми руками и втоптал клочья в обгорелую землю. "Ну нет, - подумал он ясно, - если будет шанс - они не спрячутся нигде. Разберёмся с пришлыми, вытащим всю сволочь сюда с их уютных вилл в "Курвахшалых"

и распнём всю эту свору - голыми и вниз головами - на московских "ежах". Или будет так - или мне не жить. Поворачивать всё равно некуда."

Он подумал о своих мальчишках и девчонках. И - о миллионах мальчишек и девчонок России - **вот сейчас, вот в эту секунду** плачущих, умирающих, растерянных, испуганных, непонимающих, бегущих, прячущихся, зажмуривших глаза, кричащих, увозимых прочь...

- Проснитесь, боги, - сказал он, поднимая голову к хмурому осеннему небу и рывком сдёргивая с головы берет. - Смотрите, вот он я стою перед вами. Проснитесь, взгляните на русскую землю, сойдите на неё, воплотитесь в нас для мести. Я отдаю вам своё тело для этого воплощения, слышите? Помогите отстоять Родину и свершить месть над нелюдью - такую месть, боги, чтобы закачалось небо и земля дрогнула, потому что иного они не заслужили и давно полна моя чаша терпения. А потом можете убить меня, если будет нужна плата за вашу помощь. Я, Ольгерд Верещаев, посвящаю себя вам, боги...

...Как раз в это самое время стоявший у ворот давно заброшенного длинного ангара на пересечении 5 Декабря и Краснознамённой Федосов утопил в подёрнутой по краям ледком луже окурки и сказал подпиравшему ворота парню:

- Рафинадыч, начинаем, - тот кивнул и исчез в тёмном проёме, а через несколько секунд там заработали моторы. - Ну что, - пробормотал Федосов, - настала пора сделать так, чтобы о нашем маленьком колхозе быстренько забыли...

...Колонна ворвалась в воронежскую "зелёнку" вокруг ООНовских миссий неожиданно. Три открытых УАЗа, утыканные пулемётами и ПТУРами, два грузовика с тендами, которые украшала гордая надпись **КОМПАНИЯ РосДератизация**, два джипа "лэндкрузер" - тоже превращённые в передвижные огневые точки. В грузовиках было по три тонны самодельной взрывчатки, их вели вовсе не смертники, а отличные водители, многократно отработавшие свои действия.

Подобного здесь ещё не было. Вихри пулемётного огня смели растерянную охрану, мгновенно протянутыми тросами "крузеры" растащили блоки заграждения - и колонна ринулась по территории сэттельмента, расстреливая и взрывая всё на своём пути. Через одиннадцать секунд после начала атаки первый грузовик врезался в склад ГСМ, ещё через три второй въехал в холл главного офиса миссии...

...Среди погибших во время рейда (их насчитывалось около трёхсот) оказались генеральный комиссар ООН Паолизи плюс почти весь его аппарат - и командующий силами UNFRF в Центральном Секторе генерал-лейтенант Твиндэм со всем своим штабом. Группа Федосова потерь не имела, как не имел их и отряд Ярцевского. Строившие схемы действий на основе "миротворческих операций" на юге и востоке, где главная опасность исходила от смертников-одиночек и ракетных обстрелов "по площадям", оккупанты оказались совершенно не готовы к классическим засадам и рейдам, наличию у противника современных ракет, а главное - чёткого плана действий. Население Воронежа тем временем грабило и растаскивало всё, что уцелело на месте сэттельмента - от канистр с водой до оружия, причём грабежи не прекратились и когда прибыли подкрепления - усиленный батальон американской лёгкой пехоты, усиленный батальон валлийских гвардейцев, батальон польских парашютистов под общей командой бригадного генерала армии США Ортеги. Первоначально, впрочем, прибывшим было не до местных - подобных потерь одновременно ООНовцы и НАТОвцы не несли ещё никогда.

К вечеру второго дня "миссионеры" опомнились, малость подразгребли своё и попытались образумить население, которое, казалось, сошло с ума. Началось со стрельбы газовыми гранатами по мальчишкам, разбиравшим остов "хаммера". Пацаны с визгом и воем разбежались в соплях, но через полчаса появились с подкреплением, в старых армейских противогазах и закидали блок-пост камнями и бутылками со смесью бензина и машинного масла. В ответ в них начали стрелять уже по-настоящему, и под утро в городе шёл масштабный бой. Вооружённые кто чем - от пулемётов до кусков арматуры - горожане разного возраста и обоего пола сожгли больше сорока единиц самой разной техники, от

джипов до танков, перебили ещё около сотни солдат миссии (совершенно не считаясь со своими - впятеро **большими!** - потерями!) и не пошли на штурм ошалело откатившихся в оборону на выжженной территории бывшего сеттельмена миротворцев только потому, что не имели ни командиров, ни плана - казалось, ими руководит какой-то инстинктивный разум, подсказывающий, что чужих надо убивать, но дальше этого не идущий. Авиаразведка засекла начавшийся из города массовый исход населения, авиация нанесла по колоннам беженцев несколько хаотичных ударов "просто так" (в коммюнике было заявлено, что удары наносились по отходящим из города разбитым частям националистов)... и совершенно неожиданно потеряла два самолёта - американский и голландский F-16, сбитые запущенными с окраины "стрелами". Помимо этого какие-то группы неплохо вооружённых и явно организованных людей - по отрывочным данным разведки во главе с бывшим казачьим атаманом Щупаком - продолжали скрываться по периметру развалин сеттельмента, вели беспокоящий огонь невзирая на артиллерийские и авиационные удары, а к вечеру... **ахнули по площади невесть откуда взявшимся "смерчем"**. Дюжина ракет с четвертьтонными термобарическими боеголовками перемешала с техникой, землёй и воздухом почти полтысячи "миротворцев". Оставшиеся в живых поспешно "прорвались" (их никто не задерживал) прочь из ополоумевшего города.



Решено было спешно перебрасывать с юга части казачьей дивизии ООН и батальоны конфедеративного СОБРа, укомплектованные кавказцами...

**Дмитрий Ляляев.**

**ГОСТ**

**(интерлюдия)**

Может, в чём-то бывал неправ и я,  
Власть бандитскую зло кляня,  
Но пока страной правит мафия,  
 Попрошу не держать меня!

Попрошу не читать нотации,  
Дескать, молод ты и горяч.  
Мне от вас не нужны дотации,  
И силком меня не запрячь.

Мне всегда был понятен весёлый смех  
Над вождями из чугуна,  
Но никто не просил опускать нас всех  
До отметки морского дна.

Я гляжу на экран сапфировый,  
Изнасилованный враньём.  
Из страны несётся по миру вой,  
А поэты пьют шнапс с ворьём.

Мне не нужно искать нынче модных тем,  
Я б очистился от грехов,  
Звезданув по холёным мордам тем  
Плетью, скрученной из стихов!

Попируйте, попейте кровушки  
Средь народной лютой беды!  
Будет время - слетят головушки  
И растают ваши следы.

И хватило бы вам везения  
Хоть за гробом спастись от слёз.  
Но и там не видать спасения  
Тем, кто людям мученья нёс.

По гулянке выйдет похмелие,  
Толпы нищих развеселя.  
Кровью выльется то веселие  
И оплатятся векселя.

Враз раскаетесь, твари злобные,  
Повалитесь вы в ногах,  
И придушат крики утробные  
Парни в кованых сапогах.

И никто, ни теперь, ни в будущем,  
Не проронит о вас слезы.  
Пейте ж водку в море бушующем  
И разбейте свои часы!

